

Часть I

ГЛАВА I

Кровь еще проступала из раны на груди Мрака. Вторая ранка, неглубокая, темнела справа над ухом. Крупные тяжелые капли застыли коричневыми струпами. Кора и Лиска уложили оборотня среди разбитых глыб небесного мрамора, Лиска забормотала слова древнего заговора.

Кора с треском оторвала нижний край платья, туго замотала голову оборотня, выставив заостренное ухо, слегка заросшее шерстью. Лиска метнула злобный взгляд: бесстыдница, могла бы и не такую широкую полосу, а теперь не тронутое жгучим солнцем белое тело вызывающе бросается в глаза, и взгляды троих мужчин, как ни измучены те после боя, то и дело обращаются в ее сторону.

На лбу Мрака собрались крупные, как орехи, мутные капли. Он все еще дышал тяжело, но взгляд прояснился. С недоумением поднял голову, вверху чернота, вроде ясная ночь, но почему нет звезд, осторожно повертел шей. Поморщился:

— Отпустило... Хороший ты лекарь, Олег. Куда лучше, чем волхв.

— Я не вылечил, — сказал Олег с отчаянием. — Я только усыпил яд! Но эта гадость проснется с морозами. Я не знаю даже, увидишь ли первый снег.

— До снега? — удивился Мрак. — Так чего ж рыло, как у барсука, вытянулось? Еще утром не знали, доживем ли до вечера! А тут — до первого снега! Это же вечность...

Он пошевелился, пытаясь сесть. Рука нащупала сверкающее Яйцо, но ладонь соскользнула, едва не упал лицом вниз. Кора и Лиска с готовностью упирались в эту каменную плиту, которой казалась спина оборотня, раскраснелись, ибо поддерживать Мрака не легче, чем настоящую скалу.

Мрак прислонился к уцелевшей стене хрустального дворца. По изумительно ровной площади, холодной и неживой, как раскатились, так и застыли блестящие глыбы, похожие на расколотые льдины. Свет искрился на изломах, вспыхивал сотнями крохотных радуг, но даже радуги здесь были не столько цветными, сколько всего лишь яркими и неживыми.

— Или парни, — выговорил Мрак с трудом, — с которыми я сталкиваюсь, становятся все крепче... или я слабею.

Олег приложил ему к губам баклажку:

— Выпей глоток этого отвару. А завтра, если проснешься, еще глоток.

Таргитай, сгорбившись, как старая больная черепаха, сидел на мраморной глыбе. Растерянные глаза дударя смотрели в одну точку. Вышитая петухами рубашка разорвана до пояса, на боку зияет прожженная дыра с коричневыми краями.

Он вздрогнул, когда Олег начал остервенело крушить подхваченным с земли молотом стену.

— Все равно не понимаю, — сказал Таргитай убито. — Вот спасли мы весь белый свет... И сидим здесь, голодные, как волки, озьявшие, как вороны. А я голодный, как четыре волка зимой. А где-то цари жрут и пьют прямо на теплых печках, как жрали и пили... Перед ними девки пляшут, в бубны бьют... А мы, спасители, получили от хвоста уши.

Мрак морщился, рассматривал рану на груди. Края взялись лиловым, медленно чернели. В сторонке раздавался грохот, Олег разбивал мебель, сундуки, скрини. Золото и драгоценные камни топтал, не глядя, торпливо оглядывался на Мрака, и даже Таргитай понимал, что ищет волхв. Мрак пробурчал:

— Вон Яйцо.

— А что с ним? — спросил Таргитай безнадежно.

Мрак подумал, предложил:

— Продай. Можно такие деньги огрести!

— Мрак... — проблеял Таргитай несчастным голосом. — Я о том, что где же справедливость?

Мрак скривился от приступа боли:

— Раз спасли, то он враз и справедливым станет?.. Да ты дурнее, чем я думал.

Олег услышал, бросил через плечо:

— Мир все тот же. Мы его просто удержали в целости... Не то что этот сундук!.. Не дали белому свету разлететься на камешки... Ого, сколько камней, и почему-то драгоценные!.. Но с чего бы вдруг мир стал справедливее?

— Я думал, — сказал Таргитай тоскливо. — Должно же что-то произойти!

Мрак проворчал:

— Оно и произошло. Мир цел, люди пакостничают по-прежнему. А уж как улучшить этот спасенный мир, пусть Олег думает. На то и волхв.

Олег двумя страшными ударами разбил другой огромный сундук, окочанный золотыми обручами. Раскатились желтые монеты странной чеканки, блестящие камешки. Олег брезгливо переступил, обрушил молот на следующую скриню, а через плечо буркнул:

— Я знаю лишь, что погубить или спасти мир можно за один день. Но улучшить... тут всей жизни не хватит. Вон у Рода и то руки опустились! И хвост повис. А крылья так и вовсе... А он бессмертный!

Мрак посмотрел на опечаленного Таргитая, засмеялся грохочуще:

— Но даже если улучшишь, то все одно получишь разве что затрепину или пинок в зад. Спасители человечества кому нужны? Это даже я

понимаю, хоть лягушачьи лапки перед собой не бросаю!.. Ты — другое дело. Не забывай, что ты теперь бог!

Олег с сочувствием оглянулся на Таргитая. Тот как никогда выглядел маленьким и жалким, горбился, пугливо посматривал по сторонам. Пальцы зябко шарили по груди — он то ли стягивал края разорванной рубахи, грудь чересчур широка, то ли щупал спасительную дырочку.

— Может, не надо, а? — выговорил он просительно. — Лучше ты будь им, а? Ты вон какой здоровый! Или Олег, он у нас умный.

Мрак непреклонно покачал головой:

— Не-а, мне нельзя. Я теперь герой. А герои иной раз и богов меж ушей... Да не отодвигайся, не отодвигайся! Ты хоть и бог, но какой-то...

— Верно, — оживился Таргитай, — какой я бог?

— Бог, бог, — сказал Мрак веско. — Мне нельзя, потому что здоровый, а Олегу — потому что умный. Где ты видел, чтобы бог был умным?.. Как и те, кто богу кланяется? Это ж козе понятно: либо умный, либо верующий.

Таргитай горбился, и Олег, несмотря на злость и непонимание, все больше жалел недотепу. Род сотворил белый свет нелепым, если такие вот могут становиться богами, но спасибо Роду и за этот мир: смеяться над созданным всяк горазд, ты сотвори лучше!

По спине пробегал холодок. Дерзкая мысль пробивалась все выше, но он гасил, заталкивал вовнутрь, ужасаясь дерзости. Если Род сотворил мир несовершенным, то не для того ли создал людей, дабы доделали лучше? Продолжили работу Рода? А они трое, спасшие мир, не должны ли стоять во главе этих спасителей? А то и взяться за работу первыми?

Он перевел дыхание, потряс головой, отгоняя шибко сложные мысли:

— Мрак, ты не больно-то думай... До снега что-то да успеем. Ведь наконец-то у нас времени прорва!.. Сколько книг непрочитанных... сколько тайн неразгаданных, как много можно узнать и научиться. Наконец-то можно начать жить!.. Мы отыщем противоядие, а затем... затем начнем наконец-то жить. Просто, как все люди.

Кора посмотрела на него многообещающим взором:

— Неспешно наслаждаясь просто жизнью.

Из желтых глаз Лиски выметнулась крохотная молния. Красные, как пламя, волосы заходили волнами.

— Да, — сказала она с нажимом, — с той, с кем был в трудном походе... и не жаловался!.. Теперь он увидит, как еще лучше в покое.

Олег старательно отводил взгляд от обеих женщин. Мрак даже раздвинул запекшиеся губы в улыбке, бедному волхву сейчас хоть головой в прорубь.

— А я, — сказал Олег с усилием, — забьюсь куда-нибудь в нору. Надо прочесть много книг, неспешно разобраться в магии. А то трясти горами могу, а вот сдвинуть птичье перо еще не умею... Когда научусь всему, тогда и выйду к людям.

Женщины помрачнели, переглянулись, а Мрак проворчал:

– И тогда наступит настоящий конец света.

– Почему?

– Сразу начнешь учить жить праведно. А ты такой зануда, что все тут же подохнут, как вот уже подохли мухи вокруг тебя.

Олег в недоумении огляделся, но мух в вирии вроде бы нет. Все настолько чисто, прекрасно и благородно, что даже ему захотелось найти грязный булыжник и швырнуть в хрустальное окно.

Шагах в трех воздух завертелся жгутом. Сквозь вихрь проглянуло нечеловеческое лицо, огромное, злое, сменилось мутью, словно в кувшине размешивали кисель, потом вихрь опал, а на хрустальных плитах возник высокий строгий старик с длинной белой бородой и серебряными волосами, падающими на плечи. Взгляд его был острым, как ножи, желтые глаза полыхали, как два чана кипящего золота. Взгляд сразу же прикипел к сверкающему Яйцу.

Мрак крикнул, слабо похлопал ладонью в поисках секиры. Олег отшатнулся, только Таргитай тупо смотрел в пространство.

– Числобог, – прошептал Олег, бледнея.

– Узнал, – сказал старик сухо. – Зрю, прилежен был в учениях!

Мрак прохрипел, на миг прикрыв глаза от приступа боли:

– Зело прилежен. Батя, ты на чьей стороне?

Старец непонимающе смотрел на него сверху вниз. Олег торопливо воскликнул:

– Не сердись на него, отец!.. Он сильно ранен.

– Вижу, – кивнул Числобог с неприязнью. – Мозги вышибло. Так что слушай ты, на третьего не оглядывайся, у того их и вовсе не было. А эти с распущенными волосами, срамницы, не в счет. Козы не скотина, бабы не люди... Так вот, я не собирался этого говорить, но глядел на вас, глядел... Словом, сейчас начинается Великий Передел.

Олег отшатнулся:

– Великий... ага, понятно. Сейчас все, за что беремся, если не великое, то очень великое. А то и величайшее. Но что за Передел?

Мрак сопел, недоброжелательно поглядывая на старца. Таргитай мутно посмотрел на них, отвернулся. Ему при любом переделе достанутся только пинки и попреки.

– Передел, – вянуто повторил Числобог. – Великий Передел Мира. Все знали... я говорю о Знающих, что белый свет вот-вот угаснет, потому и сидели... Но сейчас, когда мир спасен, зашевелились древние упыри, мудрые лешие, степные полканы. Один мир – один хозяин!

– Один мир – одна голова, – пробормотал Мрак. – Это здорово! Чтобы взять и открутить разом к... И больше не мучиться.

Олег чувствовал, как лицо холодеет и вытягивается.

– Это что же... нам опять?

Числобог развел руками:

– Это ты сказал.

– Я?

— Почему-то ты сразу решил, что вам троим надо что-то делать. Я только сообщил.

Они переглядывались, как-то само собой разумелось, что им до всего есть дело. Олег спросил:

— И как он... состоится?

— Великий бог богов и всего сущего, Род, решит, кому передать мир. Это случится через шестнадцать дней, на семнадцатый в священной Долине, где однажды уже было... Там до сих пор горит земля...

Олег воскликнул:

— Долина Битвы Волхвов!

Его передернуло, лицо посерело. Числобог кивнул, несколько раздраженный, что перебили:

— Да, так ее называют лешие, боги и даже упыри. Там Род вручит свое Перо тому, чей народ по его воле будет властвовать над всем сущим.

Мрак прогудел издали:

— А что ж сам старик?.. Помирать собрался?

Числобог стегнул по нему огненным взором:

— Смертный!.. Так о самом Роде?.. Род удалится на тысячелетний покой. Или на больше. Кто мы, чтобы судить или даже понимать Великий Замысел?.. Даже мы, боги, знаем только, что в ту заветную Долину люди даже не приглашены!

Он отступил на шаг, глаза его уже смотрели поверх голов троих неврагов и двух замерших женщин. Мрак буркнул:

— Но мы-то что можем? Мне вот осталось только чихнуть и помереть. А эти двое...

Числобог ответил медленно:

— В Книге Бытия, где записан предельный срок жизни всяк сущей твари, есть и твоя запись. Тебе отмерено... чудно, этот смертный волхв угадал, что до первого снега... Увы, ты его уже не узришь. Правда, можешь погибнуть и раньше, но это будет случайная смерть. Хотя до своего срока если кто и дотягивает, то на такого сбегаются смотреть даже боги.

Мрак скривился, переживал новый приступ, а Таргитай спросил жалобно:

— И ничего-ничего нельзя?

Числобог покачал головой:

— Даже тебе, молодой бог. Молодой, но сильно могучий. Книга Бытия главнее богов, главнее всего на свете. Она и есть само Бытие... Но ты, получеловек, можешь прожить и оставшиеся дни... достойно. А вот тебе, молодой бог, эта дорога заказана. Все, кончилось детство.

— Почему? — спросил Таргитай жалобно. — Почему мне нельзя идти с друзьями?

— Потому что опять мечтаешь жить за чьей-то широкой спиной. Чтоб принимали решения, вели, направляли, добивались, обламывая ногти и разбивая в кровь сердца и души, страдали и мучились, а ты лишь помогал...

Таргитай вскрикнул, защищаясь:

– Но разве я плохой помощник? Ты ж сам говоришь... ну, и все говорите, что я... ну... я бог...

Последнюю фразу он выдавливал долго, а конечное слово почти прошептал, опустив глаза и залившись румянцем.

Числобог развел руками:

– Ну, вот ты и сказал. Сам сказал! Ты – бог. Так что же набиваешься в помощники? Конечно, легче быть хвостиком двух львов... но тебе самому пора им стать. Львом, я глаголю!

Таргитай опустил голову и поднял плечи. Вид у него был настолько не львовый, что даже Олегу захотелось прижать голову несчастного друга к своей груди и гладить по золотым волосам.

Таргитай прошептал несчастливо:

– Как я не хочу сидеть в вирии... Тут везде хрусталь, всюду солнце, всегда пир... А я так люблю рассветы и закаты, запахи земли и травы, люблю трогать березы, заглядывать в дупла, заходить в села и веси, петь и плясать с простыми девками, не богинями вовсе и не царскими дочерьми... как вот восхотелось Мраку.

Числобог удивился:

– А кто тебя заставляет сидеть в вирии, как пес на цепи?

Таргитай смотрел с раскрытым ртом. Числобог засмеялся:

– Тем и сильны могучие боги, что ходят по земле. Но уже не со смертными.

Он развел длани, Олег думал, что тот признается в своем бессилии помочь Мраку, но этот жест взвихрил воздух, в вихре потускнели сверкающие серебряные волосы и борода, только глаза еще горели сквозь тускнеющие стены нестерпимым блеском.

Мрак что-то показал знаками исчезающему богу. Стенки вихря стали на миг тоньше, оттуда высунулись костлявые руки, потянулись, Мрак ногой пихнул Яйцо. Загрохотав, оно подкатилось к вихрю, все пятеро видели, как костлявые пальцы Числобога ухватили массивное Яйцо, с натугой потащили в вихрь, стенки помутнели, там завертелось с бешеной скоростью, послышался шелест, свист, и на высокой комариной ноте вихрь исчез.

ГЛАВА 2

Все пятеро потерянно и одиноко смотрели вслед исчезнувшему Числобогу. Хоть и не надо думать, куда пристроить Яйцо, но они, пятеро, так и остались посреди сверкающей равнины этого блистающего, враждебного людям мира. Вдалеке вспыхивают золотые искорки, там чертоги других богов, терема с ушедшими из жизни пращурами. Там диковины богов, там райские птицы...

Таргитай сказал с великой тоской:

– Это что же... опять мир спасти? Я думал, отлежусь, отосплюсь, отъемся да намечтаюсь без помех и всласть! Что за жизнь?

Олег покосился на замерших женщин:

– Боюсь, что другой нет вовсе.

– Как это?

— Я дурак еще больший! Как не понял, что этот нелепый мир все время надо спасать! Но сейчас все же проще. Он уцелеет, даже если мы пальцем не шелохнем...

Мрак буркнул, не открывая глаз:

— Фу, а я уж хотел было обуваться.

— Только ежели Перо перейдет к гномам, они нас, я говорю про людей, с лица земли сотрут, ежели к горынычам — по стенам размажут, к дивам — огнем сожгут, а к упырям...

— Не надо, — прервал Таргитай, он побледнел. — И про навьев не надо. Чистое небо, что это мы всем дорогу перешли? Меж собой и то не ладим, а уж на нас, на людей, так все кидаются!.. Где они бока отлеживали, когда мы и за них махались?

— А это как раз и понятно, — сказал Олег с горечью. — После войны появляется много героев... Как еще не говорят, что это именно они спасли!

— Скажут, — бросил Мрак с насмешливой уверенностью.

— Скажут, — тоскливо подтвердил Олег. — Но спасти мало, надо еще и отстоять на него право. Кто жаждет править? Упыри, боги, великаны... Ну, боги не в счет, хоть и самые сильные. Для них лишь бы на жертвенные камни кровь текла. Но упыри, лешие?.. Надо побывать там, посмотреть. Я не смогу подчиниться силе, но мне нетрудно признать власть более мудрых. Более того, подчинюсь с охотой!

Оборотень скривился, будто перед ним тупым ножом скребли сковороду. Но смолчал, хотя было видно, что уж он-то не согнет шею ни перед сильным, ни перед красивым, а уж перед умным — что он, совсем спятил?

Таргитай прошептал убито:

— А то, что мир спасли, не зачтется?

— Нам?

— Человекам, — поправился Таргитай несчастно.

Мрак горько рассмеялся:

— Не сердись, дружище, но ты хоть и бог, но все же дурак!

Таргитай спросил жалобно:

— Дурак, потому что твой дружище, или я твой дружище, потому что дурак?

Несмотря на тяжесть пережитого, Лиска прыснула. Мрак бросил на нее недобрый взор:

— Ишь, почивать на прошлых заслугах!.. Это тебе не в твоих песнях. Жизнь благодарности не ведает. Как и пузо, что не помнит, как до отвала кормил на прошлой неделе! Все равно сейчас аж на ребры кидается, есть просит. Да где там просит — требует. Лишь тот достоин жизни и свободы, кто каждый день за них идет на бой! Заново.

Таргитай сидел на расколотой глыбе мрамора, жалобный и несчастный. Плечи опустил, как под дождем лопух, золотые волосы сваялись в жидкие пряди. Руки бессильно свисали с коленей, будто дохлые гадюки.

Мрак с недоброй улыбкой толкнул Олега:

— Скис наш-то бог, а?

— Мрак, — сказал Олег тихо, — для него самого это боговство как снег на голову. Не ему бы... Дай привыкнуть.

— Ему?

— Да и нам не просто.

Мрак громыхнул:

— А мне и вовсе ни к чему.

Олег съежился. Может, Мрак имел в виду что-то другое, но он, волхв, все время помнит слова Числбога о первом снеге.

— Надо спускаться, — сказал он, отводя глаза. — Здесь слишком мертво.

— Не могу, — проворчал Мрак. — Вам с Таргитаем что... Хотя Меч Богов перековал на орало, зато дуда при нем, тебе тоже только губами шлепать и руками махать, а мне лучше без портков, чем без секиры! Я без нее более голый, чем без... эх, волхву ли понять?

Олег развел руками:

— Может, пойму. Я тоже привык к Волшебному Посоху. По крайней мере от собак отбивался.

— Но что-то можешь без него?

Лицо волхва дрогнуло:

— Ты же знаешь...

— Что?

— Ну, землю тряхнуть, за Край выглянуть... А остальное... Я ж говорил, мне бы забиться куда-нибудь в нору, поучиться. А еще лучше, пойти к знающему колдуну. Пусть научит. Ладно, ты лежи отдыхай. Мы с Таргитаем пошарим. Если что найдем стоящее...

Мрак, морщась, лег удобнее. Его всегда темное лицо сейчас посерегло, надбровные дуги выпятились еще больше, а глаза вовсе спрятались в темные пещеры.

— В хате бога войны да не найти?

Олег исчез, только слышен был грохот, лязг, звон, треск разбиваемых сундуков, украшений, даже колонн, если попадались на пути целеустремленного волхва.

Кора заботливо подтыкивала Мраку под бок его же волчовку. Шерсть слиплась от крови, но глаза девушки неотрывно следили за Лиской, эта рыжеволосая тоже пошла в ту же сторону, что и Олег, якобы ищет оружие или снадобья...

Мрак прогудел сочувственно:

— Девка, тут ты промахнулась.

— В чем? — насторожилась Кора.

— Олегу не до тебя.

Она вспыхнула:

— Понимаю! Эта рыжая... эта рыжая мелочь, мелочь с желтыми, как спина старой лягушки, глазами...

Мрак предостерегающе поднял ладонь:

— Погоди. Не кляни, дело не в ней.

Она смотрела дикими злыми глазами:

— А что, есть еще одна?

Он вздохнул, не понимая, как объяснить, что они только что спасали мир, а теперь надо еще, оказывается, спасти и людей. Не спасти сейчас, то завтра, может быть, Лиску и саму Кору возьмет какой-нибудь зеленый с бородавками на спине, а то и на пузе. В жены или наложницы, чтобы ему яйца высиживали или икру метали.

— Он из тех, — пояснил он неуклюже, — кому важнее сперва дело сделать... Ну а девки — потом. Всегда потом. Но, как видим, за каждым делом тут же находится еще что-то...

Она заговорила горячо:

— Ты не понимаешь!.. Я пошла за Олегом вовсе не потому, что он такой необыкновенный, не потому, что за него готова броситься в огонь... Но я жила в таком захолустье, где уже давно было расписано, за кого мне идти, что делать, когда рожать... Но когда пришли вы трое, наш город переменялся. Однако я видела, что, когда уйдете... а вы уже уходили, все вернется в прежнее болото. И я решила убежать за вами... не понимаешь?.. не потому, что хотела быть с кем-то из вас, а потому, что не хотела оставаться, медленно стареть и подыхать в полумертвом городе, что уже загибался, вы это видели!..

Мрак слушал сочувствующе, даже кивал, хотя и такое простое движение давалось с трудом, в глазах темнело.

Из внутренних покоев выдвинулся Олег, яркий, как алый мак, со своими волосами, вызывающе дикий и грязный в этом сверкающем хрустальном мире. К груди прижимал целую охапку мечей, копий, тускло блестели лезвия топоров и секир.

Кора отпрянула, когда он с лязгом высыпал груды булата перед Мраком:

— Выбирай!

Глаза Мрака вспыхнули восторгом и сдержанным неодобрением. Оружие, сразу видно, лучшее из лучшего, иного и не могло быть в доме бога воинских дружин, но чересчур богато украшенное, многовато золота, зачем-то драгоценные камешки, да так искусно вделаны, что не сразу и собьешь к лешему...

— Вот это по руке, — решил он. — Без причуд. Только ручка коротковата.

Олег с сомнением посмотрел на простой незатейливый молот. Ковали в древности, заметно, тогда не знали тонкойковки, но от молота чем-то веет недобрым, что-то слышал в детстве и об этой короткой ручке, молот делал странный горный народ, который никогда не зрит света, им кто-то мешал, потому ручка получилась короче...

— Может, вот это?

Он разгреб кучу оружия, в его руках очутилась секира из простого булата. Ручка тоже просто из дерева, поверхность отполировали чьи-то шершавые ладони.

Мрак вздохнул:

— Ты прав. Это баб можно менять, но не оружие. Беру.

— А я возьму это, — решил Олег, — все-таки похож на посох.

Он повертел в руках дротик, толстый и с резным древком. Наконец-ник не слишком острый, а по дороге и вовсе затупит о дорожные камни, ведь служителю Истины не подобает яхшаться с оружием.

Готовясь к спуску, он рассовывал по карманам горстями золотые монеты, драгоценные камни. На женщин смотреть избегал, но они поняли как указ, навешали на себя, сколько смогли, золотых цепей, ожерелий, монист, к ушам подвесили целые ящики из золота, даже на головы водрузили такое, на что можно было бы купить половину киммерийского царства.

Мрак покачал головой:

— Я не слезу. Руки трясутся. Тарх, ты не можешь спустить нас вниз как-нибудь иначе?

Таргитай сказал жалобно:

— Я что, колдун?

— Что за народ пошел, — произнес Мрак с отвращением. — Один бог, но сам шнурки не завяжет, другой всю землю трясет, но в трех соснах блудит!.. Добро бы среди дубов, те корявые, ветки распустили, как Таргитай губы, но сосны ж ровные, как свечи!

Олег стоял с несчастным лицом, перебирал пальцы, губы шевелились. Когда поднял взгляд, в глазах была тоска.

— У нас нет времени. Если через две с половиной недели все решится... то нам эти две недели только спускаться по Дубу. Или отказываемся даже пытаться, или...

— Что «или»? — спросил Мрак.

— Или придется рискнуть, — ответил Олег таким трезвым голосом, что даже Мраку стало не по себе. — Ты прав, мы должны были давно погибнуть... и теперь каждый день нам идет в подарок. Я попробую запрячь вихрь. Или хотя бы вихрик.

Кора сказала заботливо:

— Ты весь выжат, как половая тряпка. Тебе надо отдохнуть и хорошо кушать. Я позабочусь...

Лиска злобно сверкнула глазами:

— Он герой, а героини отдыхают быстро. Верно, мой величайший?

Олег растерянно топтался, смотрел то на одну, то на другую. Тяжко быть героем, вон Таргитай не только героем, даже богом быть не хочет... Промямлил, еще более несчастный, чем Таргитай:

— Я выжат, но вниз легче, чем тащиться вверх... Я попробую, хотя не уверен.

Даже Таргитай понял, что волхв, стараясь угодить обеим женщинам, рискует врезаться чересчур умной головой в придорожный камень на развилке дорог.

— Что нам делать? — спросил Мрак. — Ты говори, говори.

— Станьте поплотнее, — сказал Олег нетвердо. — Держитесь друг за друга покрепче.

Мрак поднялся, пошатнулся, но потрянул головой и уже увереннее встал так, чтобы женщины и Олег облепили его, как тонкие вьюнки могучее дерево. Оглянулся, гаркнул:

— Эй, ты чего спишь?

Таргитай встрепенулся. Глаза его с отчаянной надеждой впились в суровое лицо Мрака:

— Ты... мне?

Мрак прорычал:

— А кто у нас бог? Старик сказал что-то вроде: идите с богом. А старших уважать надо.

Таргитай со счастливым визгом кинулся на шею Мраку, обшлюнявил заодно и Олега, тот отпрянул и с отвращением вытирался, словно слюни покрыли его от макушки и до пят, а Таргитай верещал и подпрыгивал, уверял, что никому не будет в обузу, что и за костром последит — знаем, рыкнул Мрак, прошлый раз мои сапоги спалил! — и готовить будет, не всегда же как всегда, когда-то получится...

— Старик прав, — проворчал Мрак, он отводил глаза и вроде бы сердился на самого себя, что забирает Таргитая с небес, где тот мог бы прямо сейчас начинать боговать. — Ты вырос, как и Олег. Но сперва сходим... в последний раз... что там за Передел? А потом каждый своей дорогой.

Он помрачнел, Таргитай поморщился от боли в груди, страдал за Мрака: ранен, отравлен, а хуже всего — мечтает отыскать ту, которую закрыл грудью от ножа проклятого жреца.

Вихрь был прозрачный, без привычной пыли, мусора, стебельков сухой травы. Таргитай вычленил его лишь по тому, как вдаль начали колебаться стены, а блистающие глыбы хрустала словно бы поплыли, как лед под солнцем.

Когда вихрь приблизился, из пустоты повеяло холодком, зашевелило волосы. Они чувствовали, как странная сила прижала их друг к другу невидимыми, но могучими ладонями, потом Олег поднял все это и потащил в сторону едва заметного отсюда края, той щели в небесной тверди, через которую они проникли в вирий.

Мрак хрипло каркнул и вывалился сквозь тонкую стену вихря. Таргитай чудом успел ухватить его за ногу. Олег, сцепив зубы, держал, а Таргитай с женщинами втащили оборотня, все обхватили друг друга покрепче.

Край хрустальной плиты блестел изломом всего в двух шагах. Дальше бездна, а там, далеко внизу, во тьме, ибо на земле ночь, холодная твердь с лесами, морями, горами, а на равнинах и в долинах крохотные дома, люди...

Слышно было, как Олег судорожно шепчет заклятия. Их тряхнуло, стенки заволокло быстро крутящимися вихрями, словно быстро-быстро размешивали светлую глину в чане. Опора под ногами исчезла, полетели вниз, желудки подняло к горлу, в головы ударил темный слепой ужас падения. Кора вскрикнула, а Лиска, что готова была завизжать еще сильнее, прикусила язык: надо быть лучше соперницы, быть достойной подругой героя.

Таргитай пролепетал:

— Олег, мы ведь падаем, да?

Мрак рыкнул:

– Не мешай, он мыслит о высоком.

– Олег, какое там высокое? Нам вниз, вниз!.. Ты не спишь?..

Олег прошептал со страхом и стыдом:

– Я... я переоценил свои силы... Мы в самом деле падаем...

Снизу прорывался ветер, острые струи кололи как ножами, а когда последние клочья магического кокона улетели, ветер набросился как зверь, рычал и ревел в уши, трепал, дергал за волосы, старался сорвать одежду.

Слева медленно удалялся исполинский ствол, зеленый, с наплывами, торчащими ветвями. Их явно относил ветром, а ствол медленно темнел, становился шире, толще. Внизу было белым-бело, нескоро наметились неровности, бугорки.

Таргитай начал лязгать зубами, прижимался к друзьям, как замерзающий щенок, его трясло, внутри стучали кости. Встречный ветер выдавливал слезы и тут же срывал злорадно, кожа замерзала, как на лютном морозе.

Снежная равнина внизу постепенно приближалась, уже отчетливо видны высокие горы, причудливые исполинские глыбы, неглубокие ущелья.

Олег выкрикнул:

– Держитесь крепче!.. Я попробую еще!..

Мрак пробурчал, перекрывая свист ветра:

– Лучше попозже... Когда минуем...

– Нет... А вдруг нас отнесло к горам?

Снежная равнина приближалась, весь мир был покрыт снегом, Кора снова начала повизгивать, Лиска закрыла глаза, чтобы не верещать.

– Держитесь!

Таргитай вцепился, как клещ, Мрак тоже загреб сразу всех, прижал так, что Олег захрипел, а Кора сладко застонала, но тут врезались в заснеженный мир, понеслись насквозь, и стало понятно, что это не снег, а облака, привычные облака, такие незнакомые отсюда.

Одновременно тяжесть попыталась расцепить пальцы, все боролись со злой магией, в молочном тумане было сыро и гадко, одежда, волосы и руки намокли, начали скользить, а колючий встречный ветер еще свирепее набрасывался, отдирав друг от друга.

Снизу ударил свет. Вывалившись из белого месива, увидели далеко внизу полоску реки, крохотные озера. Зеленый лес казался травой, но вырастал так быстро, что вскоре уже начали различать отдельные деревья.

– Держитесь, – прохрипел Олег, – держитесь!

– Это ты держись, – донесся голос Мрака. – Мы что...

Уже видно было тоненькую, как золотой волос, ниточку дороги. Озеро разрослось до лужицы, а вдали проступили ровные пятна зелени, распаханное поля. Даже видны золотые пятнышки, словно под заходящим солнцем горят соломенные крыши хаток.

Магический кокон уплотнился, встречный ветер уже не разрывал на части, только дул холодно и злобно. Слышно было, как стонет

Олег, глаза его закрылись, на лбу вздулись жилы, шея страшно побагровела.

Их тряхнуло дважды, словно Олег пытался остановить кокон, тяжесть едва не разорвала их на части, потом снизу люто ударило, пальцы расцепились, они покатались... по твердой земле!

ГЛАВА 3

Таргитай перевернулся через голову, его внесло в темные зеленые заросли орешника. Там был треск, вопль, но выбрался, хоть на четвереньках, но сияющий, глаза блестят от восторга.

— Олег!.. Как я трясся, когда думал, что придется слезать, как и залезали в тот раз — по Дереву!.. А там жуки, там муравьи, там живица к порткам липнет!

Олег лежал на спине, раскинув руки. Дыхание вырывалось с хрипами, орлиным клекотом. Грудь вздымалась высоко и часто, а ребра скрипели, как несмазанные петли городских врат. Волчовка распахнулась, открывая широкую костлявую грудь, а живот ввалился так, что сквозь мокрую от пота кожу жутковато выпячивались кольца спинного хребта. Бледный и сразу исхудавший, он был похож на тех бедолаг, которых освободили из темниц Ящера.

Мрак поинтересовался рассерженно:

— Ну и куда нас занес?

— Занесло, — поправил Олег дрогнувшим голосом. — Я ж не обещал, что прямо к столу, а Таргитая на печь.

А Таргитай вступился за измученного волхва:

— С небес снял, и то ладно! Это ж сколько бы нам слазить?

— Слезать, — поправил Олег занудливо.

Мрак покосился на него изумленно: едва душа в теле, а за свое, прорычал:

— С кем я связался? Одному только бы не богом, второй — как только в землю не промахнулся... Правда, если пальцем в небо попадает, то и в землю как-то сумел...

Олег, лежа, как распластанная рыба на берегу, все же пытался осматриваться, нюхал воздух, вызвав у Мрака злую гримасу. Как будто у волхва нос лучше, чем у волка!

Лиска первой приподнялась, подползла к волхву. Ее желтые глаза с любовью и страхом впелись в его лицо, она потербила его за щеку:

— Олег!..

Кора со стоном повернулась, глаза ее смотрели в разные стороны. Потом увидела красноголовую женщину над ее мужчиной, тут же очутилась с другой стороны, наклонилась и нежно подула ему в лицо:

— Олег, это я, Кора... Очнись, ты нам нужен!

Мраку единственному не повезло: сгоряча не ощутил боли, когда грохнулись с небес, но теперь чувствовал, как по ноге бежит горячее, мокрое. Ломаясь, кустарник распорол острым суком ногу чуть выше колена.

Он ругнулся, успеет ли рана затянуться раньше, чем истечет кровью, а Кора с готовностью и, как показалось Мраку, с удовольствием снова рванула нижний край платья, укоротив еще на ладонь, быстро положила на рану листьев и крепко завязала.

Мрак буркнул с благодарностью:

— Не стоило... Вон на голове уже засохло. Можно было взять ту... Впрочем, ноги у тебя в самом деле красивые.

Кора бережно сняла повязку с его головы, кровь присохла и отдиралась нехотя, но края раны уже сошлись, хотя выступила розовая сукровица.

— А эту выбросим, — решила она беспечно. Добавила одобрительно: — На тебе заживает как на собаке.

— Как на волке, — поправил он. — Это быстрее!.. Гм... На твои ноги в самом деле смотреть одно удовольствие. Надо будет поцарапать и другую ногу.

Веки Олега затрепетали, словно прислушивался к словам и старался понять, что с ним, но глаза оставались закрытыми. Мрак сказал грубовато:

— Девчата, помогите Таргитаю собрать хворосту. Солнце зашло, ночевать придется прямо здесь.

Женщины с неохотой поднялись, но Мрака нельзя ослушаться, а обротень толкнул носком сапога Олега в плечо:

— Вставай! Они ушли.

Олег осторожно приоткрыл глаз. Лицо его было измученным, постарело, словно было ему не двадцать две весны, а по меньшей мере тридцать, как Мраку. Мрак указал в сторону леса. На опушке Таргитай и женщины торопливо поднимали сухие хворостины. Багровые облака висели над верхушками деревьев, медленно опускались к краю земли.

— Если встать не можешь, — сказал Мрак, — лежи, набирайся сил. С бабами что-нибудь придумаем. Что-то не можешь, как Таргитай...

— Не могу, — ответил Олег убито. Он с трудом приподнялся. Его перекосило, помолчал, пережидая резкую боль. — Он прост как дрозд, и у него все просто... Слушай, я чую крупную весь за этим леском. Даже не весь, а целое село! Может, пойдем? Честно говоря, я хоть и не Тарх...

Мрак провел языком по пересохшим губам. Живот присох к спине, а ребра торчали, как частокол.

— Сперва переведем дух, — решил он, — малость обсушимся и пойдем. Небо чистое, а звезд — как веснушек на харе... ладно, смолчу, на чьей.

Он перехватил недоумевающий взгляд Олега. Зеленые глаза пытливо смотрели на повязку на его ноге, потом перебросили взгляд на голову, затем снова на перевязанную ногу:

— Что-то стряслось?

— Поцарапал, — буркнул Мрак.

— А-а... Я думал, что у тебя только голова и грудь.

— У меня еще и руки есть, — сообщил Мрак.

— Да нет, я о повязке... Она ж была на голове!

— Сползла, — объяснил Мрак небрежно.

Олег вытаращил глаза.

Таргитай вернулся в сопровождении Лиски и Кору, его почти не было видно под горой хвороста, старался, словно еще опасался, что откажутся, загонят обратно на чужое небо... пусть не чужое, но все-таки не хочется быть богом, непонятно, как это — быть богом.

Женщины прижимали к груди охапки сухой бересты. Мрак высек огонь, пламя взметнулось яркое, оранжевое. Вокруг сразу потемнело. Женщины, дрожа, придвигались к огню, на время забыв о соперничестве. Олег взялся осматривать раны Мрака. Лиска и Кора тут же оказались рядом, но Мрак не спорил. Умелые ласковые руки бережно перевязали заново грудь, — пусть он не Олег, ничем не обязан, а был бы обязан...

В груди кольнуло, он смутно удивился, ибо боль была странная, вроде бы где-то глубоко внутри.

Олег посматривал на окруживших огонь озябших друзей, на душе были страх и горечь. К страху, с которым жил всю жизнь и который отступал только в редкие часы, добавился страх, смешанный с недоумением. Когда полагали, что для спасения мира нужно только пойти и гагахнуть злого кагана по голове, — все было просто и понятно. Как и потом, когда нужно было сокрушить магов.

Мрак видел, с каким страдальческим видом волхв уставился на огонь. Губы двигались, но слова застредали по ту сторону плотно сжатых зубов. Мрак толкнул, Олег вздрогнул:

— Не пугай... Не могу понять, за что нас так? Какой запрет мы нарушили? Старшим не поклонились?.. Березу сломали зимой? Или вступили в след лося левой ногой?

Мрак сказал хладнокровно:

— От всего не убережешься. Надо жить как набезит. Я помню случай... На одного такого вот умного вдруг посыпались несчастья. Жена померла, терем сгорел, корова сдохла, собака укусила, соседи перестали здороваться... Упал на колени, взмолился: «Великий Род, за что? Я ведь все обряды блюду, жертвы приношу, девок Таргитаю топлю, поклоны бью, кости лося закапываю...» И вдруг с небес раздается такой могучий глас, что сразу ясно — сам Род говорит из вирия: «Ну не нравишься ты мне, понял?»

Таргитай хлопал глазами, спросил наивно:

— А за что не нравится? Слишком умный? Я ж говорил тебе, Олег, нельзя быть таким...

— Да просто не нравится, — поморщился Мрак. — Просто! Без причины. Может быть, и сейчас он так, без причины. Иначе я его совсем не понимаю. Ну и что, если людей сотворил последними? Все-таки мог бы хотя бы позвать... А там, глядишь, мы бы как-то подсуетились ради Пера.

Олег возразил невесело:

— Рода как раз понять можно. Все-таки род людской невелик, на каждого человека по сотне тысяч одних только леших... Да что там сотне тысяч! Больше. В каждом доме живут домовые, в сарае — сарайники, а еще овишники, конюшники, амбарники, банники... ими кишит двор,

они в каждом курятнике, а уж за изгородью — там вообще кишмя! Но это только те, кто решил жить вблизи человека, а в лесу их вообще как листьев на деревьях. В полях и степях их больше, чем стеблей травы. Ими заполнены реки и озера, они носятся в воздухе, устраивают ветры, вихри и вихрики, таскают тучи, нагоняют град...

Мрак буркнул:

— Когда мы были в горах, видел этих... мелких.

— Горные рудокопы, — сказал Олег. — Которые переждали потоп в своих норах! Их уже тогда было как камней в горах, к тому ж не воют, как мы наверху, плодятся как мухи... И знания копят, передают из поколения в поколение, ничего не теряют, как мы наверху. Голова кругом идет, когда только пытаюсь представить, каких глубин достигли... Я о мудрости, зверь, какие невероятные сокровища собрали!.. Эх ты, как Таргитай, сразу о злате-серебре подумал...

Таргитай живо возразил:

— Не только! Я что, дурак?.. И о драгоценных камнях! В горах знаешь какие красивые попадаются?

Олег замолчал, начал подбрасывать хворост в костер, затем срезал свежий ивовый прут, содрал кору и на белое, скользкое нанизал ломти мяса, переложил горькими травами, положил над углями, но так, чтобы только румянились, но не подгорали.

Сквозь листву смотрели звезды. Иногда ветки чуть сдвигались, словно по ним пробегала незримая белка, некоторые звезды уходили, взамен холодно и враждебно смотрели другие колючие глаза.

Женщины тихонько перебирали свои, теперь уже свои, драгоценности. Мрак сидел перед догорающим костром, обхватив огромными руками колени. От багровых углей шел угасающий жар. Лицо Мрака выглядело выкованным из темной меди. Темно-красный свет подсвечивал снизу так странно, что Олег дважды оглядывался на сидящего в задумчивости человека: тот ли Мрак, с которым вышли из леса.

— Мы найдем, — проговорил он, чувствуя, как в горле встал ком. — Мы найдем, что сделать с этим ядом.

Мрак даже не понял, глаза уперлись в быстро темнеющие угли. Таргитай, спохватившись, бросил охалку хвороста, подкатил туда уголек, подул, раздувая щеки, как стельная корова бока. Вспыхнули мелкие злые огоньки, вгрызлись в дерево, пошли торопливо расщелкивать, перехватывая друг у друга лакомые куски. А на старом месте багровые угли шипели и злобно плевались струйками дыма, когда на них падали капельки жира с нанизанных на прутья ломтей мяса.

— Ты ищешь травы? — спросил Таргитай с надеждой.

— Все ищу, — ответил Олег. Он старался не смотреть в глаза оборотню, тот слишком хорошо видит ложь, а правда в том, что от яда жрецов Перуна просто нет противоядия. — У нас еще есть время.

Мрак наконец поморщился, лоб и скулы в пламени костра стали оранжевыми.

— Бросьте.

— Мрак, правда...

— Бросьте, — повторил он. — Я просто... Где ее искать?

Таргитай не понял, смолчал, заботливо переворачивал прутья, пусть подрумянятся, но не подгорит, а Олег спросил настороженно:

— Кого?

— Ту, которую. В жертву...

— А-а-а, — протянул Олег, — которую в невесты Перуну!.. Эх, Мрак... Тарху не дали отнять у Маржеля, он же Перун, невесту, а эту... Правда, мы отняли ее мимоходом. Все равно пришли за головой Перуна. Но тебе не стоило вот так бросаться под нож... да еще отравленный.

Мрак угрожающе зарычал. Олег поспешно отсел по другую сторону костра, а Таргитай, словно все понимая, молча обнял Мрака и прижался к его боку, такой по-детски беззащитный и дурковатый, что прямо прибил бы из жалости, чтоб не мучился.

— Если мясо не подгорит, — предостерег он, — то не знаю, не знаю... Значит, что-то в лесу большое издохло.

— Очень большое, — поддержал Таргитай, ничего не поняв. — Агротмадное!

— Лишь бы не черепаха, — ответил Олег, его глаза смотрели перед собой в незримые дали.

— Какая черепаха? — поинтересовался Таргитай.

— Да там... одна, — ответил Олег внезапно охрипшим голосом. Лицо покрылось тенью, нос заострился, как у дятла, щеки стали восковыми. — Большая такая... Другой такой нет.

Мрак промолчал, о чем-то догадывался, а добрый Таргитай уточнил:

— Ничо, черепахи живут долго!.. Гольш рассказывал, что у его деда одна вовсе...

Но трепещущая душа волхва уже унеслась в страшные дали, там билась в смертельном страхе, переживая то, что однажды пережил сам хозяин. Мрак хмыкнул, снял прут с парующими ломтиками, на каждом шипели и лопались пузырьки, сунул ему в руку. Олег начал есть чисто механически, глаза смотрели в одну точку, потом челюсти заработали чаще, он даже взрыкивал, как пес, у которого пытаются выдрать кость из пасти, а когда опустевший прут полетел в темноту, рука волхва, словно сама, ухватила другой.

Мрак наблюдал за всеми с усмешкой. Все едят так, что за ушами трещит. И как ни умничает волхв, но жрять не забывает. А говорят, что есть мудрецы, что не видят, что суют в пасть. Олегу попробуй сунуть подгорелое...

Он поинтересовался:

— А как остальные?

— Что — остальные?

— Если, скажем, великий Род отдаст свое Перо рыбам или муравьям? Как другие посмотрят?

По звездному небу скользнула громадная тень, закрывая яркие россыпи. На миг блеснул красный глаз, горящий нечеловеческой злобой. Пламя костра слабо колыхнулось. Лиска брезгливо сбросила щелчком с плеча упавшую шерстинку, длинную и острую, как сосновая игла.

Олег пожал плечами:

— Рыбам или муравьям не даст, но кому бы ни вручил — лешим, упырям или великанам, — остальные умолкнут в тряпочку. За спиной того, кому отдал Род свое Перо Власти, всегда будет маячить грозная тень самого Рода! А с ним не поспоришь.

Мрак умолк, возразить нечего, но брови приподнимались, тяжелые складки на лбу собирались такими жесткими валиками, что на них можно было бы загибать гвозди. Его руки сами по себе через равные промежутки подбрасывали в огонь веточки, а глаза то и дело останавливались на Олеге, Таргитае, женщинах. Его привыкли знать сильным и все умеющим. Он, правда, и сам считал себя таким. Но его считали еще и страшным, а вот в этом ошибались.

Совсем недавно до судорог страшился навсегда остаться волком, ибо таково было проклятие его рода: никто из мужчин старше тридцати не остался человеком. Все растворились в лесу, и кто знает, сколько сгинуло под секирами и рогатинами односельчан и даже родни, когда с последними гаснущими остатками разума приходили на звериную охоту к смутно знакомым местам?

Да, благодаря песням Тарха он остался человеком. Не просто человеком, а человеком из племени невров, что вольны перекидываться в волка и обратно. Страх ушел, но тут же явился другой... В его теле дремлет яд, что не выносит снега. Не сама смерть страшна, ибо смерть от яда можно приравнять к почетной смерти в бою. Страшно не увидеть ту, которую закрыл грудью, приняв отравленный клинок...

Он вздохнул тяжело, пламя кольхнулось на ту сторону, там взвизгнула Лиска.

— Пора, — сказал он, поднимаясь. — Заночуем как люди!

— И поедим, — добавил Таргитай мечтательно. Олег метнул на него удивленный взгляд, Таргитай пояснил поспешно: — Разве это еда? Так, на один кутний зуб.

— И чтобы постель, — добавила Лиска.

Кора уточнила:

— Пусть на сене, но чтоб как постель, а не все вповалку...

Их взгляды скрестились на Олеге. Волхв вздрогнул, вклинился между Таргитаем и Мраком. Мрак злорадно отодвинулся еще дальше, позволяя и рыжеволоске втиснуться, за что Лиска подарила взгляд такой горячей благодарности, что у Мрака от неловкости вспотела спина.

Над головами раскачивалось темное небо с россыпями колющих звезд. Самая яркая смотрела через настолько ветхое облако, что Таргитай тут же увидел его как одежду молодого нищего, под которой скрывается чистое яркое сердце...

Он начал прикидывать, не вставить ли в песню, но облако медленно перетекло из ветхой одежды в отвратительного дракона, что заглотил звезду, а та бродит по внутренностям, натываясь на ребра, просвечивая, пытаясь прорвать толстую кожу, кое-где истончая... и вот наконец провалилась, победно озарилась... Хотя не совсем провалилась, виден припод-

нятый хвост дракона, звезда вывалилась у него из-под хвоста. Не совсем чистая, вроде потемнела малость...

Он вздрогнул, этот образ совсем не для песни, разве что для грубого Мрака, бегом пустился догонять четверку.

Призрачный свет падал на деревья, высвечивая верхушки, а все остальное пряталось в такую тень, что чудилось то страшное, что было до первого дня творения. Из черноты стрекотали неутомимые кузнечики, над головой тяжело прогудел жук. Земля под ногами еще казалась теплой, недавно прогретая солнцем, но от кучек деревьев несло ночным холодом.

Олег тихохонько догнал Мрака, пошел рядом. Мрак слышал его мерные шаги, затрудненное дыхание. Волхв что-то хотел спросить, но не решился. Но Олег есть Олег, даже когда трусит, он заставляет себя сделать шаг.

— Мрак, — послышался его голос, в котором были тревога и недоумение, — я одного не понял...

— Счастливец, — позавидовал Мрак.

— Почему?

— А я ни черта в жизни не понимаю. Чем больше узнаю, тем больше запутываюсь.

— А-а-а... Нет, я о другом, помельче. Не о целом доме, а о кирпичике... Но понять надо, раз уж из кирпичиков...

Мрак скривился:

— Ну, говори.

— Ты сказал, что повязка сползла...

— Сказал.

— Но как могла сползти, если застряла бы на твоих ушах? Они у тебя не больно гнутся. У коровы бы — да, но ты не совсем корова... Человек не совсем, но не корова же? Да и глаза закрыла бы. Да не корова, а повязка! Правда, для тебя нюх важнее, но и глаза все-таки... Да и нос мешал бы. Хотя если приплющить... Нет, все-таки мешал бы.

— А рот? — бросил Мрак ядовито.

— Ну, рот проскочила бы, — рассуждал Олег. — Губы у тебя не те, что у Тарха. Но дальше вовсе какая-то дурость!.. У тебя ж плечи — ого! Даже о-го-го.

Мрак не слушал занудные рассуждения, шел, оглядывался на женщин. Обе притихли, чувствуют неладное. Звезды заливают землю призрачно-мертвым, но ярким светом. Лес чернеет в сторонке, они идут вдоль реки, памятуя, что люди всегда селятся вблизи воды. Над головами качается звездное небо, странный купол с великим множеством ярких и тусклых звезд, холодных и подмигивающих, серебристых, красных, даже оранжевых...

Не прошли и версты, как призрачный свет захватил страшноватые резные столбы, приземистые плакучие ивы, оттуда донеслось раздраженное карканье воронов, однако Мрак вздохнул с облегчением. Если погост, то и село уже близко, деревня или хотя бы весь. По всему кладбищу торчат яркие, как серебряные, вершины кустов, остальное в черно-

те, кое-где белеют березы, а столбы почернели, холмики почти сровняло с землей... Нет, вон свежий столб, так что люди поблизости еще живут.

Он углубился в думы, а Таргитай засмотрелся на дальние могилы. Там, скупо освещенный звездами, огромный косматый мужик, весь в лохмотьях, сквозь которые просвечивает старческое высохшее тело, дрался с мертвецами. Двух сумел сбить на землю могучими ударами, мертвяки уползли обратно в могилы, тихо подвывая от страха и жалости к себе, но третий подкрался сзади, ухватил мужика за шею, давит страшными костлявыми пальцами.

Даже при свете звезд было видно, как потемнело лицо ведьмака, хотя откуда кровь, ничто не должно приливать к его жуткой харе. Он ухватился за пальцы, пытался оторвать, мертвец давил изо всех сил, а тут зашевелилась земля еще на двух дальних могилках, показались костлявые пальцы.

Те мертвецы выбирались медленно, но их пустые глазницы уже были направлены на борющихся. Таргитай не выдержал, побежал по кладбищу, перепрыгивая земляные холмики, ударил кулаком по затылку напавшего на ведьмака сзади. Череп хрустнул и рассыпался грязными черепками.

Ведмак стряхнул с горла костяшки, с трудом перевел дыхание. Двое мертвецов уже вытащили ноги из земли, пошли на него. Ведьмак прохрипел все еще перехваченным горлом:

– Спасибо... Скажи тем... в селе... мак, дурни, забыли...

Мертвяков встретил кулаками, Таргитай отступил, фигуры Мрака и Олега едва мелькали в темноте. Устрашенные женщины бежали впереди, оглядывались и визжали. Пришлось мчаться напрямую через кусты и могилки, прыгать как козы.

Мрак оглянулся на шум, пожал плечами, а Олег бросил недовольно:

– Что ты везде лезешь?.. Он здоровый, отобьется.

– Да, его чуть не прибили!

– Ведьмак всегда побеждает, – заметил Олег поучающе. – Правда, что-то их повыползало многовато... Видать, какой-то мор был. Обычно по одному.

Мрак оглянулся на ходу:

– А если ведьмак не задержит, эти явятся в село?

– И такое бывает, – вздохнул Олег. – Мертвое хватает живое, так всегда.

Таргитай вспомнил:

– Он еще сказал, что мак забыли!

Мрак уходил, не слышал или не обратил внимания, а Олег наморщил лоб:

– Мак... При чем мак?.. А-а-а, чтобы избавить от второй души, нечистой!.. Черт, простое людье всегда забывает, что у ведьмаков по две души, чистой и не совсем... Ладно, когда придем в село, скажи войту.

Далеко на краю кладбища, прямо на дороге, ведьмак мужественно дрался с мертвецами, не пропуская их в село. Обе женщины смотрели на Таргитая со страхом и восхищением. Он приосанился, все-таки доброе

дело сделал, помог человеку... ну, который остался человеком и там, за порогом.

Лиска тихонько попросила:

— Таргитай, иди к нам! Ты такой смелый...

— Потому что дурной, — сказал Олег уязвленно. — Он не знает, что чем тише едешь, тем дольше будешь.

— Тем дальше, — поправил Таргитай с недоумением.

— Чем тише едешь, — громыхнул Мрак свою мудрость, — тем морда шире!.. Олег, зачем тебе морда? Не воевода, поди, а волхв... Правда, чем больше богам жертв, тем волхвы толще. Правда, и боги... Вон посмотри на Тарха. Морда скоро в кувшин с молоком не будет влезать.

Таргитай обиделся:

— Ты чего? Она и так не влезает!

— Вот видишь, — согласился Мрак, — уже не влезит! Или не влезает, как твердит волхв. А что будет, когда для него в каждой деревне по девке топить будут?

Таргитай от обиды даже сбился с шага, сразу спины оборотня и волхва начали отдаляться, загораживая женщин, все двигались ровно и споро, как олени в знакомом лесу. Хотя для невров любой лес — родной, но все же обидно насчет кувшина: у кого морда в кувшин влезет, у журавля разве что? Или у цапли... У аиста тоже влезет, даже у Олега, может быть, влезет, когда он в птицу махнет, все-таки рыло вытянуто, даже не рыло, а клюв...

— Подождите! — заорал он. — Когда это для меня девок топили?

Но безжалостные люди, за что только друзьями зовутся, уже скрылись за деревьями, а в одиночестве страшно всякому, для бога так и во все смерть. И Таргитай ощутил, как навстречу ринулись деревья, замелькали справа и слева. Кусты трещали и хлестали по сапогам, когда он с разбегу перепрыгивал, нимало не заботясь, что там за зеленой стеной: ровная травка, коряга или выворотень с острыми сухими корнями.

ГЛАВА 4

Дорога становилась утоптаннее, под звездами заблестели, словно золотые, хатки, крытые соломой. Все невольню ускорили шаг.

Крайняя вросла нижними венцами в землю, а солома на крыше прогнила, свисала неопрятными космами. Мрак на ходу заглянул в окно: полутемная комната, треть занимает, как водится, печь, от нее тянутся полаты, к окну придвинут стол, за столом в темноте угадывается лавка. На столе пламенеют диковинными цветами пять расписных ложек. Понятно, в доме три женщины и двое мужчин. Мужские всегда шире, а донышко оттопыренное. Одна с обугленным пятнышком на рукояти: прижигали, чтобы приворожить. Лежат выемками вниз, значит — наелись, а что оставлены на столе после еды, то для того, чтобы всем быть на том свете вместе. Дружная, значит, семья.

— Но бедная, — сказал он со вздохом. — Топаем дальше. Вон следующая вроде бы получше.

Второй домик огорожен, в отличие от первого, но такой забор любая коза перескочит, а через щели кур перетаскают как хори, так и лисы, вон лес темнеет за околицей. По ту сторону забора видны грядки, так что хозяин, скорее всего, простой халупник.

— Дальше, — определил он, — здесь живут лодыри.

Олег сказал с неудовольствием:

— Почему обязательно лодыри?

— А что, не видно?

— Может быть, просто мыслящая натура. Не до мелочей жизни...

Мрак хмыкнул, даже спорить побрезговал, шел дальше, пока не остановился возле пятой хаты от края. Просторная, хотя и в явном запустении. Во дворе истошно забрехал пес, но ветер донес во двор запах Мрака, пес в ужасе завыл и забился где-то во тьму, затих, но было слышно, как шумно дрожит и поскуливает.

Олег дотянулся через невысокий забор посохом, так упорно называл дротик, постучал по закрытым ставням. Выждал чуть, заколотил сильнее. Сквозь узкую щель, стебель не просунуть, пробивался узенький, как лезвие ножа, оранжевый лучик. Не лучина, у той красный оттенок, явно у хозяев горит настоящий светильник со свиным или бараньим жиром.

Таргитай шумно вздохнул, женщины понуждали Олега стучать громче, он заколотил сильнее. Наконец лучик перекрыло темным, глухой голос спросил сипло:

— Кто там?

— Мы, — ответил вместо Олега Мрак.

— Кто это?

— Люди, чудак, — ответил Мрак громче. — Да не сиди там. Выйди посмотреть, какое счастье подвалило.

Слышно было, как за ставнями затопало, грянуло, а после долгой паузы заскрипела дверь в сенях. В освещенном проеме возникла приземистая фигура лохматого мужика с топором в руке, деревянный щит в другой. Он подслеповато всматривался в темень:

— Ну, кто там такой смелый?

— Здравья тебе, — поприветствовался Мрак. Он отступил в сторону, чтобы оказаться в полосе света с головы до ног. — Ты отважный, ничо не скажешь! Другие боятся нос высунуть.

— А мне терять нечего, — ответил мужик настороженно. — Да и взять у меня неча. Кто будете?

— Счастье твое, — сказал Мрак значительно. — Как тебе повезло, я просто завидую!

Видно было, как мужик раскрыл рот, оглядел странников, посмотрел во все стороны, но нигде мешка с золотом пока не видно.

— Чего?

— Повезло тебе, говорю, — объяснил Мрак. — Гость в дом, бог в дом, верно?.. Мы твои гости. Давай пои и корми, спать как-нибудь сами уляжемся.

— Разве что ноги укроешь, — сказал Таргитай. — Одежда у тебя есть? А то у меня зябнут.

Рожа мужика сразу вытянулась, он невесело смерил взглядом гигантскую фигуру Мрака, да и двое других почти не уступают, откуда только такие и вышли, разве что из леса, а две девки с ними настолько тощие и злые, что всю живность поедят... Особенно забеспокоился за кур, когда встретился взглядом с маленькой и рыжей с желтыми глазами.

— А может, — предложил он без всякой надежды, — на постоянный двор? Там и корчма...

Мрак облизнулся, но возразил:

— Мы с женщинами, не зришь?.. Приличные! Нам с ними в корчму никак. Мы в корчме не утерпим, мы там... гм... погуляем, а им это никак видеть не пристало. Так что давай оказывай гостеприимство, мы с дороги так устали, что в брюхо хоть сапог вбей!

— Ладно, — ответил мужик со вздохом. — Меня зовут Сидор, я живу один, так что разносолов не ждите. Колодец во дворе, вода чистая, жабы кому мешают, а сена в сарае много. Можете пожевать, если голодные, а нет — так отоспитесь с дороги.

Мрак увидел, как удивленно и настороженно вскинулся Таргитай, отступил, едва не упал через порог, огляделся по сторонам. Кивнул Мраку, чтоб не беспокоился, отступил неслышно, тьма проглотила без звука, как трясина глотает комья мха.

Озадаченный Мрак поинтересовался:

— А чего ж такой бедный? Ленивый?

Мужик тяжело вздохнул:

— Просто я такой одинокий... Чего стараться, у меня никого нет, кроме этой собаки... Да где же она?

Олег посоветовал:

— Так заведи еще одну собаку!

Мрак вытащил золотые монеты.

— Раз одинокий, то сбегай в корчму, принеси поесть. И пить, конечно.

Мужик расширенными глазами посмотрел на горсть монет, руку ему заметно тянуло вниз, даже мышцы напряглись под полотняной рубахой.

— Ого! Кого же это вы укукошили... Сейчас сбегаяю! Девки тоже звать?

Мрак крикнул с укоризной, указал глазами на Кору и Лиску. Мужик выставил ладони, сочувствовал, все понял, поклонился и побежал со двора. У калитки едва не столкнулся с Таргитаем, тот пятился из тесного закутка между хлевом и курятником, на голове дударя были перья. Мрак пожал плечами, широким жестом пригласил женщин в дом.

— Сейчас принесет, — объяснил он. — Перекусим чем бог послал... черт, эти монеты я взял, бог хлебалом щелкал да дуду свою слюнявил!.. Олег, вон ведро, принеси воды. Из колодца, не перепутай со свиным корытом.

Олег ухватил ведро, он чувствовал себя виноватым, все-таки обе женщины таскаются за ним, выскочил опрометью. Мрак посмотрел в окно, мимо колодца как раз прошел Таргитай, всматривался в землю, будто разбирался в следах.

Женщины на крыльце вытряхнули пыль, хотя какая пыль на небесах, зато можно раздеться да грациозно повыгибаться, вроде что-то выколачивая. Мрак тяжело опустился за стол. Не хотел признаваться, но раны изнуряли, в глазах иной раз темнеет так, что видит только блуждающие огоньки. Яд затих, но тело терзает слабость, будто три дня не ел, а перетаскивал горы.

Через крохотное оконце видел, как во дворе мелькнула тень дударя, потом появился он сам, облепленный сеном. Снова заглянул в курятник, исчез, словно шупал кур, вылез, пятясь задом, перья уже не только в волосах, но и на ушах, осмотрелся и, как Мрак и подумал почему-то, поперся вдоль забора в дальний конец огорода.

Заскрипела калитка, Сидор едва протиснулся с огромным мешком на спине, его раскачивало. Мрак с тревогой подумал, что дурень мог нагрузиться вовнутрь раньше, чем загрузил мешок, теперь там может быть всякая гадость. Но, должно быть, тому помогли: в мешке кроме печеного кабана, еще горячего, исходящего вкусным ароматом, оказались три каравая хлеба, тоже горячие, только из печи, а еще сыр, тяжелый бурдюк, в котором булькало и переливалось, две жареные утки...

— Ну ты и лодырь, — возмутился Мрак одобрительно, — готового набрал! Уток мы могли бы и здесь... Или у тебя и дров нету?

Сидор помотал головой:

— Все будет! У меня еще три твои монеты. Дров возьмем у соседа справа, я у него всегда таскаю, уток и кур — у соседа слева, а годовалый кабанчик есть через два двора...

— Добро, — сказал Мрак. — Олег, зови Тарха! Что он там, песни так складывает?.. Женщины наши кончили воду переводить?

Кора и Лиска, стараясь показать себя друг перед другом, мигом накрыли стол, расставили все красиво и умело. Кора явно опережала Лиску, у той глаза от злости и ревности из желтых стали зелеными.

Таргитай вдвинулся в комнату, нагнулся, стараясь не задеть лбом низкую притолоку. Вид у певца был измученный. Не успел Мрак ядовито поинтересоваться, что именно искал по сараям, Таргитай обратился к Сидору:

— Послушай, хозяин... а где твоя коза?

Тот опешил:

— Коза?

— Ну да, коза.

Сидор наморщил лоб, звучно поскреб в затылке, наконец просиял лицом:

— А, коза!

— Коза, — подтвердил Таргитай.

— Коза, значит... А зачем? Для каких, извиняюсь, нужд?.. Все-таки с вами две девки...

Таргитай объяснил терпеливо:

— Я певец, слагатель песен, понимаешь?.. О твоей козе весь мир в лапты звонит, я просто обязан увидеть такое чудо. Может быть, даже спую про нее.

Сидор сокрушенно развел руками:

— Нет у меня моей козы. Как ни порол, а все равно такая подлая тварь уродилась, что никаким битьем не исправишь. Хуже бабы, правда!.. Ну, почти хуже. Продал. Пусть теперь другие мучаются.

Мрак посочувствовал:

— Правильно. Из плохой козы не сделаешь хорошую девку. Да и зачем козу портить?..

Его руки между тем умело разделявали кабана, нож у Сидора всего один, а с топора есть как-то неловко при женщинах. Последние две недели не помнили, ели ли вообще, а сейчас насыщались, как три голодных кабана желудями, потом ели уже как гуси, неспешно, но все подряд, а когда пришла пора выклевывать самое лакомое, рассмотрели, что уже едва не погрызли и деревянные миски, на которых блестят остатки горячего сока.

Женщины ели без торопливости, показывали красивые руки, вежество, с двух сторон подкладывали Олегу самые лакомые куски. Таргитай уже начал поглядывать завистливо, в волхвовстве что-то есть, только Мрак посмеивался уголком рта: у кого длинные руки, тот сам достанет.

Сидор поинтересовался с набитым ртом:

— Долю пытаете аль от доли лытаете?

— Беду на свои задницы ищем, — объяснил Мрак любезно.

— Кто ищет — тот всегда найдет. Особо такое... Как говорится: смелый сам себе беду найдет, а на тихого бог нанесет.

— Это точно, — согласился Мрак. Он показал Таргитаю кулак: — Мы такие тихие, такие тихие!..

Сидор поинтересовался:

— В лес небось собрались?

— Точно, — удивился Мрак. — А что, может быть, даже знаешь, куда нам?

— Бог дорогу укажет, — сказал Сидор значительно.

Мрак с сомнением взглянул на Таргитаю:

— Тогда мы пропали!

— Вот-вот, — сказал Сидор. — Сильна рука бога!

Таргитай углядел на печи миску с крупными орехами, тихохонько взобрался на самый верх. Орехи все как на подбор, скорлупа тонкая, а ядрышки сочные, блестящие...

— Сильна, — согласился Мрак. Он зевнул, начал вставать из-за стола. — Это ты в самую точку.

— Все мы под богом ходим, — вздохнул мужик.

Мрак покосился на печь, Сидор прав: Таргитай в самом деле уже там, на самом верху, чешется, перекосив харю, а пасть работает, как ветряная мельница, с хрустом перемалывая орехи сразу горстями.

— А богу сверху видно все, ты так и знай!

Мрак проворчал:

— Наш бог хоть и видит, но больше любит авось, небось и как-нибудь. Мужик распахнул рот:

– Да неужто?.. Такой бог?.. Быть того не может!.. А наш все чего-то требует! Нет, ваш лучше. Как, говоришь, его кличут?

Олег злорадно улыбался, видя, как Мрак сопит и грозно сдвигает брови, но богословские диспуты – это не секирой отмахиваться, оборотень в конце концов кивнул на волхва, вот тебе умелец по богам, да не только, как оказалось, по богам.

– Нашего бога зовут Сварог, – объяснил он Сидору, пожалев оборотня. – На нашего бога надейся, но сам к берегу гребь. Да и вообще ручками двигай, мозгами шевели. А то с таким богом... гм... Нашему богу закон не писан!..

Мрак не дослушал мудрствований, тихонько вышел. Свежий ночной воздух наполнил грудь с такой поспешностью, что Мрак закашлялся. В боку кольнуло, он ощутил мокрое, словно приоткрылась ранка.

В темноте со стороны сарая доносилось довольное конское фырканье. Глаза уже привыкли, он различил стройный силуэт Кору, она расчесывала коню гриву, гладила, что-то шептала в оттопыренные уши. Мрак подошел, кивнул одобрительно:

– Лучшая скотина после человека!.. А то лучше человека даже.

Кора слабо улыбнулась, но вдруг без всякой связи сказала горячо:

– Ну и что? Я тоже могу ездить на коне. Я утку на лету бью из любого лука!.. Я не буду помехой. Зато пригодиться смогу.

Она с надеждой поглядывала в сторону хаты, но в окнах уже было темно. Олег если и не спал, то предпочитал не высовываться. Он знал, как бить Ящера по голове, но не умел разговаривать по-мужски с женщиной, а тут ему подбросили сразу двух.

– Может быть, – согласился Мрак, – может быть, когда-то и наступят времена, когда мужчины охилеют настолько, что женщинам придется коня на скаку, в горящие избы, воевать, даже работать... но пока что мы есть на это, а вас бережем для других нужд. Иначе урон нашей мужской чести будет, поняла?

– Нет, – ответила она сердито.

– Жди нас, – велел Мрак.

– Что ж я, должна сидеть, как дура, возле окошка, ждать и потом выбегать навстречу с радостным визгом?

– Зачем? – удивился Мрак. – Можешь выйти навстречу с целым выводком. Ты вон какая здоровая, у тебя детки пойдут крепенькие да веселые!.. Я не указываю пальцем на Сидора, но уж больно сразу он начал причитать, что такой одинокий и что, окромя собаки, у него никого нет... Главное, что теперь тебе никто никого не навязывает: ни родители, ни соседи, ни вся родня, что всегда наперед знает, кому с кем и когда.

Он умолк на полуслове, на крыльцо вышел отяжелевший Олег, следом Таргитай, слышно было, как оба мощно вдохнули свежий ночной воздух. Таргитай закашлялся, завопил, ругая жуков, что летают как дурные, прямо в рот влетел, дурак слепой, а еще с крыльями.

Олег сел на ступеньки. Красные волосы под светом звезд стали серыми, он казался седым и очень старым, печальным. Мрак похлопал Ко-

ру по крутому плечу, как хлопал бы упитанную лошадь по крупу, пошел к друзьям.

— Что будем делать? — спросил он с ходу.

Олег подвинулся, Мрак опустился рядом. Таргитай навалился наденным брюхом на перила, те сразу затрещали.

— Можно, конечно, незваными припереться в Долину Битвы Волховов, — предложил Олег, — и там орать, что мы, люди, мир спасли, это надо зачесть при раздаче пряников...

Таргитай возмутился:

— Ничего себе пряник! Власть над миром.

— А что можно еще? — поинтересовался Мрак.

Судя по его виду, он как раз и собирался идти прямо в Долину, но не изощряться в своих правах, а просто бить по голове всех, кто восхочет стать властелином всей земли.

— Не знаю, — признался Олег.

Таргитай подумал глубокомысленно, предложил:

— Надо сходить к упырям... или к этим, лешим.

— Зачем?

— Поговорить по-доброму! — сказал Таргитай убежденно. — Им станет стыдно, сами откажутся. И упыри, и лешие, и даже боги. Нам отдадут это самое Перо.

— Перо не у них, — напомнил Олег.

— Попросят Рода, чтобы нам отдал!

Мрак что-то прорычал, словно с треском грыз кости, а у него пробовали отнять, Олег скривился, будто пожевал кислицу:

— Догонят и еще дадут.

А Мрак крикнул зло:

— Еще и нас станут упрашивать, чтобы взяли. А знаешь, Тарх прав...

— Я всегда прав! — вскричал Таргитай.

— Поздравляю, — сказал Олег оборотню.

— Спасибо. Лучше, как говорит Тарх, пойти к упырям, лешим, а понадобится — то и к богам. Когда все соберутся в Долине, то руки отмашешь, не одну дубину разобьешь!.. А так можно с каждым в отдельности, как Таргитай говорит, побеседовать, усостыдить.

Таргитай едва не повизгивал, даже Олег задумался, морщит лоб, хотя и так все ясно. Мрак хоть и лохматый, а сразу понял и согласился.

— Значит, с утра в лес? — спросил Таргитай, но в вопросе было больше утверждения. — Если не на упырей, то на леших напоремся. Их как сосновых шишек! Там на месте сообразим, как и что...

— На месте, — обронил Олег горько.

— А что?

— Нам вечно не хватает времени, — сказал Олег с отчаянием. — Мы кидаемся спасать... но не успеваем даже по дороге сообразить, как спасать, что делать для спасения!.. Что делать правильно.

Мрак громыхнул:

— А что непонятно? Как говорит наш Тарх, будем усостыживать поодиночке. Вот только секиру наточу, а то щербинку заметил.

Олег сказал несчастливо:

— Ты не понял. Поговорить с ними, пообщаться, понять их мысли, чувства, стремления... Может быть, они лучше нас! Может быть, Перо им и надо отдать по праву? Мы же ничего не знаем. Мы только знаем, что если чужие, то бей по голове! Сразу, ничего не спрашивая. А упыри, как я знаю от Боромира, самый древний народ на земле. Их создали даже раньше богов. Не может быть, чтобы не накопили великой мудрости, что доньше им неведома истина, даже Великая Истина...

Таргитай слушал, развесив уши, челюсть отвисла. Мрак махнул рукой, поднялся, не спорил. Пока что миром правят не те, у кого великая мудрость, а у кого дубина больше.

— Спать, — распорядился он. — А то вот-вот рассветет.

Таргитай вздрогнул:

— А?.. Что?

— Стоя спит, — сказал Мрак со злым восхищением. — Ну, Тарх, быть тебе не простым богом, а великим!.. Лодырей на свете больше, чем... чем людей.

Олег обхватил Таргитая за плечи, тот все равно не проснулся, увел причуду небес на сеновал. Сидор сказал, что если оголодают, то можно и сена пожевать, так что надо попробовать покормить Таргитая. Хоть и бог, а во сне пожрет все, что ни подсушь.

Мрак проводил долгим взглядом их залитые звездным светом фигуры, но искоса следил и за движением на пороге развалюхи, что когда-то была сараем. Когда друзья исчезли, слышно было, как шебаршатся, укладываясь, он поднялся, держал взглядом Лиску, что, не замеченная Олегом и Таргитаем, сидела сиротливо на пороге.

Она торопливо вытерла слезы, а когда Мрак подошел и сел рядом, у нее был прежний надменный вид, а нос задорно вздернут. Только на щеках все еще блестели мокрые дорожки. Ее желтые звериные глаза светились хищно, свирепо. Мраку чуть улыбнулась уголком губ, ноздри вздрогнули пару раз, ловя запахи.

— Не могу спать... — признался он. — Аж лапы дергаются... то есть руки... так хочется пробежаться по селу, загрызть какую скотину... Чую коров, телят, а свиней тут целые стада!.. Давно не смаковал во рту живой крови...

— И я, — ответила Лиска тихо.

Она отводила взор, но смотрели оба в одну сторону. Звезды освещали соломенные крыши, сараи, далекие плетни, а еще дальше темнела стена загадочного леса. Оттуда шли настоящие будоражащие запахи.

Мрак проговорил мечтательно, так непривычно светло для грубого оборотня:

— Лес... Деревья... Как пахнет живицей!.. Даже сейчас, ночью. А днем жуки гудят, сладкий сок сосут, пчел отпихивают... На каждом дереве птицы верещат, в кустах птичьи гнезда, там яйца на выбор... Эх, как давно я не рыскал по лесу в волчьей шкуре!

Лиска кивнула, в глазах ее были благодарность и понимание:

— Ты все понимаешь.

— Еще бы, — согласился Мрак. — Я-то понимаю, я ведь настоящий волк, а не какая-то там рыжая, что курей крадет. Волк чует запах оленя за версту, а если стадо свиней прет, то и за две!.. А когда птицы по кустам начинают гнездиться, я издали скажу, сколько в гнезде яиц будет...

Лиска вскинулась:

— Подумаешь! А я даже знаю заранее, в каких кустах какие эти, что в перьях, гнезда начнут вить!

— Брешешь, — не поверил Мрак.

— Могу, — обиделась Лиска. — Я ж не тупой волк, что мельче лося ничего не видит! Я могу разглядеть заячьи уши знаешь за сколько верст?..

— Ну, зайца... Зайца и лось углядит! А мышь?

Лиска фыркнула:

— Мышь!.. А ты знаешь, кто по мышам лучший охотник?

Мрак знал, потому и спросил, теперь слушал, как Лиска торопливо, захлебываясь словами, рассказывает тонкости мышьиной охоты, где приемов и хитростей куда больше, чем в простой гонке за дурными зайцами.

ГЛАВА 5

Олег дернулся, но проще вырваться из-под обрушившейся скалы, чем из-под ладони, что зажала ему рот. Он замычал, знаками показал, что все понял, молчит, как сушеный гриб на морозе. В темноте жутко горели желтые глаза оборотня. Мрак приложил палец другой руки к губам, медленно отнял ладонь:

— Пора.

Олег шевельнул губами, Мрак с его чутким волчьим слухом уловил, что спрашивает волхв, кивнул:

— Буди Тарха. А я оседлаю коней.

— Коней?

— Я уже сторговался тут с одним. Или ты понесешь нас в вихре?

— Если бы знать куда, — ответил Олег шепотом, — а...

Он замаялся, глаза трусливо ускользали то вправо, то влево, а то и вовсе начинали ковырять дырку в земляном полу. Мрак качнул головой:

— И тебе не стыдно их будить так рано?

— Стыдно, — ответил Олег с облегчением.

— Вот и пусть спят.

На дворе уже бледный рассвет, а далеко на востоке чуть окрасился алым край земли. Небо постепенно светлело, звезды почти все втянулись обратно в небесную твердь, как улиткины рожки, лишь самые крупные еще поблескивали над темными вершинами далекого леса.

Олег поднял Таргитая, вытащил наружу и держал обеими руками — дударь все еще не мог проснуться, Мрак вывел коней. У седла одного висели в широких ремнях огромная дубина и секира на длинной рукояти. Мрак на вопросительный взгляд волхва пожал плечами: мол, сторговал задешево, а секиру не бросать же, такой прелестью можно разбить не одну голову.

— А ножи? — спросил Олег шепотом.

— И ножи пригодятся, — огрызнулся Мрак. — Лучше тебя выброшу, чем оружие.

— Мрак...

— А че?.. Мужчина при оружии — вдвойне мужчина. А если еще и не шибко грамотный, так и вовсе герой.

Сонный Таргитай клевал носом, но истинный борец за справедливость не может смолчать, когда обижают человека:

— Грамотные тоже люди.

— Люди все разные, — ответил Мрак. — Есть воины, ими движим мир, есть волхвы, эти похуже, но тоже люди, есть совсем лодыри... но их тоже зачем-то создал Род, если их в самом деле создал он, а не... гм... ну а есть и вовсе... тьфу, боги, которые на трех свиней корма не разделят...

Он швырнул ему, как Таргитаю почудилось, свежесодранную волчью шкуру:

— На. Рубаха у тебя, конечно, с петухами, но в лесу останешься голым.

Таргитай с готовностью, хоть и с жалостью, сбросил порванную одежду — больно красивая, но в волчовке, понятно, любой сучок скорее обломится, чем порвет волчачью кожу.

Мрак вспрыгнул на коня, Олег уже трусливо вертелся возле ворот. Таргитай взобрался на своего коника, и прохладный утренний воздух сразу превратился в холодный встречный ветер. В ушах засвистело, захлопало, волосы трепало, а кожа на лице от холода сразу огрубела и растеряла ночную мягкость.

Копыта дробно стучали по утоптанной дороге. По обе стороны тянулась распаханная земля, потом пошла степь. Утренний воздух был колючим, наполненным сыростью, но зверье уже носилось в густой траве, а насекомая мелочь жадно слизывала росу, пока та не исчезла под лучами солнца.

Конь Олега скакал в сторонке, волосы трепетали, как жаркое пламя, но лицо волхва было мертвенно-бледным, нос заострился, скулы торчали остро, натягивая сухую кожу. Зеленые глаза неотрывно смотрели вдаль, друзей не замечал.

Мрак пустил коня вскачь рядом, бросил с преувеличенной беспечностью:

— Не грусти! Я говорил с ними. Кора найдет себе хорошего человека, она просто создана для семьи. А Лиска уже душой там, в чаще. Она бы с нами тосковала по лесу, по своему племени.

— Ты прав, — ответил Олег нехотя, но глаза все так же смотрели только вперед.

— Разве ты хотел бы сделать их несчастными?

Олег наконец оглянулся на село, где остались Кора и Лиска, вздохнул:

— Ты прав. Друзья приходят и уходят, а враги остаются. А то и плодятся, как тараканы.

Сзади донесся довольный вопль певца:

— Тараканы? Тараканы — к деньгам! Это хорошо, что тараканы. А то скоро есть будет не на что.

При каждом конском скаке в его неплотно привязанной суме звякало и постукивало. Так, пустячки: золотишко из дворца Перуна, камешки... Но дурень прав, при их простодырости все это уйдет, как вода сквозь пальцы.

И все же Олег чувствовал, что без стыда может смотреть только перед собой, там цель, там великая цель, там обязанности для мужчин. На Мрака не оглядывался, да не увидит тот в его глазах стыд, что сбежал все же трусливо, не решившись на разговор, схоронившись за спиной бесцеремонного оборотня.

Не замедляя галопа, пронеслись через лесок. Дорогу перегородила река, широкая и страшноватая, но волчье чутье вывело на мель, а затем и на брод. Правда, в одном месте все же пришлось плыть рядом с конями, но на берег выбрались, хоть и мокрые с головы до ног. Солнышко уже выглянуло над лесом, от одежды пошел пар.

Еще когда мчались через первую деревню, несчастный Таргитай взвыл:

— Мрак!.. Мы ж еще не ели!

— А вчера? — удивился Мрак. Ветер срывал его слова и уносил, отчего они показались Таргитаю совсем уж злыми и равнодушными.

— Олег! — воззвал он. — Скажи ему, что лучше каждый день есть!

Олег молчал, взглядом подгонял деревья, что неслись навстречу, зелеными тенями проскакивали по бокам и смыкались сзади, отгораживая от двух женщин, о которых надо заботиться, потому что женщины, потому что слабее, потому что долг всякого мужчины заботиться о женщинах, своих или чужих. Мужчины для того и существуют, чтобы беречь и защищать женщин, через которых великий Род осуществляет свой замысел!

Похоже, и Мраку трудно оставить их вот так, хотя он успел шепнуть, что обе будут больше счастливы без них, чем с ними, но все же оглядывается, нюхает воздух, спешит убраться подальше, отгородиться лесом и рекой... Понимает, что, несмотря на доводы рассудка, кто-нибудь из них, а то и как раз вопреки этим доводам...

В небе заливался жаворонок, потом озадаченно умолк посреди витиеватой трели. Мрак и Олег не заметили, но Таргитай, чуткий к песням, сразу вскинул голову.

По синему-синему небу медленно тянулся оранжевый след, словно ползла крохотная золотая гусеница, роняя шерстинки. Эту шерсть раздувало ветром, ибо след вначале был тонкий, как острие сосновой иглы, а потом ширился все больше и больше, теряя блеск, пока шерсть не рассеивалась без остатка.

Таргитай сказал встревоженно:

— Только бы жаворонка не заклевала...

Олег очнулся от дум, посмотрел дико:

— Какого... жаворонка?

Таргитай ткнул пальцем в небо:

— Жар-птица пролетела... А там жаворонок пел. Как думаешь, не клюнула?

– В небе места много, – проворчал Олег рассерженно, – разойдутся.

Мрак тоже на скаку задрал голову:

– Ого! Да это Огненный Змей!

Олег покачал головой:

– Точно видишь? Я бы сказал, что просто падающая звезда.

– А почему не вниз, а через все небо к западу?

Олег долго думал, а Мрак ехидно посоветовал:

– А ты ответь, как все волхвы: мол, неисповедимы пути богов!

Олег буркнул:

– Все исповедимо. Рано или поздно, но исповедимо.

Он покачивался в седле в такт скачке, нахмуренный, злой, словно эта падающая звезда, двигаясь не так, как представлялось верным, задела его лично, оскорбила, наплевала с высоты, вытерла свои звездные ноги. Мрак сочувственно покачал головой, но смолчал. Трудную дорогу уготовил себе молодой волхв. Молодой, но из-за того, что постоянно морщит лоб, хмурится, о чем-то напряженно размышляет, даже ему, Мраку, чудится, что волхв старше его по меньшей мере вдвое.

Ехали до обеда, уже шагом, потом скакали вдоль реки, наконец Мрак проворчал:

– Вон там дороги сходятся... Убей меня бог... тьфу!.. если там не корчма.

Только с его волчьим зрением можно было разглядеть перекресток, когда Олег с Таргитаем и эту дорогу видели не дальше чем на версту, дальше все расплывалось в жарком мареве. А когда ветерок поднимал и гнал пыль навстречу, то и уши своих коней видели не всегда.

Следом за Мраком корчму учуяли кони. Подбодрились, начали потряхивать гривами, жеребец под Мраком даже слабо ржанул, призывая других идти шибче.

Дорога, что шла вдоль реки, связывая деревни, села и веси, пересекалась с дорогой из леса. В этой не было видно ни выбитой колеи, ни утоптанной до твердости камня земли, эта дорога не вилюжилась, а тянулась прямая, как копьё кочевника, и Олег некстати вспомнил старую поговорку, что тот, кто ездит прямо, дома не ночует.

Слева от перекрестка на синем небе темнела неопрятная соломенная крыша постоянного двора, доносилось ржание, вкусно пахло конскими каштанами. Дом обнесен высоким забором, без щелей, но ворота распахнуты.

Мрак сразу заметил коновязь, ухоженный колодец с воротом, немалый сарай, где разглядел коней, жующих овес. Двери постоянного двора распахнуты, а судя по веселой песне, на первом поверхе корчма.

Они въехали на середину двора, огромные и настороженные, руки на рукоятках ножей, глаза придирчиво пробежали по открытым окнам, откуда доносился стук посуды, пьяные голоса, песни, веселые выкрики.

Мрак соскочил на землю, распорядился:

– Тарх, тебя кони любят! Позаботься.

Олег спрыгнул следом, с натугой размял застывшую спину. Таргитай подхватил коней под уздцы, хотел повести по кругу, остуживая, но подбежал услужливый мальчишка, явно один из хозяйских сынов, Таргитай отдал с охоткой, а сам спешно догнал друзей уже на крыльце.

Мрак свернул в конюшню, поглядел, куда мальчишка поставил коней. Последние ясли были пустыми. Мрак удивился, что ясли такие маленькие, разве что для жеребенка, да и то... потом услышал легкий стук маленьких копыт, увидел идущего вдоль рядов крохотного человечка с конскими ушами, покрытого шерстью.

Он кашлянул, чтобы не напугать конюшника, здесь зовомого баганом, у него не такие острые глаза. Когда конюшник испуганно метнулся в сторону, сказал громко:

— Не бойся, я не чужак. Мы коней тут поставим. Ненадолго, нам скоро опять ехать. Смотри, если заболеют, я твои конские уши к дверям прибью!

Из темноты раздраженно пробурчало:

— Неча тут чужих ставить! Своим есть нечего.

— Ищи, — сказал Мрак угрожающе. — Какой же ты хозяин?

— Да хозяин я, хозяин...

— То-то.

Олег и Таргитай ждали на крыльце. Он распахнул дверь в корчму, отшатнулся. Запахи жареного мяса и разваренной гречневой каши ударили с такой силой, что даже Олег сглотнул слюну, а Таргитай за их спинами жалобно взвыл. Низкий потолок едва просматривался сквозь дым, с поперечной балки свисали черные космы копоти.

За всеми столами сидели и насыщались крепкие мужчины. Крепкими выглядели даже те, что явно пашут землю, но трое-четверо выделяются осанкой и даже одеждой: сплошь умело выделанная кожа, что не рвется там, где полно колючек, сучьев и торчащих веток. Лица грубые и темные от солнца, так что не такие уж дремучие здесь леса.

Олег еще осматривался, приткнуться всем троим негде, а Мрак дружески похлопал одного по плечу:

— Мужик, а мужик!.. Ты уже поел... ах, еще не поел? Ну, все равно иди на улицу. А мы сядем.

Мужик, а с ним и двое других начали наполняться тяжелой кровью. Глаза налились, как у быков, красным, а массивные кулаки, казалось, прогибают стол. Мрак вздохнул, его рука метнулась к поясу, острый нож блеснул и застыл у горла мужика. Рядом горло другого уже щекотал острым лезвием Олег. В зеленых глазах не было даже злости, как у Мрака, это напугало Таргитая больше всего.

Но это, похоже, почему-то напугало и мужиков. Не говоря ни слова, боясь сделать лишнее движение, тихонько выползли из-за стола, на цыпочках выбрались за дверь. Мрак проводил их недобрый взглядом:

— Вот из-за таких невеж и говорят про нас, лесных людей, всякие нехорошие вещи.

Они спрятали ножи, Олег отряхнул лавку, прежде чем сесть.

— Это про нас, таких овечек?

В голосе было полно яда, но Мрак не заметил. Он привык давать сдачи, как велел Покон, а раз уж приходилось еще и защищать изгоев, то надо успевать сдачу дать раньше.

Таргитай сел тихий, как мышь. Он чувствовал себя слабым и беспомощным. Хуже того, никчемным. Даже Олег вон как... А ножи вместо кулаков затем, чтобы убрались сразу, не доводили до драки.

Отрок в замызганной одежке носился между столами, собирал грязную посуду, на новых гостей поглядывал пугливо. Таргитай воззвал жалобно:

— Принеси нам поесть! Я не видел мяса уже неделю!

Отрок, похоже, сжалился, Таргитай выглядел больно жалобным, сказал участливо:

— Хорошо, я покажу котлету. Но только издали.

Мрак хмыкнул, высыпал на стол горсть монет. В корчме мгновенно наступила мертвая тишина. Монеты еще звякали, один золотой долго кружил по столу, никак не мог улечься — грязно. В это время шеи у всех за столами вытянулись, глаза стали крупнее, чем у сов, а из кухни выскокил сам хозяин, мокрый от пота, распаренный и настолько пропахший запахами жареного мяса, вареной рыбы, острыми травами, что Таргитай против желания плотоядно облизнулся, а пальцы сделали щепотку, словно посыпал нечто жареное солью.

Хозяин верно оценил новых гостей, ничего не спрашивал, что-то велел двум отрокам, и те начали таскать на их стол все, что было готово. Мясо было жесткое, словно говядина давно кончилась, потому готовили из конины, а теперь и вовсе из телег.

Мрак подозвал отрока:

— Эй, парень! Принеси жареного гуся.

— С удовольствием, — отозвался тот.

— Можно и без удовольствия, — разрешил Мрак, — но обязательно с гречневой кашей.

Гуся, похоже, побежали резать, а пока на стол начали метать жареную рыбу, мелких птиц, лишь затем принесли испеченного в печи кабанчика.

— Вам поросенка с хреном?

Мрак кивнул, но Олег возразил:

— Нет, хрен отрежьте.

Кабанчика на стол ставили два отрока, занял половину стола. Одурачивающий запах ударил в ноздри, а когда Мрак всадил нож в покрытую коричневой корочкой спину, та проломилась с хрустом, запах повалил мощный, сшибающий с ног, обильно потек пахучий сок. Таргитай взвыл, трясущимися пальцами подломил горячий бок и, обжигаясь, вытащил пару ребер, зажаренных умело, корочка ломается, как пленка тонкого льда, сладкий сок сразу потек по пальцам, Таргитай жадно слизнул, чувствуя, как его язык начинает доставать до локтя.

Мрак прорычал довольноно:

— После такой работки... да поесть в охотку!

Олег хмыкнул набитым ртом. Он насыщался ровно, не кидался за сладкими кусками, как Таргитай, и не выискивал кости со сладким моз-

гом внутри, подобно Мраку, а, как лесной пожар, подбирает все, что лежало вблизи, и так двигался дальше, к середине стола.

— Хороша награда, — сказал он, — за спасение мира.

Когда кости смели на пол, а взамен кабанчика поставили что-то вроде таза с жареной рыбой, Таргитай начал насыщаться. Глаза сытые, подернулись пленкой, как у большой сонной ящерицы на солнышке. Однако голову втягивал в плечи, будто ждал тумака в затылок.

— И все-таки не понимаю, — признался он. — Совсем не понимаю. Хотя вы и объясняли...

Олег проворчал:

— Я тоже не понимаю. Мир ничего не замечает!.. Но не станешь же кричать, что мы его спасли?

Мрак сказал ядовито:

— Все-таки хочешь, чтобы весь мир собрался и целовал в задницу? Хочешь, по глазам вижу.

— Ну, не так уж грубо... но чтобы как-то отметилось.

— Шапку с лентой аль полоску на портки?

Таргитай смотрел на них непонимающими глазами:

— Это вы опять шутите?.. Вы говорите заранее, когда шуткуете. Я думал, это забыто с того дерева...

— Какого?

— Ну, когда еще в лесу были. Змея птенцов жрякала... а вы хотели от бедной тетки награду за доброе дело.

Мрак и Олег переглянулись. Олег приставил большой палец к виску и помахал растопыренными пальцами. Мрак буркнул:

— Хотя какая разница?.. Что птица, что весь мир. Дело не в плате, а какая плата. И сколько ее.

Таргитай кивал, ему было еще непонятно, просто Мрак говорил очень убедительным голосом, чересчур убедительным, даже Олег согласился:

— А я как раз понимаю, что от монетки можно и отказаться, благородством покрасоваться, особо когда девки близко, но когда суют золотую гору... гм...

Таргитай посмотрел с отвращением и ужасом. Олег протестующе выставил руки:

— Не надо на меня смотреть, как на Ящера. Еще в орало запряжешь... Но на мне где сядешь, там и слезешь. Я тебе такое напашу! Я рассуждаю, как человек того мира, который мы спасали. Я сам не хочу жить в таком, хочу лучший, но где его взять? Надо тащить за уши этот.

Мрак проговорил медленно:

— Олег, тебя чересчур сильно по голове треснули. Ты хоть понимаешь, что брякнул?.. Спаси мир — это раз плюнуть, если силенка да еще удача. А тащить за уши... всей жизни не хватит. Да что там жизни! Гора вырастет и рассыплется, а человек все еще будет сидеть в болоте. Ну разве что на волосок приподымется.

Таргитай сказал простодушно:

— Тогда нам придется жить долго!

Он тут же спохватился, прикусил язык. Мрак пожал плечами:

— Тебе — да. Ты теперь бог. А мы с Олегом простые и даже очень простые. Ну, пусть Олег уже не больно простой, но я вроде бы стал еще проще. Вроде бы некуда, а все равно проще.

Им в глаза не смотрел, остервенело выколачивал из толстой кости сладкий мозг. Перед Таргитаем лежала целая грудка, из одних сумел выковырять пальцем, другие не поддались, наблюдал за Мраком с завистью. Мрак, сытый и довольный, предложил великодушно:

— Хочешь, за хорошую песню и тебе мозги выколочу?

ГЛАВА 6

Хозяин наблюдал за ними издали: нечасто в корчму приходят с золотыми монетами. Когда гости уже и рыбу перестали пожирать с костями и хвостами, взмахом толстой длани послал к их столу отроков с кувшинами вина.

Мрак не чтит богов, потому пил из кувшина, не проливая на грудь ни единой капли. Зато за соседним столом явно поклонялись всем богам и бесам сразу: половину вина, медовухи и любого пойла, что им подавалось, проливали мимо рта на подбородок, на грудь. С мокрыми обвисшими усами и слипшимися бородами были похожи на утопших мышей. Мрак брезгливо отвернулся:

— Добро переводят!

— Зато все зрят, что богатые, — пояснил Олег. — Обычай такой.

— Обычай?

— Ну не все же мир спасали? А человеку чем-то побахвалиться хочется.

Мрак наконец вычленил взглядом человека, который показался подходящим, взмахом руки пригласил за стол, налил вина, придвинул к нему остатки кабанчика:

— Вот та дорога ведет в лес... да ты ешь, ешь!.. И как далеко? За лесом есть города или веси?

Мужик торопливо запил из кружки, налил и снова выпил, лишь тогда поверил, что сразу не попрут взащей, ответил важно:

— За лесом уж ничего нету.

— А как же дорога? — спросил Мрак.

— А что дорога?

— Идет в лес. Не зря же.

— Так в лес, — сказал мужик резонно, — а не через лес... Хорошо здесь готовят, всегда свежее мясо!.. В лесу хворост бабы собирают, грибы, ягоды, травы, чагу сбивают. Деревья валим на хаты.

— А как же лешие?

Мужик довольно ослабил:

— Говорят, наш войт с ними в дружбе. За весь год только корову волки задрали да изредка лисы кур таскают. Ни одного человека не сгнуло, если не считать Кирьяна, что пьяный в болоте утоп. Говорят, исчезники завели, но Кирьян и сам такой, что грязь найдет... Так что дорога в лес!

Мрак покосился на Олега и Таргитая. Даже Таргитай понимает, что где-то за лесом есть села, веси, города, живут люди, но этим местным кажется, что за околицей уже конец мира. Нечего смеяться, сами давно ли...

— Я вон девку взял из веси, — рассуждал мужик важно, — что за рекой... Ну, скажу тебе, там жизнь!.. Врагу не пожелаешь. Когда бабы идут в лес за хворостом, мужики с топорами и луками охраняют. Да не от зверья, хотя и те не больно щадят, а от нечисти! Дня не проходит, чтобы кого не испугали, не поцарапали, а то и утащат... Когда одному надо срубить дерево, хату подправить, то пятеро охраняют, разложив костры вокруг. Не было случая, чтобы лешие или что другое не вылезло, не напало. Там каждый третий покалечен, нет ни одного взрослого мужика без отметины.

— Красиво живут, — согласился Мрак.

— А еще дальше была деревня, что вовсе захирела... Кто уцелел, тот бросил дом и подался в другие места. Слишком их невзлюбили хозяева леса.

Олег быстро зыркнул на хмурое лицо оборотня. Как бы хозяева леса не стали и хозяевами мира, читалось на его суровом лице. Тогда станут брать себе в жертвы не только в лесу, но и в селах. А потом и вовсе истребят людской род за ненадобностью.

Хозяин подошел, поклонился с натугой. Широкая спина затрещала: нечасто приходилось наклоняться где-то еще помимо печи. Пузо свисает через ремень, да и спина гнется с неохотой.

— В задней части есть хорошая комната, — сообщил он мрачно. — Чистая.

Мрак поинтересовался:

— А клопы есть?

— Нет, но если пожелаете...

Мрак сожалеюще развел руками:

— Нам редко когда удастся пробыть на постоялом дворе больше суток. А еще чаще, как вот сейчас, уходим еще раньше...

Он бросил на стол еще пару золотых. Хозяин принял с достоинством, это не за еду, за ту расплатились с лихвой, а за то, что и кабанчика, и рыбу, и мелкую птицу ждать не пришлось, не томили, все подали сразу.

Когда вышли на крыльцо, Таргитай все еще оглядывался, глаза были полны недоумения. Никто не кидался к ним со словами благодарности, что спасли мир.

Мальчишка выскочил навстречу:

— Уезжаете?

— Выводи коней, — распорядился Мрак. — Накормлены?

— И напоены, — ответил мальчонка, он во все глаза рассматривал огромного человека в звериной шкуре. — Но им отдохнуть бы...

— Тогда им надо было с другими связаться, — бросил Мрак.

Мальчишка застыл с раскрытым ртом, не понял, а Мрак смотрел через его голову на распахнутые ворота. С улицы въезжали четверо на за-

моренных конях, еще три коня с поклажей, но без телег. Двое молодых, но двое один другого старше, волосы белые как снег, бороды до пояса, а одежда покрыта дорожной пылью так, что не угадать ни цвет, ни даже покроя.

Молодые соскочили на землю. Мрак одобрительно наблюдал, как ухватали коней стариков под уздцы, помогли слезть, хотя сами едва держатся на ногах. Один из седобородых соскочил сам, даже не качнулся, только малость побагровел. Лицо в шрамах, по всем повадкам видно старого бойца, лицо суровое, язвительно наблюдал, как другому помогли слезть сразу оба молодца. Тот был в белой... наверное, белой одежде волхва, и Олег сразу оживился, но Мрак опередил, спустился с крыльца:

– Доброго здравия, странники!.. Вы остановились в нужном месте. Тут кормят, поят хорошо, а на той стороне есть чистая комната. Откуда путь держите?

Старый воин зыркнул подозрительно, но волхв сказал старческим скрипучим голосом:

– Издалека, издалека... Вон видишь за лесом гору с раздвоенной вершиной?

– Зрю, – сказал Мрак. – Голо там... А чуть ниже растет орешник. Только что-то еще дымится с левой стороны горы...

Старик посмотрел подозрительно и удивленно:

– Ты не колдун?

– Повезло, нет.

– Гм, а зришь так далеко... Да, это мы оставили. За нами было погнались эти... ну, которые скалами швыряют. Пришлось пустить огонь. За той горой наше племя редариев. А в глубине той горы народ рудокопов, что не выносят света. Это священная гора.

Он, как и Мрак, остановился, придирчиво наблюдая, чтобы распаренных коней сразу не повели к водопою, а сперва поводили по двору, охладили, расседлали.

– Чем же гора священна?

– Перед ней приносят клятву, – сказал волхв строго. – И боги бдят, чтобы клятвы соблюдались... А кто нарушит, того наказывают сразу и очень жестоко. Так, что потом целые народы содрогаются от ужаса.

Из конюшни вышел старый воин, которого Мрак для себя окрестил боярином, сказал довольно:

– Ясли чистые, овес отборный, вода ключевая... Нечасто такое встретишь в захолустье. Что гора? На моей памяти, я тогда еще мал был, перед этой горой страшно и яростно поклялась прекрасная Брунька Белорукая, что не пойдет за жестокого и ненавистного ей Кремнеголового, который домогался ее руки.

Он зябко передернул плечами. Мрак спросил с интересом:

– Такая страшная была клятва?

– Нерушимее не бывает, – подтвердил боярин. – Она заявила, что не станет ему женой, даже если на всем белом свете он останется единственным мужчиной! Если она будет тонуть, не хватится за его руку!

Если он усыплет ее всеми алмазами мира, достанет со дна моря все жемчуга, все равно она не станет его женой!

— Ого, — сказал Мрак уважительно, — это, понимаю, клятва.

— Да... Конечно, тот наглый Кремнеголовый посмотрел на заходящее солнце, нагло засмеялся. Мол, девичьи страсти! Эта ночь еще не закончится, как ты станешь моей женой.

Он умолк, взмахом руки разрешил вести коней к колодцу. Солнце опускалось нехотя, но его давили тяжелые сизые тучи, похожие на прокленное железо.

— Наглый, — согласился Мрак. — В самом деле наглец.

— Прекрасная Брунька Белорукая ответила достойно, — сказал боярин с удовольствием. — Она сказала: хорошо. Но не раньше, чем лиса выкормит цыплят, река потечет вспять, эта гора уйдет под землю, наши поляне отступят перед древлянами, а солнце пойдет с запада на восток!

Олег и Таргитай уже вывели коней, слушали раскрыв рты. Мрак спросил заинтересованно:

— И что же?

Боярин пожал плечами: умному уже давно все понятно, а дураку хоть кол на голове теши, хоть орехи коли, хоть гвозди ровняй...

Мрак кивнул:

— Мне ясно. А вот этим двум...

Олег оцетинился:

— Говори о Таргитае. Ему больше непонятно. А что понятно тебе?

Мрак усмехнулся:

— Что солнце встает на востоке и заходит на западе, реки текут, как текли, гора на месте, лисица жрет цыплят вовсю... Словом, девка пошла за него?

Боярин кивнул:

— Да, ночь еще не закончилась. До сей поры живут в любви и согласии. Пятеро сынов, три дочери, а внуков уж не сочтут... Наша княгиня из самых младших внучек.

Мрак хмыкнул, все понятно, так и думал, только Олег остался с раскрытым ртом и выпученными глазами. Он ощутил на себе сожалеющий взгляд Таргитая. На этот раз дударю тоже было яснее ясного.

Сумасшедший мир, подумал Олег с отвращением. Дураку ясен, умный мозги свихнет, а не познает. Найдется человек или бог, который наведет порядок?

Холодок ужаса пробежал внутри. Похоже, еще не нашелся. Но почему он все чаще чувствует макушкой, как будто кто-то упорно и требовательно смотрит сверху?

За распахнутыми воротами открылся необъятный мир, а постоянный двор остался за спиной и пропал, как будто его никогда и не было. Олег так задумался, что, когда сердитый конь коварно притер его боком, прижал ногу к столбу, он даже не очнулся. А Мрак развернулся в седле, оглядывался с тревогой и недоумением. Таргитай уже с рукой на полпути к пазухе, где ерзала родная дудочка, страдальчески скривился:

– Опасность?

Мрак в затруднении двинул плечами, волчьи ноздри мощно раздувались и опадали, как кузнечные мехи.

– Да вроде не видать... Но беспокойно.

Посох в руке Олега повернулся, как встарь, когда можно было бить острием, как копьём, и тут же пускать молнии.

– А что чувствуешь?

– Ничего, – ответил Мрак с тревогой. – Но как-то не по себе. Полдня в корчме, жрали и пили в три горла, а наш бог в четыре, два жбана медовухи выхлебали, а так и не подрались... А народу было, было... Неспроста это, неспроста! То ли с корчмой что-то не так, то ли мы вырождаемся. Как Числобог и предостерегал!

Олег с облегчением вздохнул, а Таргитай сразу же полез за пазуху, теплая дудочка сама скользнула в ладонь. Ему вырождение, как и загнивание, явно нравилось.

– Хуже того, – бубнил за их спинами Мрак встревоженно, – умные речи вели! В кого превращаемся, люди?

– Превращаемся, – согласился Олег загадочно.

– В кого?

– Не знаю. Но превращаемся. А вот боги, упыри, лешие... и все – не превращаются.

Он двинул коня каблуками под бока, чтобы уйти от вопросов, свежий ветер ударил в лицо, растрепал волосы. Дорога понеслась навстречу, с каждым конским скоком приближая далекий темный лес.

Он смутно чувствовал, что сам сказал что-то умное, даже очень важное, но в лицо уже ударил встречный ветер, попытался содрать волчовку, яростно трепал волосы, и мысль ушла, растворилась, оставив слабое ощущение, что на миг оказался возле великой разгадки, но так и не сумел ее ухватить.

ГЛАВА 7

Ветер освежал разгоряченные лица, свистел в ушах, даже Мрак не сразу расслышал за спиной жалобные стенания:

– Вам что... Один может обернуться волком, другой... птицей, а я? Вы ж только ради меня, бедного, терпите людскую личину, только не признаетесь, чтобы я спасибо не сказал!

Мрак хмыкнул, поморщился, мол, если Таргитай начнет спасибить, то и лоб побьет, но Олег, всегда доискивающийся, что, зачем и почему, а потом еще и объясняющий это другим, придержал коня, чтобы тот шел рядом с Таргитаевым, сказал обстоятельно:

– Да не ради тебя, не знавайся. Просто мы вышли в мир, где люди не умеют ни в волков, ни в птах. А природа людская такова: чего не умеют сами, того боятся в других. А когда боятся, то дерутся. Вусмерть! Но не драться же со всем миром? А если выбирать волчью шкуру, то Мраку пришлось бы жить с теми, кто примет в волчьей... Да и мне в птичьей стае как-то не совсем. Так что нам придется быть как все люди...

– Быть?

— Выглядеть, — поправился Олег, его передернуло от отвращения, едва представил себя просто мужиком, не желающим видеть дальше своего огорода. — Таиться. А оборачиваться только в лесу или там, где никто не подсмотрит. Вон ты ж не кричишь, что ты бог?

— Я что, — протянул Таргитай, — я скромный... А вы, значит, просто хвосты поджали?

Мрак зарычал, а Олег кивнул:

— Да. Боимся. Очень. Драться со всем человечеством?.. Всех дурней не перебеешь. Но даже если бы перебили, то как жить в пустыне?.. Это тебе со своими песнями можно, ты и жабам петть можешь, а нам без людей грустно. Даже без таких, какие они есть.

— Да? А тогда хоть знаем, куда едем? И что делать будем?

На этот раз Олег смолчал, Мрак после паузы буркнул:

— Столько же знаем, сколько и ты.

Таргитай возопил:

— А я не знаю! Когда из леса вышли — все было ясно, как орех без скорлупки. Когда каган нас обидел, то мы кагана... к ногтю. Потом оказалось, что не каган, а маги все портят... Ладно, погоняли магов. А теперь?

Олег сказал с тоской:

— Если кому дать по голове, то здесь мы лихие ребята. Если кому отбить уши, опять же первые... Но теперь силой не взять, супротив Рода нет силы. Да, прем в лес, чтобы встретить то ли упырей, то ли мавок, то ли берегинь... Словом, кому Род может отдать Перо Власти. А что дальше? К кому пойдем? К лешим, мавкам, упырям? За двумя зайцами погонишься, не вытащишь и рыбку из пруда!

— За двумя зайцами погонишься, — поправил Мрак строго, — получишь от лесовика по морде. Мы ж решили! На месте увидим.

Таргитай приотстал, в ладонь успокаивающе заползла дудочка, юркая, как ящерица, устроилась удобно, дырочки под кончиками пальцев, осталось только поднести к губам, а Олег песен почему-то не выносит, даже Мрак любит только в конце, когда сложатся. Но пока слова притираются одно к другому, царапаются, шуршат, он морщится и гонит прочь, как будто песня берется из ничего, раскрыл рот и запел готовенькое!

Подудел, мелодия оказалась хуже, чем представлял, сунул дудку за пазуху, пустил коня вскачь. Мрак оглянулся, глаза тревожные, брови сдвинулись на переносице.

Таргитай пожаловался:

— Не пойму!.. У нас всего шестнадцать дней, а мы на этих хвостатых тащимся. Еще вчера на Змеях носились, на Рухе, еще на чем-то гадком, а сейчас как будто и не люди!

— А ты знаешь, куда ехать? — спросил Мрак.

Таргитай растерялся:

— Нет... но я и раньше не знал!

Мрак кивнул, но не посоветовал сопеть себе в две дырочки, а если на дуде, то во все восемь, крикнул молчаливому Олегу:

– Олег, лес велик!.. Тарх прав, как ты терпишь? Можешь летать в поднебесье, а все ножками, ножками, как медведь. Да и то, медведь на четырех носится быстрее коня, а ты ж на двух... Потешь ребенка, полетай.

Олег хмуро помалкивал, Мрак, как всегда, язвит и задирается, но тут Таргитай снова присобачился, завопил жалобно:

– А сверху узришь так много, так много!.. Где птичьи яйца лежат, где жирные гуси спят, где молодой кабанчик пасется...

Мрак сказал очень серьезно:

– Вот видишь? Важными делами можешь заниматься, а ты все думаешь, думаешь, будто от думанья голова, как у коня, вырастет большая и умная! Какой-то ты волхв странный. Вроде бы и не волхв вовсе. Тем только в жертву гусей, уток, коз, медвежатину... Или они берут только на дурика, а сами ни-ни?

Олег наконец пробурчал с досадой:

– Я не понимаю, как может завидовать бог. И я вообще не понимаю теперь, что такое бог, зачем они, откуда берутся. Нет, откуда берутся, теперь понятно, но зачем?

Мрак сказал насмешливо:

– А мы сами зачем?

– Ну, предположения есть...

– Да ладно тебе, волхв. Предположить можно все, что угодно. Мы есть – и все тут.

– Мы есть, – возразил Олег, – потому что Род нуждается в помощи! А затем и в приемниках. Это мне больше нравится. А что в Долину Битвы нас вовсе не позвал, это потому, что люди что-то сделали не так, чем-то разочаровали... Как разочаровали древние народы муравьев, пчел, на которых он, по слухам, когда-то надеялся. И если Таргитай не переврал слова Рода, а то пока по Дереву от него слезал, мог не только портки порвать, но и...

– Ну, в голове у него всегда была дырка, – заметил Мрак хладнокровно, – не простая, а со свистом! Но мы его все равно любим.

– Любим, – согласился Олег нехотя. – Но за что? И почему он стал богом? Неужели только за свои песни? По мне, они как вой голодной собаки.

Темные глаза Мрака насмешливо поблескивали из-под нависших бровей. Конь шел ровно, красиво, не сбивал дыхания даже в прыжках через валежины, гордо потряхивал гривой.

– Ты не увливай, – посоветовал Мрак. – Ну сменишь портки пару раз. Мы на этот случай возле ручья остановимся.

– И зайца убьешь, – сказал Таргитай простодушно, – как в прошлый раз шарахнул!.. Жирный был, толстый, до сих пор помню.

Он звучно облизнулся, а Олег потемнел, вспоминая о позоре, но певец смотрел такими чистыми невинными глазами, что Олег только скрипнул зубами, отвернулся.

Добрый Таргитай посоветовал:

– Олег, ты крылья растопырь, они у тебя как паруса, и давай вр-р-р к тому дереву! Ветер будет в спину, так легче.

Мрак сказал многозначительно:

— Олег... свободу и силу взлета не попутный, а встречный дает.

Олег молча кивнул, подумав, что слова Мрака годятся и на другие случаи жизни.

Мрак, проезжая мимо одиноко стоящей березы, покачал головой, внезапно без размаха ударил секирой. Послышался глухой стон. Из раны брызнул красный сок. Таргитай вытаращил глаза, протер, снова вылупил, но по белому стволу медленно потекла струйка алой крови!

— Все ж ясно, — сказал Мрак брезгливо. — Одиноко стоящая береза да чтоб не подманила всю нечисть? А кто под ней похоронен, знаешь? Нет? А чего ж вместо сока течет кровь? То-то.

Он вытер лезвие, секира снова уютно устроилась в ременной петле. Конь шел, не замедляя шага, Мрак тоже не оборачивался, только Таргитай остановился, ошалело глядя то в его широкую спину, то на березу... Наконец пропищал:

— Так, может, срубить ее к такой матери?

Мрак отмахнулся:

— А зачем? Нам под ней не спать. А если кого задурит, так каждый мужчина сам за себя ответствует... А бабы по чисту полю не шляются, как перекаати-поле.

Таргитай поколебался, посмотрел на зеленую верхушку, на тонкие, как девичьи руки, ветви, вздохнул, голос стал жалостливым:

— Такая красивая... Нет, пусть растет.

Олег оглянулся уже издалека, стегнул по березе недобрый взором:

— Вот так по лени да жалости и плодится зло на земле, а та все терпит. А потом, опомниться не успеешь, уже два дурня подговаривают третьего Яйцо разбить... Нет, надо что-то придумать!

— Поставить лютого царя, — предложил Мрак. — Чуть кто вякнет — голову долой.

— Было. Помнишь киммеров?

— Тогда поставить во главе всех земель могучего мага, — предложил Таргитай и облизнулся. — Чтобы всем все дал, никого не обижал, бедных жалел, нищих кормил...

— Забыл Гольша? — подсказал Олег сухо.

Он хмурился, лицо стало озабоченным, зеленые глаза потемнели, как трава перед грозой. Мрак внезапно рассмеялся, показав белоснежные клыки и ровные острые зубы:

— Так мы уже нашли силу над силой! Нашли такое, что сильнее мечей и даже... Олег, только не обижайся, но даже сильнее магии. Тарх, сыграй.

Таргитай с готовностью вытащил дудочку. Олег поморщился, отнял и сунул ему снова за пазуху:

— Он только доказал, что сердце сильнее... пока что, чем мозги. Нас великий Род выпустил в свет недоделанными, даже недодуманными. Сердца пока что в самом деле сильнее, чем мозги. Не у всех, конечно, а у тупой толпы. Правда, любой народ — это тупая толпа, включая царей. Мудрецы, конечно же, зову сердца не поддаются. У нас есть мозги!.. И не такие, как у дятла, такие даже у Таргитая есть, а... ну, в общем, мозги.

Таргитай преданно посматривал на Мрака и Олега: один вытянулся в седле, поводит хищным носом, второй двигает бровями, словно пытается мысленно узреть леших, упырей или людей из того племени, что тянется к Перу.

Олег помалкивал, а Таргитай не спрашивал, что будут говорить и делать. В голове складывалась новая песня, яркая и трепетная, а это самое важное, только нельзя это говорить даже Мраку, который любит его песни, хотя признается с неохотой, а уж Олегу нельзя даже намекнуть: взъерится, вообще песни не терпит...

Конь ступал мерно, слова покачивались и лепились одно к другому вроде бы вкривь и вкось, но получалось необычно и здорово, мелодия звучала в голове сперва едва слышно, урывками, потом громче, обрастал руладами. Конечно же, про любовь, ибо хорошая песня может быть только про любовь или коней, но, как сказал как-то Мрак, песня про любовь ссадила кочевников с коней и заставила пахать землю, что раньше они презирали, а песни про коней раскрывают души как раз людям...

Тени постепенно сгущались, а яркие солнечные лучи, что в самом начале пути пронизывали листву до самой земли, теперь поднимались по стволам наверх.

Мрак нетерпеливо вытягивался, нюхал воздух. Лес оставался чистым, толстые стволы мощно подсушивали почву и глушили не только кустарник, но даже траву. Кони ступали уверенно, только изредка шарались от выскакивающих из папоротника зайцев.

Олег посматривал на ногу Мрака. Повязка над коленом уже потеряла цвет, скомкалась. Оборотень сжимает коня коленями легко, не похоже, что нога болит. Кивнул ему на повязку:

— Я так и не понял тогда...

— Да все забываю снять, — отмахнулся Мрак. — Узел тугой, какой дурак завязывал! Когда на голове была, еще щемило малость, а как сползла сюда, уже и забыл, а развязать некогда.

Олег смотрел долго, внимательно. Мрак чувствовал его ошупывающий взгляд то на голове, то на плечах, то уже на колене. Наконец волхв сказал напряженно:

— Это что-то совсем непонятно. Такое же, как вот Таргитая в боги... Сколько ни думаю, все как-то не получается...

— Что?

— Ну, это... повязка.

Мрак сказал с досадой:

— Да что ты со своей повязкой? Я ж говорю, сползла!

Олег покачал головой, глаза встревоженные:

— Мрак, здесь замешано злое колдовство. Иначе быть не может. Посуди сам. Вот твоя повязка. На голове. Допустим, разболталась так, что ослабела и поползла вниз... Я тебе это уже говорил, знаю, но хочу разобраться. Так вот, тогда бы закрыла тебе глаза хоть на время, а ты этого не потерпишь. Потом должна как-то пройти через твои плечи, а они, надо признать, раздвинулись так, что Лиска не обхватит... а то и Кора.

Нет, Кора, пожалуй, обхватит. Но даже если предположить и такое, что просто дико... нет, не то, что Кора станет обхватывать, кто ее знает... я все о том же, о повязке... то твои руки на долгое время оказались бы скованными...

Мрак фыркнул:

— Но она все-таки сползла? Сам видишь!

— Но как? — спросил Олег, морща лоб. — Вот в чем вопрос...

Мрак отмахнулся:

— Разве во всем надо искать причину?

— Во всем, — ответил Олег убежденно. — И все можно понять и объяснить.

Мрак буркнул:

— Зачем? Что-то надо принимать так, как есть.

Деревья стали словно бы еще толще, но по-прежнему над головой проглядывало небо, а земля теплая, сухая. Расстояние между деревьями увеличилось, можно было ехать втроем в ряд. Наконец гигантские стволы расступились вовсе, открыли обширную поляну, где можно разместить деревушку невров. В середине поляны возвышалось гигантское толстое дерево. Таргитай ахнул и запрокинул голову. Немыслимо толстый ствол уходил бесконечно вверх, а там, в синеве, раскинул зеленые ветви, которые и накрывали поляну, не давая поселиться другим. А как Таргитай знал с детства, размах кроны дерева и корней обычно идут ноздря в ноздю, так что по всей поляне хозяйничают гигантские корни этого исполина, выпивая воду, соки и отбирая все съестное у всякого, кто попытается укорениться.

— Здесь и заночуем, — решил Мрак. Он выехал на поляну, буркнул с удовлетворением: — И ручеек неплох.

Из-под корней выбивался ключик, серебристый бурунчик подпрыгивал как живой, бежал веселой змейкой, но с высоты седла было видно, как постепенно мельчает, а уже за сотню-другую шагов полностью уходит в землю, разобранный по дороге корешками.

Вдали виднелся забор из деревьев, настолько плотный, что поляна казалась окруженной частоколом. Деревья стояли на почтительном расстоянии, словно это гигантское дерево очертило незримый круг, за черту которого переступить запретило. Внутри круга зеленела трава, впрочем, мелкая.

Таргитай, стараясь быть полезным, суетливо расседлывал коней, вытер им потные бока пучками травы, бегом отвел подальше от дерева. Мрак прибьет, если коня поить рядом.

А Мрак, оперев руки в бока, уже стоял перед могучим дубом. На высоте в полтора человеческих роста тускло блистал круглый щит. Масивный, медь потемнела, взялась зеленью, но полосы отливают металлом, что не поддался времени. В середине щита уцелела странная звезда с крестом внутри, а рядом со щитом, окруженная кольцами наплывов, из коричневого ствола торчала рукоять меча. Меч был погружен почти по рукоять, оставалась полоска булата не шире ладони, плоть дерева наступала, поглощая металл, вбирала его в себя.

Таргитай хлопотал по поляне, собирал хворост, огонь — священен, так что разжигать костер отныне доверено только ему, а Олег подошел к Мраку, указал на едва приметную выпуклость на земле:

— Если бы не ветви, дождем бы давно размыло.

— Да, — сказал Мрак задумчиво, — не волхв здесь похоронен, не волхв. И не простой разбойник...

— Уже не узнаем, — сказал Олег трезво. — Века прошли.

Таргитай стоял на четвереньках, страшно шипел, свирепо раздувая щеки. Крохотные искорки гасли, не желали цепляться за крупные куски, пусть и сухие, Таргитай снова колотил кремнем по огниву, пока Мрак не буркнул раздраженно:

— Олег, да хватит таиться! Мы сами должны кричать о себе, чтобы на нас кто-то наткнулся. Пусть даже враг. У нас нет времени искать ни леших, ни мавок... Черт, куда все подевались? То как грибов в лесу, а сейчас одни жуки да муравьи...

Олег вздохнул:

— Я могу попытаться. Но если вдруг лес вырвет с корнем... или снова дождь из жаб...

Мрак поколебался, махнул рукой:

— Давай! Все осточертело. Бьемся, бьемся...

— Смотри, — предупредил Олег еще раз. — Потом не жалуйся.

Мрак на всякий случай ухватился за землю, напрягся. Олег негромко произнес заклинание. Выждал, ничего не случилось. Повторил чуть громче. После паузы произнес другое, подлиннее.

— Не получается? — посочувствовал Мрак.

— Хуже, — прошептал Олег. Он побледнел, на лбу выступили капельки пота.

— Что — хуже?

— У меня всегда получается... Только знать бы, где и что! Может, снова дождь из жаб... где-нибудь в тридесятном царстве. Может быть, земля треснула где-то...

Таргитай услышал, сказал жалобно:

— Ладно, не надо! Уж лучше я еще помучаюсь.

— Колдуй, — велел Мрак свирепо. — Ты мужчина аль нет? Это не жизнь, если каждый шаг рассчитывать.

Таргитай вякнул:

— Но последствия...

— Ишь, слова-то какие запомнил!.. Ты дуй, дуй. А ты не бойся сделать шаг. Нельзя просчитать все последствия, понял?

Олег с вытянувшимся лицом шептал, взмахивал, кивал, Таргитай колотил по огниву и, как сытый хомяк, раздувал щеки, уже и Мрак, похоже, сжалился, ладно, сейчас покажет богу, как надо, но вдруг от места будущего костра раздался дикий крик. Там полыхнуло, Таргитай упал на спину и нелепо дрыгал сапогами. На месте жалкой кучки хвороста поднялся ревуший столб пламени, словно разом занялась целая поленница березовых чурок.

На лице Олега был страх пополам с облегчением.

— Все же получилось.

— Молодец, — сказал Мрак одобрительно.

— Да, но...

— Что опять?

— Меня как-то странно тряхнуло.

— Ах, какая беда, — сказал Мрак саркастически. — А в боку не колет?

Не подташнивает? Особенно по утрам?

Олег прислушался, сказал настороженно:

— Да вроде бы нет... А что?

— Да была в нашей деревне бабка Боромириха... Ах, еще помнишь?

Так у нее вечно тут колело, там дергалось, в боку подкатывало... У тебя не подкатывает?

Зеленые глаза волхва блеснули подозрением:

— Это у тебя то, что называешь шутками?... Тогда заранее говори, когда смеяться. Или не обращать внимания. Эх, Мрак... Только о себе!

— А о вас — нет?

— Мрак... Мы с Тархом — это тоже часть тебя, твоего мирка. Та часть, что осталась от родного племени, которое мы в дремучем невежестве... подумать только, каком дремучем!.. именовали Народом. Ты и мир спасал, чтобы уцелеть самому и спасти нас двоих!.. Ну конечно, и остальной мир, чтобы нам было где разгуляться. А я вот смотрю на весь мир другими глазами. Там могут быть и умнее нас! Там наверняка есть умнее нас. Роду сверху видно все, ты так и знай! Потому людей и не пригласил вовсе на раздачу пряников. Мы самые младшие, нам пока ничего не полагается.

Мрак слушал со снисходительным любопытством. А Таргитай, вернувшись с новой охапкой хвороста, сказал светлым мечтательным тоном:

— Старшие братья младших обижают, обижают, обижают... но потом пряники, принцессы и царства достаются младшему брату!

Он сказал так убежденно, верил, что Мрак в воспитательных целях тут же взмахом длани отправил бога снова за хворостом. Жизнь — не его сладкие песни, не мечтания ленивого, ее не слагают, лежа на печи, не лепят, как волхвы свои горшки, а куют в огне и крови.

— Ладно, — сказал он с отвращением. — Вроде бы ни топора, чтобы роняли друг другу на ноги, ни ножа, порезаться... Правда, в костер можете попадать... Ладно, авось сумеете выскочить в нужную сторону.

— А какая нужная? — спросил Таргитай простодушно. Увидел лицо Мрака, поспешил повернуться к волхву, тот любит говорить о своем высоком: — Олег, а к чему, если правая ладонь чешется?

— К деньгам, — буркнул Олег.

— А если левая?

— Битым будешь.

— Ух ты! А если чешется спина?

— Под дождь попадешь.

— Здорово. А если чешется нога...

Олег ответить не успел, Мрак рывкнул:

— Помылся бы, и все дела!

Таргитай виновато съежился:

— Да сколько можно? Три недели тому под дождем мылся.

Мрак оскалил зубы, на глазах превратился в волка, даже не пришлось грядаться оземь, дико посмотрел на горло Таргитая, облизнулся сладострастно, потом с великим усилием отвел взор, отряхнулся, словно выбивал остатки человеческого духа. Пасть была широка, там словно полыхал огонь, а обрамляли багровый страх белые ножи зубов.

Изгои с холодком по коже наблюдали, как могучий зверь одним прыжком перемахнул костер, не все лесные звери страшатся огня, на той стороне поляны словно бы что-то шелестнуло, но все, что услышали, это медленно падающий листок с вершины дерева, что цеплялся за ветки, стараясь задержаться, медленно сползал по шершавой коре дерева, стучался черенком, шелестел по-осеннему влажно и оранжево.

ГЛАВА 8

Куча хвороста велика, не куча — гора, до утра хватит, и Таргитай, поколебавшись, вытащил дудочку. Олег поморщился, но лишь стиснул челюсти. Когда дударь занят своей палкой с дырками, тогда не ноет, что мрет с холоду, что слабый, что есть надо каждый день, не пробует подольститься, заводя разговоры о Высоком.

Олег сходил к коням, те мирно объедали кусты поблизости, проверил пугы, вернулся, но перед глазами маячил только Таргитай, при одном взгляде на которого чувствовал, как в груди вздымается черная злость, даже ненависть к этому лодырю, этому тупому, как валенок, человечешке, что как-то сумел... нет, которому выпала странная и дикая удача... и который не знает, как распорядиться, не умеет и никогда не сумеет!

Таргитай хлопотал у костра, без нужды совал прутик, раздвигая горящие угли, выкладывая их ровным полем, чтобы давали сухой устойчивый жар. Обычно он засыпал над костром, но сейчас суетился, искательно заглядывал сердитому Олегу в глаза, заискивал, чувствуя недовольство друга, который старше всего на три весны, но гоняет его почище родителей.

Олег поморщился, чувствовал боязнь и неуверенность дудочника, в груди слегка кольнуло чувство вины, Тарх не понимает, за что его так, но превозмочь себя не мог, буркнул:

— Будем спать.

Таргитай сглотнул голодную слюну:

— Ты спи, спи! Я подожду Мрака.

— Под твою дудку заснешь!

— Тогда думай о Высоком, — предложил добрый Таргитай.

— Шутишь? — изумился Олег. — Под этот голодный сип пополам с собачьим воем я начинаю грезить, с каким бы удовольствием задавил тебя...

Таргитай поежился:

— Олег... ты ж добрый! Ты даже жука не убьешь без надобности.

— Но ты ж не жук?

Таргитай задремал первым, хоть и на голодный желудок. Поспать он любил не меньше, чем поесть, а Олег сидел у костра, обхватив колени, всматривался в пляшущее пламя. Конечно, у костра надо сидеть спиной к огню, так видишь тьму, глаза не слепит, готов при первой же подозрительной угрозе откатиться в сторону, уползти, затаиться. Спать положено вообще в сторонке, чтобы свет не падал на спящего, но рядом с могучим Мраком уже привыкли, что его волчье чутье предупредит, а сам Мрак все сможет, сделает, защитит, а если не сумеет все сам, то скажет им, что делать и как.

Пламя сильно колыхнулось, Олег не сразу понял, что это он сам вздохнул так горестно. Мрак по-прежнему превосходит их в силе и мужестве, защищает и оберегает. Настоящий воин и охотник, он им старший брат и отец, и страшно подумать, что мир все-таки больше и сложнее, чем показалось вначале, что не все в нем можно понять и решить воину и охотнику.

В багровых языках возникла огненная рука, не то погрозила, не то указала длинным когтистым пальцем. Олег вздрогнул, всмотрелся, но там уже возникали и пропадали другие образы, странные и причудливые. Может быть, и огненный перст привиделся, колдуны и певцы всегда зрят больше, чем другие люди, чаще всего на свою голову. Мрак, конечно же, не видит. Или ему не указывают?

Он ощутил тревожную дрожь во всем теле. Пахнуло холодом, словно его душа обнаженной стояла на краю бездны. Ощущение, что он для чего-то избран, рожден для чего-то великого и страшного, нахлынуло с такой силой, что тихонько взвыл от страха и одиночества.

— Мрак, — прошептал он, — не оставляй нас. Я хочу быть с тобой всегда.

Несмотря ни на что, мелькнула тревожная мысль. Несмотря даже на то, что придется убеждать Мрака... может быть, придется!.. не спорить с решением Рода отдать Перо Власти не людям, все еще злым и диким, пусть Перо перейдет от Рода к мудрым подземным рудокопам, все понимающим берегиням или даже страшным упырям, которыми старухи пугают непослушных внуков, о жизни которых все еще ничего не знаем!

Мрак появился так, как всегда являлся, когда был в личине волка: только что рядом с Олегом было пустое место, трава и сухие чешуйки коры от хворостинки, в следующее мгновение огромный волк бросил на землю годовалого подсвинка, кровь еще капает из глубоких ран на горле, словно поймал прямо возле костра.

Волк ударился оземь, поднялся, морщась, могучим и страшноватым человеком, все тело будто вырезано из дуба, темно-багровое под бликами костра, мышцы вздуты, как сытые змеи, весь переплетен ими, и хоть уже человек, но в каждом движении волк, даже когда оделся и начал деловито резать кабанчика ножом, это все еще был волк в личине человека.

Таргитай во сне потянул носом, сморщился, повернулся, не просыпаясь. Нос его дергался и вытягивался, как у голодного пса. Мрак кив-

нул в темноту, Олег понял, не первый раз, взял горящую ветку, походил между дубами и в самом деле отыскал несколько камней. Принес самые плоские, а Мрак уже насаживал на очищенные от коры прутики ломти мяса.

На камни, вытерев их и заодно натерев пучками горькой травы, положили тонкие широкие ломти. Мясо начало жариться неспешно, прожариваясь внутри и по всей длине.

Таргитай тихонько взвыл, не просыпаясь, губы звучно плямкали, а пальцы что-то гребли к себе.

– Неужто не проснется? – удивился Мрак.

– Любит жрать, – подтвердил Олег, – но любит и спать... Что переборет?..

– Он пытается жрать, не просыпаясь!

Таргитай снова взвыл, поплямкал, пальцы безуспешно тащили к себе вкусные запахи, наконец глаза медленно распахнулись, еще затуманенные сладостными видениями.

– Поздравляю с победой, – сказал Мрак.

– С... какой?

– Над собой, – пояснил Мрак. – Волхвы говорят, что самое трудное – победить себя.

– А-а-а, – понял Таргитай, – то-то я такой устатый!.. Видать, я сильный. Ну, тот, с которым я боролся. Надо поесть как следует да лечь спать, чтобы сил набраться. Для ужина.

Сам Мрак ел вяло, нехотя. Олег вспомнил окровавленную пасть волка, по спине пробежал недобрый холодок. Мрак в волчьей личине мог сожрать в одиночку подсвинка и покрупнее. Не диво, что больше в глотку не лезет.

Он ощутил на себе пристальный взгляд. Мрак буркнул с дружелюбным предостережением:

– Олег...

– Ну что?

– Ты в самом деле так уж хочешь все знать?

– Хочу, – ответил тот упрямо.

Мрак зевнул широко и сладко, с волчьим подвыванием:

– Все... у-у-у... знать невозможно. Как-то одна вот тоже хотела узнать...

Он сделал паузу, Олег смолчал, чуял каверзу, а простодушный Таргитай тут же попался на крючок:

– Кто? Олег?

– Нет, не Олег, но тепло, тепло... Одну сороконожку спросили: как ты, мол, так быстро бегаешь? У тебя сорок ног, но с какой ноги начинаешь, а какую ставишь следом?..

Таргитай с открытым ртом ждал продолжения, а Олег спросил угрюмо:

– И какую же?

– Вот так и сороконожка задумалась, – ответил Мрак хладнокровно. – Раньше просто бегала, а теперь все старалась понять, как же бе-

гает, какую лапу ставит за двадцать первой правой — тридцать вторую левую или одиннадцатую правую? Так и подохла, не могла с места сдвинуться.

Он скovyрнул с веточки высохший труп сороконожки Олегу на грудь. Тот дернулся, словно это он сам погиб от мучительных размышлений. Добрый Таргитай сказал жалостливо:

— Бедная...

— Да уж, — буркнул Мрак. Он лег, зевнул. — Хорошо жуку, не ломает голову, как он с таким пузом и такой задницей летает...

Таргитай так и заснул с полуобглоданной костью в руке, сытый, как паук на толстой мухе. Мрак перед сном еще повытряхивал из костей сладкую мякоть мозга. Олег видел в глазах оборотня сожаление, мол, волком бы разгрыз враз, а человек совсем никчемная тварь с расшатанными зубами...

Наконец и Мрак уронил голову, заснул сразу глубоко и крепко.

Перед глазами Олега плясали огненные знаки. Сердце стучало пугливо, чувствуя беды, которых можно избежать, если не высовываться, если всегда за спиной Мрака.

В темной ночи важно гудели тяжелые, как топоры, жуки. А в самом деле, бабочки и стрекозы — понятно, но жуки? Крыльшки чересчур тоненькие, как кисея, а то, что дураки считают крыльями, на самом деле не крылья, а только прочные доспехи, что защищают настоящие крылья. Эти доспехи жук приподнимает, вытягивает тончайшие крыльшки... В самом деле, как же летит, такой толстый?

Он вздрогнул, в темноте послышался странный звук. Хрустнул сучок, затем еще ближе зашелестела трава, листья под ногами... или копытами.

Замерев, он видел, как из тьмы выдвинулось из-за деревьев белое, полупрозрачное, проплыло по краю поляны к дубу. Старалось держаться тьмы, это не удавалось — костер полыхал мощно, хотя заготовленный хворост лежал нетронутый рядом, и трепещущий красный свет охватывал всю поляну. Белая фигура проплыла почти бесшумно к могильному холмику, однако Олег со страхом и облегчением увидел, что травинки все-таки гнутся, так что через поляну движется не призрак... но гнутся чуть-чуть, так что в опасной близости не человек...

В красно-оранжевом свете он разглядел женщину, небрежно закутанную в нечто роскошное. Вся серебряная, она опустилась у могилы на колени. Олег услышал горестный вздох, бледное женское лицо искривилось в плаче, по щекам побежали две прозрачные слезинки. В пламени костра, с которым смешивался свет звезд, они показались жемчужинками.

Женщина упала на могилу, ее тонкие руки обхватили земляной холмик. Олег застыл, не зная, что сказать и что делать, а женское тело уже сотрясалось от беззвучных рыданий, потом донесся слабый стон. Олег сперва решил, что почудилось, но женщина плакала все громче, а ее полупрозрачные ладони приподняли землю с боков, прижали, и холмик стал выше.

Олег с ужасом подумал, что этой могиле на самом деле намного больше лет, чем он думал. И что женщина... не совсем простая женщина.

Впрочем, сказал он себе горько, мы сами уже непростые. И противники у нас отныне совсем не пьяные мужики в корчме. Беда в том, что слишком быстро обрели мощь, границ которой не знаем. И кое-кто и не желает знать...

Он бросил косой взгляд на спящего Таргитая. Лицо молодого бога стало совсем детским, он плямкал губами, сопел и шмыгал носом, колени подтягивал к груди, хотя стена огня была в двух шагах. Шелудивому свиненку, как говорит Мрак, и на боромирку зябко.

Рыдания стали громче. Он пытался отводить взор, трудно видеть, как плачет женщина, но в лесу стояла мертвая тишина, а плач перешел в крик, жалобы. Олег в отчаянии вслушивался, но слова незнакомы, скорее всего, на таком языке уже никто не говорит, понятно только ее отчаяние, ее боль и страдания...

Таргитай засопел громче и подрыгал ногой. Похоже, он слышал тоже, даже видел сны, но проснуться не мог, особенно после такого сытного ужина.

Так проходит слава мира, мелькнула горькая мысль. Он пробовал отводить взор, но тот постоянно отыскивал женщину на могиле погибшего героя. Кто знает, какие великие дела свершил? Какие царства создал или разорил? Сколько наградил, сколько сокрушил, сколько народу увел в полон?

Чуткие уши Мрака чуть дрогнули. Олег ждал, что оборотень проснетесь, волчье чутье настроже, но Мрак спал крепче Таргитая.

Мрак открыл глаза, Олег не успел увидеть движение, как оборотень уже на ногах, быстрый как зверь, бодрый и сильный. Костер горит всюю, все тот же жаркий столб огня, сбоку чернеет нетронутая гора хвоста. Таргитай еще сопел и что-то жевал во сне. Олег оглянулся на могильный холмик, плечи его поднялись и опустились, из груди вырвался долгий вздох.

— Молодец, — одобрил Мрак. — Научился просыпаться раньше других! Из тебя еще может получиться охотник. Конечно, не лучший, но все же не колдун или какой-то там волхв!

— Хорошо бы, — согласился Олег неожиданно. — Ой, как бы хорошо!

— Что-то у тебя морда больно помята, — заметил Мрак. — От умных мыслей? Вот видишь, как до всего докапываться!.. Эй, бог!.. Вставай, спун несчастный!.. Вставай, уже суп готов!

Таргитай вздрогнул, сел с закрытыми глазами. Его руки пошарили по земле в поисках ложки. Мрак злорадно скалил зубы. Но когда Таргитай открыл глаза и, не обнаружив супа, скривил губы в горькой обиде, оборотень сжалился:

— Вставай... Вон в траве малость мяса. Но жрякать будешь на ходу.

Олег поинтересовался:

— А ты уже знаешь, куда идти?

— Нет, — сказал Мрак, — но я знаю охотничье правило: чем дальше в лес, тем толще... звери.

— А зачем нам звери?

Мрак не ответил, трудно объяснить, что повязка все-таки сползла, молча встал, зная, что изгои встают тоже, затягивают пояса, готовые к долгому бегу, когда на ходу придется прыгать через валежины, выворотни, проскакивать под нависшими сушинами, пробежать по упавшим через ручьи и овраги стволам.

— Надо идти, — ответил он, — надо идти. Под лежащий камень вода не течет.

— А кого ищем?

— Да кто первым набежит, — объяснил он хладнокровно. — Лешие ли, упыри... Нам все равно надо с ними столкнуться. На узком ли мостике, лесной ли тропке... Олегу — чтобы узнать, насколько они умнее, Тарху — пропеть упырям о ярком солнышке, а лешим — о жарком костре, а мне... гм... ну, об этом лучше потом, когда встретим. Много их, но меж собой, гляди, не бьются, хоть и не ладят. А людей всяк готов со свету согнать. Одно слово — нечистая сила!

Олег сказал невесело:

— С нечистой силой, Мрак, все не так просто. Во-первых, если наши деды дрались только с одной нечистью: упырями, лешими, водяными, мавками, вихриками, навьями... то теперь добавилась еще и нечисть, так сказать, перерожденная. Ну, кто раньше был человеком, а потом стал... ну, еще и нечеловеком. Ведьмы, ведьмаки, двоедушники, оборотни...

Мрак предостерегающе рыкнул:

— Что-то ты больно мудрый стал. Убивать пора.

— Мрак, — сказал Олег торопливо, — это ж не я сказал, а так теперь случается, что и сами люди становятся оборотнями! Правда... словом, так принято считать, хотя само деление на чистых и нечистых придумано людьми, а раньше кто знал, чист он, по людскому мнению, или нет?.. Сегодня нечистые одни, завтра — другие. Но сегодня в нечистые попадают еще и проклятые родителями, вступившие в союз с самой нечистой силой и продавшие ей души... Ладно, перечислять долго. Скажу только, что эти, которые люди, куда опаснее тех, которые не люди.

Наступила нехорошая тишина. Таргитай сказал несчастно:

— Но нам с ними же не драться?.. Надо только с теми договориться, которые не люди?

Мрак грозно указал на полыхающий костер:

— Ты зубы не заговаривай! Костер загаси. Негоже оставлять в лесу.

— Мрак! А как загасить?

— Не так, как ты делаешь, бесстыжий! Затопчи... нет, такой не затопчешь. Землей забросай, камнями.

Олег с беспокойством смотрел, как несчастный Таргитай вырывает целые пласты земли, швыряет в пылающий столб, там исчезает все, а огонь не уменьшается. А когда Таргитай приволок каменные плиты, еще сырые снизу, и тоже швырнул в оранжевый столб, Олег задержал дыхание. Пламя даже не качнулось, бьет огненным столбом на высоту в два человеческих роста, с его вершинки в небо уносятся щелкающие оранжевые искры.

— Я ж говорил, — сказал он тоскливо, — а ты: зажигай, зажигай... Зажечь легче, чем гасить. Как всегда, легче ломать, чем строить.

— А если волхвованием? — поинтересовался Мрак.

— Где-то с пятой или десятой попытки затушу, — ответил Олег, — но сколько натворю... Да и как загашу? Вдруг здесь земля провалится в преисподнюю, а там в ледяном мраке все погаснет?

Мрак подумал, коричневые глаза с беспокойством смерили высоту огненного столба:

— Не надо. Что случится в тридесятом царстве, мне до червивых грибов, пусть ихние колдуны отвечают, а вот трескать землю ты умеешь лучше всего, это признаю... Ладно, уберите хворост подальше, а это пусть горит. Если набежит какое бродячее племя, здесь жертвенник установят, огненному богу поклонны бить будут.

— Ну, уж так сразу, — возразил Олег уязвленно, ибо Мрак все почитание богов свел к человеческой дурости.

— А что? Человек всегда ищет, кому бы поклоняться. Хоть пню, но кланяется. А ведь Род особо сотворил то, чему человек должен поклоняться.

Уже оттаскивая хворост подальше от огня, Олег поинтересовался:

— Что?

— Женщину, — ответил Мрак.

— Кого? — переспросил Олег, не поверив своим ушам.

— Женщину, — подтвердил Мрак негромко.

Это было так не похоже на сурового и звероватого оборотня, что брови Олега сами полезли на лоб, там уперлись в тяжелые складки. Он помотал головой и поспешил побыстрее забыть странные слова оборотня. Все-таки яд хоть и затих, но исподтишка подтачивает могучую волю сильнейшего из невра.

Таргитай сунулся к коням, но Мрак бросил невесело:

— Дальше придется ножками. А Таргитай может копытами.

— Почему я? — удивился Таргитай. — У меня две ноги, как у людей! А вот у некоторых так и вовсе четыре лапы с когтями. А у кого-то совсем лапы две, а все остальное — крылья с такими когтями, что жуть берет...

— Да ладно, Тарх, — сказал Олег, — я тоже привык к своему буланому.

— В этом мире ни к чему нельзя привыкать, — ответил Мрак, его коричневые глаза отыскивали Олега. — Вон у волхва спроси... Там заросли, Тарх. Нам пройти будет нелегко, а уж коням... И волшебба не поможет.

Он погладил коня по умной морде, вздохнул, снял с тонких ног путы, легонько хлестнул по крупу:

— Возвращайтесь к людям... Повезет тому, кто вас встретит первым. Добрый Таргитай сказал жалостливо:

— Их по дороге волки перехватят.

— Волки тоже люди, — сказал Мрак сурово. — Им жрать охота, не только тебе.

Таргитай прикусил язык, Мрак иногда и в человеческой личине больше волк, чем человек, легонько стегнул своего:

— Давай бегом!.. Мы далеко забрались, но я и то бы выбрался. А ты конь, у тебя и ноги четыре, и голова больше.

За их спинами оранжевый столб зло и торжествующе рвался к небу. В нем была злая мощь, ярость, и даже Таргитай, оглядываясь на непостоянный костер, не мог себе представить, как отнесутся к нему простые люди, странники, бродяги, разбойники.

Кони отошли к едва заметной тропке, остановились, оглядывались на людей с недоумением и, как показалось Таргитаю, с обидой.

— Ладно, — бросил Мрак с досадой, — все не считаешь!..

Он быстро и уверенно двинулся мимо дуба-отца, перескочил через могилку древнего героя, далекая стена леса для него уже не стена, различал даже жуков на стволах, натеки смолы и темные пятна чаги. Лицо окаменело, ноздри свирепо подпрыгивали, словно уже чуяли там впереди схватку.

Солнце обрушилось на голову и плечи, когда до края опушки осталось не больше сотни шагов. Их тени побежали впереди, только сейчас удалось выскользнуть из-под широких ветвей дуба-великана. Над головами замелькали, блестя радужными крылышками, сухими и ломкими, как пересушенные стебельки травы, большеглазые стрекозы, а в высоте слышался ликующий писк жаворонка.

ГЛАВА 9

Иногда деревья и раскоряченные выворотни разлучали их, бежали каждый сам по себе, но людям леса проще заблудиться в городе, и снова бежали плечо к плечу, пока вновь не разбегались по сторонам, огибая что-нибудь растопыренное, грозящее небу высохшими корнями, уже серыми, острыми, как наконечники копий.

Когда снова оказывались друг у друга на глазах, у Олега котомка за плечами становилась все толще и толще, явно на ходу срывал лечебные травы, а Таргитай однажды появился из-за деревьев с оголенной от коры палкой, лизал жадно, как коза лижет соль, жмурился от наслаждения так, что пару раз треснулся о стволы, сверху посыпались листья, сучья и птицы из гнезд, даже сами гнезда.

Солнце светило через листву все жарче. По лесной тропке бегали узорчатые тени, сшибались, наползали друг на друга, составляли такие причудливые узоры, что зачарованный Таргитай засмотрелся, а когда опомнился, догонял друзей так рьяно, что хриплым хеканьем распугал в кронах птиц, а в дуплах перепугал белок и куниц.

Олег чему-то морщился, Таргитай слышал в голове волхва хруст и скрип, шелест, уже решил было, что знает, как мозги придумывают умные мысли, потом заметил, что волхв в великой задумчивости чешется, как простой пес или певец... Богом Таргитай себя никогда не называл, а не считал тем более, решил смолчать о своем неполном открытии, а Олег, начесавшись, хлопнул себя по лбу, весь просиявший:

— Боромир рек о Черной горе, в которой живет владыка всех горных великанов!.. Жаль, я тогда составлял отвар из трав, слушал вполу-

ха... Но если прийти к королю великанов, он нас выслушает, ибо король — это не дикие великаны, что вырывают деревья с корнями, ревут и трясут скалы!

Мрак скептически хмыкнул:

— В Черной горе?

— В Черной.

— А как туда попадешь? Постучишь?

Олег недолго морщил лоб, ответил сразу:

— Разрыв-трава отворяет любые запоры. Хоть простые замки, хоть ключи из-под земли, хоть мосты, хоть сомкнутые горы...

Мрак развел руками, голос оборотня был полон яда:

— Остался пустяк. Добыть эту разрыв-траву. Но я голову ставлю на заклад, что ты ее в этом лесу вряд ли найдешь!

Олег не ответил, замедлил шаг, ибо впереди из-за деревьев на тропку вышли пятеро крепких мужиков. Все в лохмотьях, рожи звероватые, в шрамах, у одного вырваны ноздри напрочь, отчего лицо вовсе не лицо, а добротное кабанье рыло.

У всех в руках дубины, увесистые, из цельных комлей молодых деревьев, с обугленными шишаками, оставшимися от срубленных корней. А у того, который вышел вперед, в руке был топор на длинной рукояти, а грудь защищал настоящий наплечный панцирь, старый, но из железных пластин.

Олег сказал досадливо:

— Опять?.. Это уже было.

— Было, — подтвердил Таргитай с готовностью. Подумал и добавил убежденно: — И даже бывало.

Мрак поднял руки:

— Мужики!.. Бросьте это дело. Вы ж видите, с нас взять нечего.

Вожак оглядел его с головы до ног. Глаза потемнели, проговорил медленно:

— Ну, это еще неизвестно. Такие бродяги даже в лаптях, бывает, носят камушки... А золотые монеты зашивают в тряпки.

— У нас не тряпки, — обиделся Таргитай.

Вожак ухмыльнулся:

— Мы должны проверить.

— Как?

— Да просто бросим в костер, — сообщил вождь. — Если есть золотая монета, она ж не сгорит!

Олег спросил из-за спин Мрака и Таргитая:

— А как же пойдем голые?

Вожак ухмыльнулся:

— Тут ты прав. На позор вас пускать нельзя. Придется тут и порешить.

Таргитай растерянно открыл рот:

— Что — порешить?

Олег вышел из-за его спины, встал рядом. Плечи его напряглись, а голос стал тверже:

— Не что, а кого. Тебя, дурака, решили зарезать раньше, чем это делает Мрак или сделаю я.

Он взял посох двумя руками, выбрал взглядом жожака, потом понял, что Мрак обидится, нацелился на двоих слева, правых возьмет Таргитай... если успеет раньше Мрака. Да и он зря наметился на двоих, одного бы успеть до Мрака...

Мрак смотрел почему-то печально, плечи опустил, из груди вырвался тяжелый вздох. Пятеро, видя, что трое бежать не собираются, начали подходить, осторожно обходя с боков. Кралась даже не по-волчьи, у волка просто воинская хитрость и осторожность, а трусливо, по-лисы, даже не по-лисы, и у лисы есть свое звериное достоинство, а у этих не было и капли даже звериной гордости, эти были хуже зверей, подлее зверей, ибо ни один зверь не убивает на забаву...

Мрак сказал с горечью:

— А может, ты и прав, Олег.

— В чем?

— На кой нам рвать жилы... Упыри так упыри.

На них бросились с трех сторон. Олег молниеносно встретил ударом длинного посоха, услышал слабый хруст, будто ударил по птичьему гнезду с яйцами, тут же развернулся в одно молниеносное движение и другим концом достал в лоб второго... Одновременно там блеснуло металлом, ему на руки брызнуло мокрым и теплым, и он с омерзением понял, что секира Мрака развалила голову разбойника, как гнилую тыкву.

Они замерли, не успев еще сделать второй вдох, быстро оглядели дорогу спереди, сзади. За кустами тихо, а на земле пять трупов. Горячая кровь бурно хлещет из трех зверски рассеченных тел, и только двое лежат почти без знаков наглой смерти. У одного лоб проломлен так, словно ударили камнем размером с куриное яйцо, а у второго вдавился вовнутрь, а глаза, напротив, выпали, будто ударили валуном, и Олег понял, что Таргитай попросту стукнул кулаком.

Мрак вздохнул, брезгливо вытер секиру. Олег, чувствуя непонятное омерзение и тошноту, торопливо нарвал листьев и так долго вытирал кровь с рук и одежды, что Мрак раздраженно поинтересовался:

— Может быть, еще и вылижешься?

Олег содрогнулся:

— Ни за что!

— Что так?

— Какие-то слишком мерзкие, — признался Олег. — Больные, что ли... Как бы зараза какая не пристала.

Мрак сказал понимающе:

— То ли дело — упыри. Чистенькие, хоть и в болоте живут.

— И умные, — добавил Таргитай.

— Ну, тебе виднее, — согласился Мрак.

Олег посмотрел на него очень внимательно:

— Что ты говорил насчет упырей?.. Тогда, когда эти пятеро еще топтались ушами кверху?

Мрак отмахнулся:

– Плюнь. Плюнь и забудь. Это было так... слабость.

Олег вздохнул:

– Жаль...

– Чего жаль?

– Я уж подумал, что ты начинаешь понимать.

– Ничего не начинаю, – огрызнулся Мрак. – Вы так лихо разбили этих... мозги вон на деревьях висят!.. что подумал... Не все, мол, потеряно. Таких бойцов поставить под каких-то жаб? Пусть и самых мудрых на свете?

А Таргитай, жадный ко всему необычному, напомнил просительно:

– Олег, а Мрак говорит, что ты, как дурак, не знаешь, какая разрыв-трава даже с виду...

Олег метнул на дурака злой взгляд, прожег в нем дыры, побил головой обо все деревья, втоптал в землю и лишь тогда неохотно ответил:

– Ты что, уже забыл, как ползали по буеракам в том лесу, где добыли Цвет папоротника? Сейчас времени нет, но я волхв, я знаю и другой способ ее добыть.

– Ну-у?

– Чтобы получить разрыв-траву, надо выйти в полночь на пустырь и косить траву до тех пор, пока коса не звякнет и не переломится...

Мрак прервал раздраженно:

– Тоже мне способ!.. У нас нет ни косы, ни пустыря, ни даже времени до полуночи!

Оглядевшись, он сорвал с убитого железный нагрудник и, подпрыгнув, ухватился за нижнюю ветку. Изумленный Олег наблюдал, как Мрак быстро вскарабкался на дерево, там темнело дупло, закрыл его железным кругом и быстро слез.

– Разводи костер, – сказал он, отряхнул ладони, огляделся, – пока перекусим, а там поглядим...

Над головами раздалось хлопанье крыльев. Дятел летел с полным клювом, видно, лапы растопырил, словно грозился всех ухватить и разорвать. Перед гнездом суматошно захлопал крыльями, растерянно рухнул на ветку. Невры видели, как он обеспокоенно забегал по стволу, пытаясь просунуть голову в щель, но железная пластина была забита туго, и дятел жалобно застонал, заклекотал, Таргिताю даже почудилось, что на него рухнула горячая слеза, тяжелая, как сиротская.

– И что теперь? – спросил Олег.

– Поглядим.

– Но это же дятел...

Снова захлопали крылья, мелькнула красная голова, дятел улетел, а от костра уже пошел ароматный запах. Таргитай умело обложил мясом диким луком, капельки жира срывались на угли, шипели, а запах выстреливался острыми струйками.

Они ели молча, прислушивались. Когда оставалось догрызть кости, над головами снова захлопали крылья. Красноголовая птица опустилась прямо перед забитым входом в дупло. Видно было, как молча ткнула

кловом в железо. Там звонко звякнуло, железо расколосось, половинки тяжело полетели вниз, а дятел юркнул в дупло.

Таргитай отпрыгнул, чтобы железяка не лупанула по голове, а Мрак, напротив, выставил руки. Железки звякнули мимо, но когда он сжал ладонь, на лице оборотня была довольная улыбка.

— Что там? — спросил Таргитай. — Жука пымал?

Мрак молча разжал кулак. На ладони распрямлялся свежий стебелек темно-зеленой травы, лепесток с четырьмя уголками. Олег изумленно покрутил головой. Мрак, дитя леса, придумал лучше, чем сто тысяч волхвов.

— Да что непонятного? — поморщился Мрак. — У природы учиться надо.

А Таргитай вытаращил глаза:

— Вот это да!.. Дятел умнее нашего Олега!.. Нет, надо же... Олег, ты чего терпишь? Он умнее, наверное, потому, что головой о дерево каждый день бьется?

Трупы остались зверью на потеху далеко сзади, закапывать недосуг, да и кто знает похоронные обычаи в этой земле? Только Олег все еще оглядывался, ломал голову, как поступил бы мудрец, если среди этой пятерки одного надо закопать, другого сжечь, третьего подвесить к дереву, четвертого оставить на растерзание зверям, а пятого положено съесть родне, чтобы погибший покоился не в сырой земле, а в желудках любящих родичей... но мудрец не знает, кто какие ритуалы считает своими!

А Мрак, оторвавшись вперед, мелькал среди деревьев, потом изгой услышали его удивленный свист. Оборотень подходил к могучему дубу, что привольно раскинул ветви впереди. Из ствола торчал, погрузившись до половины, великолепный меч. Рукоять была сделана просто, но чувствовалась рука умелого оружейника, так и просилась в ладонь, обещая лежать в ней удобно и цепко, не выскользывать, даже во вспотевшей ладони или окрасившись кровью.

Лезвие хмуρο и грозно поблескивало. Неуловимо быстро пробежали странные знаки, прятались в толстом наплыве, что окружал лезвие.

Мрак замедлил шаг, смотрел с интересом:

— Это ж сколько лет он торчит?

— Трудно сказать, — ответил Олег настороженно. Пояснил: — Для этого надо узнать его длину. И насколько глубоко всадили. Но можно сказать точно, когда скроется полностью. Если каждый год кора нарастает на толщину волоса...

— Твоего?

— Нет, на конский. А то и кабаный.

Мрак усомнился:

— Это ж дуб, а не какая-нибудь береза или клен! Дуб растет медленнее. Так что не успеет поглотить весь. Рассыплется, когда кончик рукояти будет еще на свету.

Они прошли, Таргитай оглядывался на чудесный меч, но желания взять и выдернуть не возникло. А впереди был широкий ручей, Мрак

перебирался на другую сторону, прыгая по камням. В сторонке, где явно был омут, из воды внезапно высунулась женская рука, с натугой вздымала длинный меч в роскошных ножнах. Меч тянул в воду, навстречу поднялась вторая рука и так держала меч враспорырку обеими руками.

Сквозь прозрачную воду можно было рассмотреть размытую фигуру водягини, но не голой, как они все, а в белых одеяниях, которые водоворот закручивал вокруг ее тела, выгодно и умело показывая все выпуклости, тонкий стан.

— Че это она? — спросил Таргитай.

— Предлагает, — объяснил Мрак.

— Задурно?

— Задурно сам знаешь, что бывает. Обет какой-нибудь надо дать. Помогать сирым и обиженным, бить злых, не сморкаться в скатерть...

Таргитай обиделся:

— Я и так не сморкаюсь!.. Я всегда на пол, как усе люди.

Он миновал руки с мечом, с сожалением оглядывался. Олег бросил с неудовольствием:

— Но это делаем потому, что сами так хотим, а не потому, что принуждают делать добро или приняли навеки обет! Не взяв этот меч, сохраняем свободу выбора. Понял?

Таргитай оглянулся на торчащие женские руки, что уже начали опускаться с мечом под воду:

— Понял... но есть все равно хочу. Если бы она нам рыбину поймала такую же длинную!

На берегу Мрак ускорил шаг, изгой догнали оборотня, когда проходил мимо огромного валуна со стесанной вершинкой, прямо из которого торчал крупный меч с крестообразной рукоятью.

Таргитай крикнул Мраку в спину удивленно:

— Опять меч! Уже в камне.

— Да черт с ними, — огрызнулся Мрак, не оборачиваясь. — Этих мечей как листьев в лесу. Все их тебе наперебой тычут! А вот хлеба не всегда досталь...

Он умолк, впереди на полянке среди травы лежало крупное яйцо. День был не особо солнечный, но яйцо словно бы светилось изнутри. Мрак хмыкнул, оглядел критически. Все яйца можно есть, но это больно красивое. Как будто снесла не простая лебедиха, а чудесная...

Олег опустился на колени, потрогал кончиками пальцев, прислушался к ощущениям. Рыжие брови поползли вверх, а рот слегка приоткрылся.

— Сколько же оно здесь лежит?.. Или она снова сюда прилетала?

Таргитай, пользуясь остановкой, достал дудочку, а Мрак спросил нетерпеливо:

— Что-то волхвове?

— Да, — ответил Олег с таким почтением, что Мрак заколебался, разбивать или не разбивать, вон Таргитай уже облизывается. — Яйцо, которое не топчут звери, не бьет град... Наша богиня Лада часто летает по свету в личине белого лебедя. Это ее яйца. Когда улетала на юг, там

снесла яйцо, из которого появилась девочка необычайной красоты... из-за нее, волхвы говорят, будет величайшая из войн, погибнет великий народ, а с ним погибнут и все до единого герои в тех странах, что воевали, после чего их уже там никогда не будет... А еще раньше она снесла там же два яйца, из которых народились двое мальчиков-близнецов, равных которым нет в той стране... Ну а здесь она яйца роняет чаще, чаще...

Мрак хмыкнул, хотел что-то спросить еще, но шорох в кустах отвлек, он ухватился за нож, исчез, далеко за ветками раздался жалобный заячий крик. Мрак вскоре вернулся, торжествуя держа за уши толстого молодого зайца:

— Смотри, какой толстый!.. Как Таргитай!.. Даже убежать не смог, зад тяжеловат...

Таргитай обиженно посопел, буркнул:

— У меня зад не больше твоего.

Мрак великодушно разрешил:

— Ладно, яйцо не трожь. Говоришь, из-за нее погибнет великая страна где-то там, далеко на юге?

— Так говорят старые пророчества, — подтвердил Олег грустно. — И свою погубит тоже. И пару соседних.

— Это хорошо, — сказал Мрак довольно. — Пусть летает.

А Таргитай облизнулся, сглотнул голодную слюну и сказал с усилием:

— Пусть летает. И пусть выводится всякое... красивое!.. Даже если Змеев не стало бы, Мрак же удувится...

Мрак хмыкнул, швырнул ему добычу:

— На, понесешь. Ты с таким грузом бегаешь быстрее, знаю. А кабана тебе дай на плечи, так вовсе поскачешь как зайчик.

— Своя ноша не тянет, — сообщил Олег очередную мудрость.

ГЛАВА 10

Над головами темнело, но бежали, не обращая внимания, перепрыгивали через валежины, в лесу всегда сумрачно, но воздух свежел быстро, верхушки тревожно зашумели, ветер пронесся внезапный, буйный.

Сзади залопотало, словно на лес высыпали гигантский мешок гороха. Их догоняла серая стена, от нее шел треск и шум, что сразу почти заглушил их голоса.

Они мигом очутились под раскидистым деревом. Мрак проворчал с досадой:

— Куда боги смотрят!.. Кому такой дождь нужен в лесу? А в полях не допроятся...

По веткам ударило с такой мощью, что те прогнулись, обвисли. Они прижались спинами к стволу, а вокруг, всего в трех шагах, опустился странный водяной горшок, перевернутый кверху дном: прозрачные потоки воды слились в стену, что окружила их со всех сторон.

Земля разом вскипела, взлетала брызгами и комьями грязи, и казалось, вода вгрызается все глубже и глубже, отгораживая опасных людей от мира.

Таргитай подскочил и дико посмотрел наверх. Оттуда потекла тоненькая струйка, что сумела пробиться через заслон листьев, а те умело направляли всю воду туда, где под землей расположены их корни, самые кончики, ибо только кончиками можно тянуть воду и соки из земли...

Олег буркнул что-то и тоже отодвинулся. Мимо плеча бежала на землю другая струйка. Еще две пробились чуть в сторонке, а над головами ослепляюще блеснуло, чуть погода прогремел уверенный гром.

— Еще даже не подошел, — определил Мрак с досадой. — А что будет, когда разгуляется над головами?

Потом блистало все чаще и ослепительнее, глаза щемило от непрерывного блеска, а гром уже следовал за блеском сразу, без паузы, земля вздрагивала, запахло паленым, а шум воды уступал только грохоту.

Потоки воды наконец прорвались и над Мраком. Отплювываясь, он прокричал, с трудом перекрывая грохот падающей воды:

— Нет, пусть лучше уж на лес!.. Если такой ливень на поля, то все посева смое!

А Олег напряженно раздумывал, потом вдруг хлопнул себя ладонью по лбу:

— Тарх!.. Тарх, иди сюда!

Таргитай быстро перебежал к нему, золотые волосы намокли и прилипли, он казался еще несчастнее, чем всегда, будто чувствовал, что неприятности еще впереди. Весь был мокрый не то что до костей, а до мозга костей.

— Чо?

— Что за палку ты лизал?

— Я соку добыл, — ответил Таргитай простодушно.

— Как?

— Да как всегда, — пролепетал Таргитай еще несчастнее. — Из муравейника!

Мраку показалось, что Олег хотел выругаться, но усилием воли удержался от недостойного волхва порыва, только спросил яростно:

— Как? Положил на муравейник?

— Ага, — подтвердил Таргитай, — только они что-то больно смиренные... Не хотели ее кусать. А вы уже убегали, надо догонять, вот я и поторопил муравьев...

— Как?

— Да просто разворошил малость.

Олег ахнул, Мрак насторожился, услышал, как всегда сдержанный волхв все же выругался сквозь зубы.

— Олег, стряслось что?

— Ну конечно! Этот дурень расковырял муравейник, а муравьи и жабы — любимые звери Рода. Но люди — это хитрые твари, когда им нужен дождь, то идут в лес и ковыряют муравейник, приговаривая: «Сколько муравьев, столько капель». Конечно, тут же собираются тучи, идет дождь!

Мрак прорычал:

— Ну, конечно же, наш... бог расковырял так расковырял!

Таргитай, не дожидаясь, пока выгонят под ливень, выскочил сам, несколько мгновений было видно в стене падающей воды, как скользил по раскисшей земле и взмахивал дланями, будто пытался взлететь, потом исчез.

Но скоро стена падающей воды стала реже, рев начал стихать, а страшный треск над головой превратился в грохот, уже похожий на гром, раскаты медленно удалялись. Глазам, полуослепшим от молний, еще было больно от непрерывно мерцающего небесного света, но тот тоже стал не таким неистовым, слабел.

Наконец ливень перешел в дождь, сквозь листву били тугие струи, но уже струи, а не потоки, видно было всю поляну, посветлело, тучи отступали, наконец показался бегущий Таргитай.

Еще издали закричал с детской обидой:

— Они ж все под елкой, на них не упало ни капли!.. И когда я прибежал, они уже сами почти все стаскали обратно!.. А когда я малость подправил им верхушку, так еще и покусали!

Он совал им распухшие руки, все в мелких бусинках крови. Олег посмотрел холодно и отвернулся. Будь его воля, еще и солью натер бы такие раны. А Мрак вышел на открытое место, мутная вода бежала серыми ручьями, несла мусор, перепрелые листья, ключья мха, растрепанные птичьи гнезда. В самом мелком месте было по щиколотку, а кое-где бурлило такими водоворотами, словно над затопленными берлогами индриков.

Таргитай вышел следом, ахнул. Олег быстро спросил встревоженно:

— Что опять натворил?

— Счастье, — ответил Таргитай невпопад, голос его был потрясенным, глаза лезли на лоб. — Я понимаю, как видит Мрак...

Вымытый дождем мир разом стал немислимо четким, ярким, с выпуклыми гранями и глубокими щелями. Таргитай поперхнулся свежим, как горный родник, воздухом, раскинул руки, будто пытался обнять весь белый свет.

На деревьях с нечеловеческой четкостью он видел каждый листок, каждую жилку в листочке, мог наблюдать движение соков в каждой жилочке, видел самую мелкую тлю так ясно, что мог сказать, на какую лапку хроменькая и что у нее в полупрозрачном пузике.

Да что там деревья: далеко-далеко в просвете виднелись горы, так вот, воздух стал настолько прозрачным, что Таргитай рассмотрел даже мелкие камешки на дальней горе. Голая земля из серой и невидной превратилась в самоцветную плиту, что пролегла от одного края дальнего ущелья до другого. Красноватые прожилки, как живые, влетались в оранжевые, расплзались по серому камню, что тоже не был серым, если присмотреться. Там был целый мир, красочный и яркий, далекая отвесная стена из грязно-серой тоже превратилась в цветную, а на самых дальних стенах Таргитай с потрясающей четкостью различал все щелочки, видел прыгающих горных козлов, отсюда не крупнее макового зернышка.

— Боги, — выдохнул он пораженно, — и такой мир должен исчезнуть? Да они все с ума сошли!

— Какой мир? — встревоженно спрашивал Олег. — Какой мир?

Мрак бросил острый взгляд на потрясенного певца. Кулаки оборотня сжались, словно вытряхивал душу из восторженного дурня, но сдержался, лишь шумно выдохнул:

— Что ты видишь, слепец... Видел бы ты еще и запахи!

— Пошли, — сказал на это Олег.

— Побежали, — согласился Мрак.

Таргитай, вздохнув горестно, спрятал дудочку. На ходу играть и петь наловчился давно, как лежа и сидя, но на бегу...

Когда проскакивали широкие поляны, они слышали, как в сияющей синеве едва слышно верещит счастливо и беззаботно жаворонок, единственная птица, которой Род позволял взлетать к себе на вершину Прудуба. Когда-то, когда он на пару сотен лет впал в тоску... надо подумать, сказал себе Олег трезво, что за повод для тоски мог быть у самого бога богов?.. так вот, в годы тоски жаворонок ежедневно утешал Рода, распевал ему в уши свои нехитрые песенки... прямо Таргитай, сказал себе уязвленно... выбирал из волос соринки, когда тот в отчаянии бился головой о ствол, и за такое участие высший из богов позволил ему подниматься прямо к себе.

Правда, иногда, возгордившись, жаворонок хватает соломинку и летит наверх, похваляясь всему свету: «Полечу кием бить, кием бить!», «Пойду с Родом биться!», а потом слышен его отчаянный вопль: «Мене Род кием-кием-кием-кием бил-бил-бил!..»

Он прислушался и в самом деле услышал жалобный писк: «Нема чем... Нема чем!.. Кий упал, кий упал...» Сердито отмахнулся, ибо если ему начнут слышаться слова даже в дурацком щебете дурной птицы, то из старающегося понять все волхва превратится в Таргитая.

По рассказам волхвов, Род самолично сотворил жаворонок, подбросив комок серой земли в небо. Потому жаворонок серый, как земля, потому на зиму прячется в мышиную нору и там спит. В середине зимы переворачивается на другой бок и спит до весны.

Правда, часть этих серых пискунов все же остается на небе, чтобы первыми сообщить о начале весны...

Таргитай принюхался, вскрикнул:

— Чую жильё!

Олег оглянулся с раздражением, глупое лицо дударя разругалось, глаза блестели счастьем, словно у кота перед открытым кувшином сметаны. Даже бег ускорил, обгоняет.

Ноздри Мрака дернулись раз-другой, сказал с удивлением:

— Впервые этот жрун раньше меня учуял... Правда, пахнет стряпней.

— Тогда понятно, — согласился Олег. — Я бы варево из волшебных трав тоже учуял раньше всех.

Стена деревьев раздвигалась. Стало светлее, показались узкие трепещущие лучи солнца, что проникали сквозь кроны. Чуть дальше все было

залито ярким солнечным светом, потянулась широкая поляна, почти поле, утопанная так, что не росла даже трава. Деревья отступили далеко, стояли широким кругом в несколько верст, а посредине этого поля виднелось с десятков хижин на высоких столбах. Несколько странно высоких тощих мужчин вяло бродили вокруг хижин, медленно били в землю толстыми дубинами.

— Змеи, — предположил Олег тревожно.

— Муравьи разве что, — буркнул Мрак, с его острым зрением он мог бы рассмотреть и жуков. — Что-то ритуальное. Кто знает, какие тут боги?

Лесная деревушка медленно приближалась. Под ногами глухо стучала твердая как камень земля. Зоркие глаза Мрака усмотрели вмятины от ударов.

Олег начал выдвигаться вперед. Мрак придержал Таргитая, тот жалел волхва и пытался бесстрашно переть впереди всех.

Люди заметили троих, но никто не убежал, никто не пошел навстречу. Опустили дубины и молча ждали. Все выглядели больными, изможденными, а кожа была серо-зеленой, нездоровой и словно бы покрытой коростой. Олег ощутил холодный ветерок, хотя воздух стоял неподвижный, как вода в болоте.

Он вскинул руки, показывая пустые ладони, шаг замедлил, но не остановился, пока не оказался в трех шагах от передних.

— Мы с миром, — сказал он внятно, — идем мимо. В ваших лесах зверя бить не будем, ваших женщин трогать не станем.

После долгой паузы вперед замедленно шагнул высокий и очень худой старик. Глаза без всякого выражения смотрели на Олега и как-то разом на Мрака и Таргитая. Голос был похож на скрип старого дерева.

— Вы можете заночевать у нас, ибо в лес вошла ночь.

— Ночью люди должны спать, — согласился Мрак настороженно.

Чутье говорило, что старика бояться не стоит, не враждебен, однако шерсть поднялась на загривке, изнутри подкатывался странный холодок, будто прикоснулся к покрывалу, скрывающему тайного бога, и вот-вот дернет за край так, что узрит страшное.

— Мы... заночуем... может быть.

Олег, явно намереваясь вести разговор сам, сердито отпихнул локтем оборотня:

— Вообще-то мы ищем Хозяина леса. Вы ведь знаете здешний лес?

— Вы идете правильно, — ответил человек, которого Олег уже начал называть войтом, он выглядел старше других, живее.

Мрак хмыкнул, глупые вопросы задает волхв. И так видно, что это племя наполовину из деревьев. Рожи деревянные, сами, как мухи в начале заморозков, серые, а кожа на мордах так и вовсе зеленоватая.

— Тогда заночуем, — решил он. — А утречком и отправимся.

Он быстро оглядел остальных, никто не возражает ли, по спине снова пробежал недобрый холодок. Лица у всех не просто деревянные, у них и глаза... не глаза, а наплывы на дереве, такие же серо-зеленые, только и того, что поворачиваются с натугой, слышно даже, как скрипят.

— Добро, — ответил войт ровным бесцветным голосом. — Но вам не отыскать дорогу.

— Да мы тоже вроде бы в лесу не чужие.

— Здесь даже мы не знаем дорог, — ответил войт тихо.

— Запреты? — спросил Олег.

Войт медленно покачал головой:

— Кикиморы.

— Ого! А чего с ними не ладите? Нам они никогда под ногами не путались.

— Им так сказано, — изрек войт негромко. — Никто и никогда не находит дорогу к Хозяину. Только один человек, но он хранит тайну, а передает ее только своим сыновьям...

— Ого! Кто это?

— Наш вождь.

Мрак посмотрел по сторонам:

— Вождь? А я ж думал, ты и есть вождь. Вид у тебя прямо как у вождя над вождями.

Войт вроде бы выглядел чуть польщенным, но голос не изменился.

— Только вождь.

— Как с ним повидаться?

— Вождь сейчас на охоте, — ответил войт. Подумал и повторил значительно: — На Великой Охоте. Вернется только через два-три дня.

Олег тихонько выругался, Мрак удивленно покосился на мудрого волхва. Таргитай с раскрытым ртом глазел по сторонам.

— Черт, — сказал Мрак раздосадованно. — У нас не так уж много времени... Он нам сможет показать?

— Смог бы, — ответил войт, — но станет ли...

Его водянистые глаза остановились на Олеге, у того вновь пробежал по спине холодок, а внутри стало тяжело и холодно. Глаза войта без зрачков, серо-зеленые, болотного цвета, не глаза, а молодые наплывы древесной коры, пока еще не затвердели, не стали темными, как чага, но уже неподвижные, не мигнет даже, без век, как у ящерицы...

Войт указал на дальний домик, Мрак хмыкнул: все правильно — в сторонке, огорожен, на виду. Гостей не то что опасаются, но глаз не спустят, а кто ночью выйдет по нужде, того могут и копьём пощекотать, мол, ты ж обещал наших женщин не трогать...

Когда прошли мимо самого высокого домика, Таргитай горестно вскрикнул. От него к соседнему на высоте крыши тянулось огромное длинное бревно. Ствол слегка прогибался под тяжестью пятерых молодых парней, подвешенных за ноги. Лыковые веревки плотно обхватывали лодыжки, а руки несчастных не доставали до земли по крайней мере на сажень. У всех бледные измученные лица.

— За что их так? — спросил он жалостливо.

Олег оттолкнул его от войта подальше, а Мрак процедил сквозь зубы:

— Не твое собачье дело, хоть ты и бог! Забыл, как ведьму спасал?

— То была не ведьма, — возразил Таргитай горячо.

— А кто?

— Ее приносили в жертву местному богу.

— Замуж, значит, отдавали, — вспомнил Мрак. — Вот видишь! А ты влез со своим божеским ликом... Хотя нет, тогда ты еще не был богом. Значит, со своим свинячьим рылом... А даже собачьей свадьбы нельзя портить, не знаешь?

Таргитай оглядывался на измученные лица, вытянутые тела, беспомощно свисающие руки. Когда подошли к гостевому домику, не утерпел, спросил войта почти враждебно:

— Их повесили до смерти?

— Нет, конечно, — ответил войт бесстрастно.

— А куда?

Войт задумался, посмотрел на небо, уже темнеющее, только красный закат окрашивает верхушки домов. Проговорил медленно:

— До сухости.

— А что это?

Мрак пихнул Таргитая, но войт ответил неспешно:

— Еще день-два. Пройдет дождь, все подсохнет, тогда и отвяжем.

Таргитай ахнул:

— Они ж погибнут!.. За что такая кара?

Мрак тащил Таргитая к лестнице, все как у дрягвы, только что не на болоте. Таргитай упирался, как коза, которую тащат на базар. Войт ответил равнодушно:

— Это не кара.

— А что?

— Так наши боги велят.

Таргитай покраснел от гнева. Мрак опасался, что дурак заорет, что он сам бог, ему никакие здешние деревяшки не указ, но Таргитай все же смолчал, не стал напрасно состязаться с чужим богом или постеснялся, только спросил:

— Почему?

Войт подумал, развел руками:

— Не знаю.

— Тогда надо отпустить.

— Нет, — ответил войт серьезно. — Боги рассердятся.

Таргитай скрипнул зубами, Мрак пихнул его в спину. Лестница стонала и раскачивалась под могучим телом тоже лесного человека, но из другого лесного племени, очень другого... Мрак развел руками, улыбнулся войту. Добрый дударь редко когда сердился даже чуточку, а сейчас вон затрясло всего.

Лицо войта оставалось бесстрастным, глаза не двигались. Он показался бы слепым, если бы не ощущение, что видит даже лучше их всех, вместе взятых. Мрак поднялся вслед за Таргитаем в хижину. Внутри чисто, сухо, стол и широкие лавки, они же лежанки, охалки сухой травы. Воздух тоже сухой, словно здесь нарочито все высушивали.

— Здесь нам постелили? Вот и дождемся утра. И не твое собачье дело, как у них и что. Говорю тебе еще раз, будь хоть трижды богом. В чу-

жую богоню со своим камнем не ходят... Я говорю, в чужой храм свой жертвенник не носят!

Пристыженный Таргитай, так о нем подумали, повесил голову. Не нужны ему никакие жертвы. Разве что пусть его песни поют, но какие это жертвы, если поют не из-под палки? И никаких девок по весне ему топить не надо, пусть Мрак не дразнится. И летом тоже не надо. И даже на осень, когда собрали урожай, пусть не топят...

Мрак походил, пощупал стены, даже потряс, остался доволен хрупкостью. Если надо будет бежать, то прорвутся в любую сторону. Олег прилип к единственному окошку, рассматривал странную деревню, а Таргитай впервые не лег, послонялся и снова полез вниз по лестнице.

Олег и Мрак видели, как певец растерянно огляделся, потом побрел к ближайшим деревьям. Везде на диво чисто, словно гигантская поляна выметена, пришлось брести к дальним деревьям. Выбрался обратно почти сразу, за спиной такая вязанка хвороста, словно за все годы никто сухие ветви не собирал, копились столетиями.

Когда он добрался до их домика на курьих лапках из осин, Мрак вытащил кисет с огнивом, в его ладонях появились трут и кремь. Едва приготовился прыгнуть вниз, Олег поспешно ухватил за руку:

- Погоди, не слезай!
- Ну что еще?
- Ты не заметил, что нет следов костра?

Мрак огляделся, насколько позволяли стены. Да, это не совсем людски, но здесь нелюдскости, как в лесу деревьев, эта затерялась подобно листу на березе.

- Заваливают, – предположил он.
- Но следы?.. Пепел, зола?.. Черные угольки?
- Может быть, выметают? – предположил Мрак, но сам видел, что такую тяжкую работу не заставит делать ни один бог, его тут же сменят на другого. – Нет, не то...

– Здесь какой-то запрет на огонь, – сказал Олег возбужденно. – Пока погоди... Надо разобраться. Не хотелось бы нарушать их ритуалы.

- Да мы всю деревню разнесем!
- Это легко, – согласился Олег, – но ты ведь хочешь их помощи?

Внизу Таргитай сбросил хворост на землю, обиженно топтался, задира голову. Мрак высунулся, злорадно показал ему что-то из трех пальцев, ядовито поинтересовался:

– Что, впервые не из-под палки собрался поработать, а тебе говорят «полежи»?

- Мрак, кушать хочется, – пожаловался Таргитай.
- Да? С чего бы... Ладно, быстренько собери этот хворост, бегом отнеси обратно. И положи так же, как было. Олег говорит, что это очень важно. Запомнил, как какая веточка лежала? Иначе такой ливень будет, что град с мой кулак покажется горохом.

Таргитай побледнел, золотистые волосы на миг показались Мраку сразу поседевшими от горя. В невинных синих глазах вспыхнуло отчаяние: неужто снова придется тащиться к далеким деревьям, хотя могучий

волхв мог бы подтащить поближе весь лес, но почему-то так редко пользуется волхвованием.

— Ладно, лезь сюда, — сжалился Мрак. — Сырым жратаньки будешь. Богу все можно.

— Мрак...

— Ну ладно, не сырым, — сообщил Мрак, чувствуя себя, как бог, великодушным. — У нас есть еще жареное мясо, пара вяленых рыбин. Не бог весть какая еда, но ведь какой бог...

ГЛАВА 11

Двое суток ждали возвращения вождя, и двое суток несчастные висели вниз головой. Один умер, его отвязали и унесли в лес, где закопали. Остальные четверо вытягивались под своим весом все больше. Почему-то им не давали ни есть, ни пить.

Таргитай стонал от жалости, даже попробовал подговорить Мрака отвязать ночью, пусть убегут. Мрак возразил: а куда убегут? Их племя здесь. Вне племени каждый умирает. Это им повезло, уцелели. А эти и так едва живы...

Великий вождь племени, в котором взрослых было едва три десятка, пришел с Великой Охоты к концу второго дня. С ним были двое подростков, явно помощники. Все трое несли по большой корзине из прутьев, откуда торчали пучки корней, связки странной белесой травы, молодой завязи папоротников.

Мрак провожал их взором, полным разочарования. Если это Великая Охота, тогда грибники здесь вовсе ходят в героях!

Выждав, пока голодный вождь насытится и похвастается, как доблестно сдирал с берез бересту, Мрак отправился в главную хижину. Олег собрался еще раньше оборотня, а Таргитай, как ни жаждал отлежаться после долгого пути за хворостом, потащился следом.

Вблизи вождь показался еще старше. С серой головой, иссохшийся, безмерно усталый, он все еще неспешно насыщался, рядом сидел войт и заботливо подкладывал ему сладкие корешки, сморщенные яблоки кислицы, груши, в сторонке стояло почти опустевшее лукошко с ягодами.

На взгляд Мрака, они были братья или отец с сыном, больно похожи, только войт медленный и сонный, как спящая рыба на берегу, а вождь хоть и намного старше, но сила еще чувствуется, а разнесенные в ширину костлявые плечи молча и с достоинством говорят о все еще не до конца истраченной мощи.

— Доброго здоровья, — сказал Мрак. — Прости, что так влезаем... но нам надо срочно к Хозяину леса. Время уходит, мы и так тебя едва дождались.

Олег досадливо крикнул, он уже заготовил вежливые слова, похвалы, после чего тихохонько перешел бы к увещаниям. А грубый Мрак все испортит.

— Так идите, — ответил вождь неспешно.

— Говорят, только ты один знаешь... прямую дорогу.

От вождя не укрылся намек этого лохматого человека, что и без него дорогу отыскали бы, но спешат.

Он усмехнулся, в его возрасте уже не обращаешь внимания на детскую задиристость, сказал мирно:

— Я знаю дорогу к Хозяину леса. Прямую, как ты сказал. Но с чего бы я повел вас туда?

Наступило тягостное молчание, Олег торопливо перебирал доводы, не находил, тут из-за их спин вперед высунулся Таргитай:

— Но разве люди не должны помогать друг другу...

Олег хрястнул его по затылку. Таргитай качнулся, голова крепкая, но язык прикусил и умолк. Мрак пробормотал:

— Понимаю, предлагать вам серебро или золото — только время терять. Но чем мы можем вам отплатить?

Его пальцы деловито ощупывали секиру. По его виду можно было понять, что им уже и так отплатили, если еще не разнесли все к лещачьей матери. Просто так. Или если обязательно надо причину, то за то, что их друга-дударя обидели непотребным видом вверхногих.

В открытые двери все чаще заглядывали, но не столько любопытные, а словно по необходимости проверять чужаков, не спускать глаз, а если и спускать, то ненадолго. Вождь с угрожающим видом цыкнул, и слышно было, как эти люди так же неспешно, как улитки, начали сползать по лесенке на землю. Таргитай посмотрел по сторонам, его зовут дурнем, а сами стоя разговаривают, сел, потом сел удобнее, подумал и вовсе лег.

Мрак, однако, шумно перевел дыхание, напряженные мышцы опали, он сказал совсем другим голосом:

— Ты в самом деле не зря в вождях трешься. Сразу зришь в самый что ни есть корень!

— Корень? — переспросил вождь.

— Корень, — подтвердил Мрак. — Другие только по листьям да веточкам, а ты зришь вовнутрь ствола, видишь, как он под землей сбросил свои корни, как воду сосет, будто лось после скачки, жрет всю...

Олег чувствовал напряжение в доме, потом все странно изменилось, словно собиралась гроза, вот-вот грянет, а затем мгновенно гроза свершилась, ее даже не заметили, а теперь дышится легко и вольно.

Вождь посматривал исподлобья, но голос потеплел:

— Откуда ты знаешь про деревья?

Мрак удивился:

— Тю на тебя! Мы ж сами люди Леса. Вот этот рыжий из рода Дуба, он и сейчас еще дуб дубом, этот вот, что сопит сзади, из славного рода Граба... или Вяза, не помню, хотя самого хоть грабь, хоть вяжи, слова не скажет. Его даже муравьи кусают! Мы ж всего полгода тому из дупел вылезли!.. А уже полмира обошли. Пески видели, окиян-море, на Змеях летаем, как ласточки на журавлях...

Их слушали жадно, истово. Вождь помедлил, в глазах впервые появилось нечто похожее на интерес, даже позеленели, будто молодые почки. Проговорил чуть быстрее, чем раньше:

— Из Леса? Что-то слышал о троих, что вышли... Если это вы... гм... Ладно. Вы расскажете, где побывали, что видели, а утром я сам отведу вас к Хозяину. Все-таки мы в чем-то родня. Я сам из рода Дуба. Договорились?

Мрак широко развел длинные мускулистые руки, в самом деле похожие на толстые корни крепкого дерева, а улыбка его растянула рот от уха до уха:

— Договорились!

Таргитая Мрак вытолкал, а Олег ушел сам. Оборотень наврет с три короба, а ему либо краснеть до самого низа спины, либо мычать и подкакивать. Лучше уж не соучаствовать в недостойном волхва деле, именуемом Мраком военной хитростью.

На ночь Таргитай вяло доел остатки холодного мяса, погрыз рыбы головы, тут же заснул, а Олег еще долго стоял у окошка. Луна светила слабо, но глаза привыкли, и он всматривался в странные хижинки на высоких столбах — зачем столбы вообще? — ломал голову над отсутствием капища и жертвенного камня, ни одно племя не обходится без капища, в котором живет их бог...

Даже когда лег, набираясь сил для завтрашнего бега через чужой лес, перед глазами все еще двигались эти странные люди с зеленой кожей, безучастно проходили мимо несчастных, что висели вниз головой, никто не выказал ни злобы, ни отвращения...

Уже в полусне мелькнула тревожная мысль, яркая и всеозаряющая, даже понял, что это за странное племя, почему у них нет огня... но тяжелый сон навалился, как туша медведя, накрыл его мохнатой шкурой, и Олег успел только прошептать себе, что утром надо не забыть сказать, предупредить Тарха и Мрака...

Таргитай очнулся как от беспамятства. Голова тяжелая, словно налитая свинцом, душа стонала и отбивалась, стараясь подогнуть лапки и снова спать, спать.

Олег лежал, как коней продавши, раскидал руки на всю ширину хижинки, левый кулак лежал на груди Таргитая. Таргитай понял, что потому-то и спалось так спокойно и защищенно, что хоть кулак волхва тяжел, но лучше спать под его рукой, все-таки защита, чем ощутить себя голым и брошенным, как он всегда чувствует себя в одиночестве.

И все же, сказал он себе, надо выползть из-под опеки старших. Они не хотят видеть того, что видно ему. И не станут этого делать...

Он осторожно снял кулак Олега, переложил ему же на грудь, заставил себя подняться, постоял, держась за стенку, пока из головы медленно уходил сон, а глаза привыкали к темноте. Ночной воздух охладил потное лицо, по телу прошел озноб. На темном небе с редкими звездами странно выступали острые крыши хижин. Вдали звездное небо обрывалось сплошной тьмой, там угадывалась стена леса. Где-то слабо погромыхивало, воздух плотный и тяжелый: гроза надвигалась медленно и неотвратимо.

Лестница поскрипывала под его могучим телом, замирал при каждом движении, затаивался, но везде тихо, и наконец ноги уперлись в твердую землю. В полной тиши ощутил легкое дуновение на щеке, догадался, что пролетел филин, только они умеют летать, не хлопая крыльями, как дуры утки.

Он пригнулся, так легче различать на фоне звездного неба силуэты, прокрался на корточках, а когда увидел длинное бревно с темными силуэтами, пальцы судорожно сжали нож.

— Потерпите, — прошептал он. — Я не дам им мучить вас... Ишь, испытание! Меня тоже испытывали...

Щеки опалило жаром, он чувствовал, как прилила краска стыда. Три года подряд его одноклассники, а потом и те, кто моложе, проходили испытание перехода из подростков в мужчины, а он позорно не выдерживал, оставался на следующий год, потом еще на следующий, пока не изгнали из племени вовсе...

Первый парень не мог даже пошевелить губами, только глаза тупо следили за руками чужака. Таргитай перепилил лыковую веревку на руках и ногах, затем только догадался перехватить главную, на которой висел несчастный. Остальных троих освободил уже быстрее. Они долго лежали на земле, медленно приходя в себя, дышали тяжело, но Таргитай видел, как жизнь возвращается в их тела. Первый наконец встал, медленно сделал шаг, держась за хижину, покачнулся, перевел дух, сделал еще шаг, уже увереннее...

Таргитай вздохнул, тихонько попятился. Земля ровная, как каменная плита, но он ухитрился споткнуться, а когда поднялся, перед глазами были только столбы хижин, уже не сухие, а покрытые мелкими капельками даже не росы, а той влаги, что, не дожидаясь дождя, выкарабкивается из воздуха и увлажняет лицо, одежду, стены.

Олег спал таким богатырским сном, словно не волхв, а тоже оборотень, только чуть помельче и рыжий. Огромный валун все так же медленно поднимался и опускался на его груди. Похоже, тяжелый кулак нисколько не мешал спать безмятежно, словно и не волхв, что горами трясет, бедных зверей пугает.

Вздохнув, Таргитай тихонько лег с самого краешка. В груди пели сладкие пташки вирия: он сумел заставить себя проснуться и встать среди ночи, он спас от мучений четверых парней... Его не спасли, а вот он, помня все, спас!

Гром прогремел глухо, гроза проходила стороной, но дождь застучал часто, торопливо, потом зашумел, словно по стенам и крыше разом забегали тысячи и тысячи крупных муравьев. Два раза блеснуло так ярко, что Таргитай рассмотрел даже ресницы спящего Олега, потом блеск померк, начал удаляться, а вскоре и шорох затих, только воздух оставался чистым и свежим, словно гроза бушевала здесь долго и мощно.

Засыпая, он успел еще чуть погордиться своим подвигом, а затем провалился... нет, взлетел в сверкающие выси, где он был красивый, сильный и очень умный, где спасал, бдил, рассуживал, повелевал и всюду делал людей счастливыми. Даже когда те упирались.

Воздух был влажный, но утреннее солнышко быстро изгоняло сырь. Ночью прошел дождь, даже не дождь, а так, дождишко. Мрак в проем видел мелкие лужи, в которых отражалось солнце. Люди их боязливо обходили, но что поразило и встревожило Мрака, так это ребятня, что при виде луж вовсе пряталась в хижинах, вместо того чтобы скакать козликами, разбрызгивая воду.

Снизу доносились встревоженные голоса. Он ловко спрыгнул, не обращая внимания на лестницу, под ногами чавкнуло. Не лужа, только сырость, но с его весом можно выжать воду даже из сухой земли.

На краю деревни, где стояли хижины простого люда, толпился народ. Мрак услышал крики ярости, отчаяния, даже вопли. Встревожившись, он пошел прямо по лужам, не замечая, как испуганно смотрят на него все, как отпрыгивают от капель воды.

Он прошел сквозь толпу, как проходит тур через мелкий кустарник. Перед ним расступались, открывая дорогу. Сердце в груди начало колотиться тревожнее, почуяло беду. Он еще не понимал, что тревожное в тех деревцах, что зеленеют прямо перед хижинами, одно вовсе выросло прямо перед лестницей, словно пыталось взобраться, но передумало... или не успело.

Разве то тревожно, что они вдруг появились на голой земле, где еще вчера ничего не росло, он помнит, только утоптанная земля, но сердце билось все чаще. Он остановился, в груди стало внезапно холодно, как зимой голым.

Все четыре молодых дерева еще были людьми, вон их лица, только глаза уже закрыты, руки подняты кверху, из пальцев выбились зеленые листочки, а ступни стали широкими, от них в землю пошли молодые тонкие корешки.

— Боги, — прошептал Мрак, — это же те... четверо!

Народ начал расступаться. Мрак резко обернулся, пальцы застыли на поддороге к поясу. Подходил вождь, которому он всю ночь рассказывал об их удивительных странствиях. Вождь смотрел мимо гостя, в зеленых глазах, все больше похожих на наплывы дерева, появилась глубокая печаль.

— Ты узнал их, чужеземец.

— Узнал, — ответил Мрак, голос дрожал и срывался. — Это... из-за дождя?

— Им оставалось всего сутки, — ответил вождь мертвым голосом. — Их ступни выжгло бы солнцем так, что они уж не смогли бы... разве что попав в большую воду надолго... Но им не дали окончить испытание. Это сделал ты?

Мрак качнул головой:

— Не я, но моей заслуги нет в такой мудрости. Я сидел с тобой, да и... мне просто все равно, сколько из вас выживет. Но кто-то из моих спутников не стерпел... И, кажется, я знаю, кого подвело доброе сердце!

Лица всех четверых превратившихся в деревья были спокойными, даже счастливыми. Светло-зеленая кожа медленно грубела, превращаясь

в кору, но Мрак чувствовал, что еще не одну неделю их человеческие лица будут напоминать о трех злобных и глупых пришельцах.

— И ничего нельзя? — вырвалось у него.

Вождь покачал головой:

— Человеком быть трудно, а деревом — легко и счастливо. Потому так силен зов каждого к воде, сырости, а в своих снах видим, как счастливо пускаем корни, как человеческое сознание меркнет, а мы погружаемся в бездумное счастье... Потому у нас каждый шаг окружен запретами! Нам многое нельзя, иначе — ты видишь... всего шаг отделяет от бездумного существования. Трудно быть человеком!

Сердце Мрака стиснули холодные лапы ужаса. Он чувствовал, как похолодели губы.

— Нам тоже нельзя многое. Иначе превращаемся в зверей.

Издали послышались сильные голоса. Толпа расступилась, но и поверх их голов было видно рослых изгоев. И Таргитай, и даже Олег шли уверенно, напористо. У обоих за плечами походные мешки, оба собрались идти в лес прямо сейчас. Мрак сжал челюсти, шумно выдохнул дважды, стараясь сдержать слепую ярость. Голос его был страшнее медвежьего рева:

— Тарх, дрянь!.. Ты хоть понимаешь, тварь, что сделал?

Таргитай гордо вскинул голову:

— Да, это я освободил! Бейте меня, мучайте! Но я не могу, когда люди страдают.

Толпа зашумела, Олег тревожно оглядывался. Потом его зеленые глаза уставились на молоденькие деревца. Мрак увидел, как щеки волхва стали белыми как снег.

— Ты освободил их! — прорычал Мрак. — Освободил от жизни! Смотри!

Таргитай обиженно хлопал глазами. Олег повернулся и бросил что-то резкое. Таргитай сперва вскинул брови, лицо сохраняло глуповато-упрямое выражение, потом кровь отхлынула, щеки стали воскового цвета.

Олег обошел деревца вокруг, одно осторожно потрогал. Брови сшиблись на переносице, что-то прикидывал, но когда посмотрел на Мрака, в зеленых глазах было отчаяние.

— Нет, — ответил он на немой вопрос. — Мрак, мы опоздали. Они сами не хотят возвращаться!

— А если силой? Разве нас не пороли?

— Мрак, их разум уже гаснет... А у кого еще не погас, то уже все равно успел ощутить, как это сладостно — быть деревом! Просто деревом. Если бы мы сумели как-то вырвать... всю жизнь будет помнить, как сладостно быть бездумным, бестревожным. И все равно отыщет лужу или докопается до источника...

— Ты прав, — вздохнул Мрак. — Не держать же связанным? Стать человеком трудно, оставаться еще труднее, а расчеловечиться... раз плюнуть. Для расчеловеченья на каждом шагу есть... а чтобы стать человеком или хотя бы удержаться в нем, надо это создать самому. И все время.

Вождь, который слушал их разговор в сторонке, подошел, весь поникший и сразу постаревший, взглянул исподлобья:

— Чужестранцы... Вы погубили наших парней, надежду и опору нашей старости, будущее племени. Будь я моложе, я велел бы убить вас. Кровь за кровь, зуб за зуб, око за око, жизнь за жизнь... Но я стар, горячая кровь давно остыла. Она все больше похожа на холодный сок дерева. И я не хочу, чтоб погибли еще люди моего племени... всего лишь утоляя жажду мести. Этих четверых, надежду и будущую опору нашего маленького племени, все равно не вернем.

Мрак проговорил тяжело, будто двигал гору:

— Если бы ты знал, как нам самим гадко. Олег, держи за руки нашего дурака. Я не хочу, чтобы он еще и себе что-то сделал.

Вождь покосился в сторону двух других, в серо-зеленых глазах было понимание пополам с гневом и отвращением.

— Да, — ответил он, — вы страдаете, чужеземцы... Но теперь я не смогу вас отвести к Хозяину леса.

Мрак кивнул:

— Понимаю. Прости, если сможешь.

Олег подвигал плечами, устраивая мешок за спиной, чересчур старательно, словно в привычных движениях искал спасение. Таргитай, как слепой, двигался за ним следом. На него было страшно смотреть, перед ним расступались, боязливо показывали пальцем. Таргитая раскачивало, он волочил ноги, воздух вокруг него потемнел, словно к дударю со всех лесов слетелись тучи мельчайших мошек.

ГЛАВА 12

Мрак потоптался перед вождем, вздохнул, не зная, что сказать на прощанье, как объяснить, не со зла же, со зла никогда столько не натворишь бед, все от жажды осчастливить людей, но старый вождь понял, развел руками:

— Иди, чужестранец... Не в мести дело! Просто теперь нельзя оставить племя... У нас слишком мало мужчин. А когда придет Вырвидуб, даже со мной нас может оказаться мало.

Олег и Таргитай стояли с опущенными головами вдаль, ждали. Таргитай — посреди лужицы, словно старался врасти в землю и больше не знать жгучей вины, стыда, этой горечи, что раздирает рот и прожигает грудь.

Мрак поднял на вождя глаза:

— Кто такой Вырвидуб?

— Вырвидуб?.. Вы не знаете, кто такой Вырвидуб?

Снова Мрак ощутил на себе множество осуждающих глаз, полных отвращения и осуждения. Как можно вообще жить, не зная, кто такой Вырвидуб?

Вождь вздохнул:

— Да, вы из самого дремучего леса. Я даже не думал, что где-то могут не знать Вырвидуба. Разве что в Песках...

— У нас Светлолесье, — ответил Мрак торопливо, — а Вырвидуб, судя по всему, из Темного?

— Он вышел из Темного, — уточнил вождь. — Так говорят нынешние волхвы, хотя старые говорили иначе...

Мрак оглянулся на Олега и Таргитая. Те так и стояли, с опущенными головами, нахохленные, сгорбившиеся, не пригодные ни для боя, ни для бега, ни вообще для жизни.

— Те подождут, — сказал Мрак недобро. — Их тронуть сейчас — помрут за первыми же деревьями... Или сам прибью, не удержусь! Расскажи про Вырвидуба. Мы такие странники, что нам пригаживается все.

— Это рассказывать долго, — ответил вождь, — хотя их история... их было двое — Вырвидуб и Вязокрут... печальна и поучительна. Близнецы, они были рождены в счастливый день, их воспитывали добрые боги... Но вот однажды... Ладно, об этом в другой раз, скажу сразу, что Вязокрут остался каким был: добрым и отзывчивым, а Вырвидуб после того горя, что сотворили с ними сумеречные боги деревьев, ожесточился и стал мстить. Сперва он истребил леса Янтарный и Солнечный, затем хитростью и коварством подрыл корни Вечного Ясеня, а потом сумел свалить его самого. Ясень был бессмертным, но после того, как через него прыгали все козы, он не стал терпеть унижение, велел своим ветвям перестать жить... Вырвидуб после той победы уверился в своей силе, пошел по лесам, везде сеял зло, бесчестил женщин, племена людей превращал в деревья, а сами деревья сжигал либо насылал на них короedов.

Мрак спросил раздраженно:

— И что же, не нашлось героя? Который бы шиб рога этой Вырвидубе?

— Вырвидубу, — поправил вождь. — Находились. Но Вырвидуб был слишком силен... Наконец люди наших лесных народов уговорили Вязокрута выступить против брата. Вооружившись, он пошел искать Вырвидуба. Как брат-близнец, он чуял, где тот, отыскал быстро, сразился. Бой был страшен, сам Вязокрут был тяжело ранен, но все же сумел сразить брата-злодея.

— Ну наконец-то! Так в чем же ваши страхи?

Вождь сказал мрачно:

— Вырвидуб умер и был похоронен. Но через семь лет он снова вылез из земли, все такой же молодой и сильный. С еще большей яростью разорял племена, жег леса, убивал деревья-основатели. Пришлось Вязокруту снова взять в руки копьё и пойти искать Вырвидуба. Да, это был бой... Вырвидуб вновь был убит, на этот раз его не стали закапывать, а просто сожгли... Однако прошло семь лет, он снова поднялся из земли в том месте, где был рассеян пепел.

— Живучий, зараза, — заметил Мрак.

— Живучий, — согласился вождь невесело. — Когда его удалось убить в третий раз, то тело угопили в озере. Но через семь лет... Ведь нет в нашем лесу места, чтобы он в виде пепла или костей не попал на землю! И с каждым разом убивать его становилось все труднее. Говорят, люди мельчают, а он все-таки из старых героев. Потому мудрецы предрекают

в будущем полную победу Вырвидубу, ибо он в конце концов станет сильнее всех людей и зверей, вместе взятых...

Мрак сказал:

— И что же... если этот Вязокрут не сумел прибить этого Вырвидуба и тот, как бурьян, вылезает каждые семь лет из-под земли, то и Вязокрут...

Вождь покачал головой:

— Нет. Вязокрут прожил долгую жизнь и помер счастливо. А Вырвидуб был убит страшной смертью. И потому каждые семь лет, распаленный мыслью о мщении, появляется из-под земли. И снова творит зло. В конце концов находится герой, который побеждает Вырвидуба...

Мрак прервал:

— Ага, понятно. Герой после чего живет долго и счастливо... если повезет, конечно, а Вырвидуб через семь лет снова... И, в общем, оказывается, что этот Вырвидуб успел пожить дольше, чем любой из героев, подрался всласть, ел, пил и грабил в свое удовольствие, плевал на могилы своих победителей!.. Ладно, старик. Считай, мы поняли все. Мы собьем рога этому Вырвидубу. Но не за то, что такой злодей, и даже не в искупление вины... а из зависти.

Глаза вождя смотрели бесстрастно, но тяжелая кровь прихлынула к лицу Мрака. В ушах зашумело. Старик не зря стал вождем, не зря. Зрит его насквозь, его дешевую попытку свести предстоящую битву к шутке, не показать, что пытается хоть чем-то загладить, но не показать, что заглаживает, многое не показать, а выставить напоказ только свою толстую кожу...

Таргитай держался в сторонке, сгорбленный, жалкий. Даже бессердечный Олег смягчился, буркнул что-то вроде благих намерений, добавил походя, что на ошибках учатся, но только волхвы — на чужих, а Таргитай что, он как все, а все люди в этом таргитаи порядочные.

Они сидели прямо на земле, ни бревна для сиделок, ни даже щепочки или камешка на утопанной до твердости камня земле, теперь они знали для чего. Стена деревьев шелестела листвой в полете стрелы, с другой стороны под умытым дождиком солнцем сияли выскобленные дощечки крыш, ошкуренные столбы. Вождь почти не показывался, но подле его хижины собирались мужчины с копьями в руках.

Во второй половине дня в лесу начал нарастать шум, треск, звериный вой. Над вершинами деревьев взлетали птицы, тревожно верещали. Затем в северной части леса вершины начали вздрагивать, словно кто-то двигался в сторону селения и со всей дури лупил по стволам.

Правда, деревья тряслись так, что облетали листья, сыпались сучья. Мрак нахмурился, начал поглядывать на ближайшие деревья. Если ударить даже не кулаком, а обухом секиры, то не всякое дерево содрогнется. А уж ветку не уронит, точно.

Со стороны деревушки заспешил вождь. За ним на расстоянии держались его воины, выставив перед собой копья. Вождь еще издали замахал руками:

– Вырвидуб приближается!

– Уже? – удивился Мрак. – Даже не дождется ночи?

– Зачем ему ночь?

– Да вроде все злодейства по ночам...

Вождь объяснил невесело:

– В том-то и дело, что он тоже считает себя борцом за правду. Справедливым мстителем!

Было видно, как в деревушке женщины загоняют в дома детей, а малых хватают на руки и уносят бегом. Вождя наконец-то окружил десяток мужчин, угрюмые, малоподвижные, с копьями, бесстрастные, как их родственники, деревья.

Верхушки столетних сосен вздрагивали и раскачивались все ближе. Потом неуловимо быстро на опушке возникла, словно просочилась между стволами, темная фигура. Мрак потряс головой, не веря себе.

Человек, если то был человек, выглядел всего на голову выше Мрака, зато шире вдвое и, что встревожило Мрака больше, от макушки до пят весь какой-то темно-зеленый, покрытый свежей корой. Если из дерева, то и боли не почует, разве что оторвать голову, но дерева еще пока никто не разламывал... и не разломится, вон как гнутся руки, ноги, весь этот чертов Вырвидуб как виноградная лоза толщиной с колодезный сруб.

Олег сказал негромко:

– Мрак, не дури.

– Ты о чем?

– О том же. Один даже не вздумай. Этот деревню таких, как ты, своротит.

– Бог не выдаст, – проворчал Мрак, он бросил косой взгляд на мокрые от слез щеки Таргитая, – свинья не съест.

– Ударим вместе, – решил Олег. – Разом.

– Только если меня задавит, – ответил Мрак еще резче.

– Мрак...

– Я сказал! Потом – делайте что хотите.

Существо приближалось, громко топая, все оно казалось сплетенным из толстых корней, огромные руки и ноги гнулись во всех направлениях, но отпечатки за ним оставались даже на твердой земле, и по спине Мрака нехорошо повеяло холодным ветерком.

Голова Вырвидуба была как пень, но кора нежная, зеленая, словно недавно выкарабкался из земли, полон соков, но еще не огрубел, даже морда как у Таргитая...

Он не успел додумать до конца, как Вырвидуб внезапно прыгнул. Мрак не поверил глазам: огромный получеловек перемахнул лужу в добрых три сажени, возник прямо перед ним...

Хотя додумать не успел, но кулаки жили сами по себе, один хрястнул Вырвидуба в морду, тот отшатнулся, Мрак ощутил резкую боль в суставах, другой рукой захватил протянутую к нему корень-руку, рванул на себя, шагнул в сторону, и тяжелая туша грузно бухнулась на землю.

Взлетели брызги, Мрак не успел оскалить зубы в победной усмешке, как отшатнулся от страшного удара в лицо. Сбоку мелькнула серо-

зеленая ветвь, резкая боль хлестнула по ушам, в глазах вспыхнуло, он покатился кубарем, не понимая в страхе, как успел такой грузный зверь вскочить так быстро... Ах да, ноги гнутся во все стороны, он же наполнил долину деревом!

Стараясь двигаться так же быстро, он перекатился через голову, вскочил, увернулся от удара, второй принял на плечо, прыгнул вперед и обхватил зеленое туловище. Пальцы обеих рук с превеликим трудом дотянулись друг до друга, но сумел сцепить их в замок, сверху обрушился удар. Оба упали и покатались по земле, но теперь Мрак давил изо всех сил, слышался легкий хруст, словно под сапогами ломались сочные стебли, на грудь брызнуло мокрым. Он с изумлением понял, что сумел выдавить из дерева сок.

Вырвидуб обрушил град ударов. Мрак терпел, давил, и Вырвидуб явно решил, что человек так же туп к боли, как он сам. Мрак набрал в грудь воздуха и задержал дыхание, чувствуя, как длинные руки-корни обхватили теперь его самого. Он жал, но Вырвидуб стиснул с такой мощью, что дыхание вылетело из груди со вскриком, сокрушило все запоры, а страшные корни продолжали давить все так же упорно и мощно.

В глазах стало темно, он услышал собственный хрип, на губах закипела кровавая пена, что-то в груди лопалось, чавкало, он рванулся, бил и пихался вслепую, каким-то образом сумел вывернуться, вряд ли по уму, скорее — удача, а то и Вырвидуб расслабил страшный зажим, видя, что победа за ним. Мрак тут же, не давая опомниться ни Вырвидубу, ни себе, повернулся, захватил его за правую длань, дал подножку, и оба рухнули на землю.

Мрак оказался наверху, с силой вжимал Вырвидуба лицом в землю, что раскисла и стала мокрой, давил, не давая ни подняться, ни освободиться от захвата. В месиве, куда он вжал мордой это чудовище, булькало, вздувались пузыри. Твердая и широкая, как дверь, спина Вырвидуба напрягалась, Мрак чувствовал, как вздуваются тугие узлы, но все-таки нашел, судя по всему, болезненное место, Вырвидуб хрипел, дергался, но, когда Мрак выворачивал руку из плечевого сустава, тот сникал и снова тыкался мордой в грязь.

— Я тебя заставлю, — прохрипел Мрак, — рылом хрен копать!.. Не хвались, на рать идучи... жри землю, жри!.. Наперед не угадаешь, кому по ком плакать.

Все видели, как на спине этого человека вздулись широкие пластины, похожие на темно-багровые плиты гранита, дрогнули, словно человека ткнули шилом, слышался хруст ломаемого дерева.

Вырвидуб судорожно дернулся, едва не сбросил Мрака, того даже подбросило в воздух, но упал Мрак ему на спину, а руку заворачивал сладострастно, уже знал, каково Вырвидубу, одновременно снова сделал захват поперек груди, навалился, сдавил. Был хруст, затем треск, хлопнуло. Тело Вырвидуба распласталось во всю длину, только руки и ноги еще дергались, скребли землю.

Мрак тяжело поднялся, разогнул спину. В глазах был красный туман. Сперва решил, что все еще от ярости, но мокрое ползло и капало с под-

бородка на голую грудь. Он провел ладонью, в глазах чуть очистилось, но ладонь стала красной.

— Пень, — выругался он зло и пнул поверженного, у которого кровь если и есть, то явно не красная, а значит, ему досталось тоже. — Сучок поганый... Вот сожгут тебя, будешь семь лет гнить, вспоминать, как я тебе спину ломал!

Мокрый, как выдра, грудь ходила вверх-вниз так мощно, что ребра то резко натягивали кожу, то исчезали в глубине. Народ еще прятался в хижинах и за деревьями, только крохотная группа вокруг вождя оставалась на месте. Копья в нетвердых руках качались, как ветви под ударами ветра, но все еще направлены в сторону схватки.

Мрак еще раз пнул поверженного противника, с трудом перекатил на спину. Вместо лица была налипшая глина. Даже глаз не видно, а рот забит грязью. Толстый ствол туловища смят, из-под сорванной зеленой кожи обильно течет белесый липкий сок.

Вождь раздвинул воинов, приблизился. Мрак с трудом вздохнул, чувствуя, как ребра цепляются друг за друга, сказал хриплым мужественным голосом:

— Ты того, батя... фу... здоровый был мужик!.. Ты нам ничем не обязан, сами как-нибудь доберемся.

Вождь поколебался, голос его немного сел:

— Я знаю. Но доберетесь... не скоро. Теперь я могу отлучиться из племени.

— Смотри, — предостерег Мрак. — У тебя дел много!

Вождь встретил его взгляд:

— Знаю, о чем ты. Но они не решатся.

— Думаешь?

— Ворчать, что вождь слаб, что не наказал чужеземцев... это легко. Все ворчат, все недовольны. Все считают, что сделали бы лучше... Понимаешь?

Мрак развел руками:

— Кому говоришь? Вон и наш Тарх считает, что, будь он царем, сразу бы всех накормил, напоил, носы утер, а овцы и волки паслись бы рядом. К счастью, мы его царем пока что не выбираем.

Он смолчал, что избрали не царем, а вовсе богом, но бог, к счастью, богует, но не правит. Таргитай топтался рядом с Олегом, ковырял взглядом землю. Мешок Мрака прижимал к груди, словно искал защиты.

Вождь проговорил:

— Вижу, вы готовились отправиться без меня. Тем более я должен повести вас.

Олег молчал, но, когда Мрак заговорил, он увидел одобрение в зеленых глазах волхва:

— Ты, батя, в самом деле нам ничего не должен...

— Мы уговорились, — напомнил вождь.

— Но мы нагадили, — признался Мрак. — По дурости погубили четверых ваших парней.

Вождь помолчал, голос после паузы был такой же ровный и крепкий, как треск сухого дерева под сильным ветром:

— Вы не со зла.

— Но все же... Для такой малой деревни четверо — это много.

— Вырвидуб погубил бы больше, — напомнил вождь. — Если не всех. Я проведу вас прямой дорогой.

ГЛАВА 13

Они вышли с рассвета, прошли всего с десятков верст, и Мрак признался, что волчке чутье показывает то звериные норы, то воду под кореньями, но идут в глубь леса или же сделали петлю и возвращаются к деревне...

Вождь шел легко и бесшумно, что раздражало и задевало Мрака с его неслышимым волчьим шагом. Даже завалы и крупные валежины не замедляли престарелого вождя, сквозь переплетения вывороченных к небу корней просачивался как туман, кустарник за ним даже не кольхнется, в то время как за Тархом или Олегом, тоже знакомыми с лесом, стояли треск и грохот, будто ломилось стадо свиней размером с коров. Вождь двигался проворно, как лесная мышь, уверенно и быстро, даже останавливался, поджидая пристыженных невров.

Таргитай наконец взмолился:

— Мрак... Я думал, что мы сами из Леса... А где же эти живут?

Мрак бросил на ходу:

— Зато мы вышли. А эти...

Он смолчал, Таргитай не понял бы, ткни пальцем в дуб и скажи, что это дуб, только Олег предостерегающе кашлянул. Мол, не наступай на больное место этих людей, что на самом деле только наполовину люди. Им из своего леса выйти куда труднее. Может быть, невозможно.

Мрак фыркнул, он все лучше понимал волхва, тот постепенно учился не умничать, а говорить по-людски. А если и ответить по-людски, то этим лесным зачем выходить из леса? Даже они трое вышли не по своей воле. Стыдно признаваться, но все же из Леса их выгнали!

Вождь все чаще отрывался так далеко, что исчезал, Мрак с трудом шел по следу. Подозрительный Олег предположил, что вождь завел в такие места, что месть за четверых погубленных теперь-то свершится наверняка и без потерь для его народа.

Мрак хмурился, не верил, Таргитай жалостливо сопел и помалкивал. А когда и Мрак начал сомневаться, они увидели странно просветленного вождя, не сразу поняли, что это впервые с самого утра он стоит под солнечным лучом.

Впереди лес выглядел светлее. Все те же мрачные, чудовищно толстые дубы, никакие не белокорые березы, но свет падает сверху, а значит, там открытое место.

— Священная Поляна, — проговорил вождь.

Невры подходили медленно, словно боялись спугнуть его, как робкого кузнечика. Таргитай дотащился и сразу рухнул на валежину. Та развалилась, из прогнившего дерева высыпало с полсотни крупных муравьев, красных от злости, разбежались мокрицы.

Жалобно постанывая, Таргитай переполз к валежине посуше. Олег встал рядом с Мраком, опираясь на посох с такой силой, что тот начал погружаться в землю. Олег поспешно упер в корень, расслабил натруженное в беге тело.

— Дальше мы сами? — спросил Мрак полутвердительно.

— Нам не велено, — ответил вождь просто.

— Прости, — сказал Мрак поспешно. Он уже знал, что такое нарушать их запреты. — На этой поляне и есть тот самый дуб?

Вождь спросил с недоумением:

— Почему ты решил, что там дуб?

— Должен быть дуб, — заявил Мрак уверенно. — Здоровенный, толстый!.. Дуб — это... Это дерево! А все остальное — так... поленья для костра. Прости, вы с кострами не очень... Тогда скажем, что остальные деревья только для короедов, жуков и муравьев, да чтоб медведям обо что чесать спины.

Таргитай со стоном переполз с сухой валежины, где напоролся на сучки, лег прямо на перепрелые листья. Олег внезапно качнулся, нелепо взмахнул руками, словно пытался опереться о воздух. Кое-как все-таки извернулся, посох ушел в мягкую землю почти до половины.

— Беспокойные они у тебя, — заметил вождь, морщась. — И таким... гм... людям позволено узреть нашего Прародителя?

— Может быть, еще не узрим, — утешил Мрак. — Но в любом случае передадим от тебя поклон.

Вождь попытлся, глаза его были то на Мраке, то устремлялись к просвету между деревьями.

— Мне, — объяснил вождь уже издали, — дальше нельзя... ибо не посвящены... Справедливый гнев Прародителя всегда страшен!

Таргитай непонимающе хлопал глазами вслед отступающему вождю. Как может быть гнев у кого-то справедливым? Справедливый гнев бывает только у них самих, троих из Леса.

Мрак проводил взглядом вождя, но едва тот скрылся в чаще, как тут же забыл о нем, потому что вождь указал на стену массивных дубов, да не просто дубов, а чудовищно толстых, впятером не обхватить, древних, с покрученными ветвями, но не приземистых, а на диво высоких, соннам не угнаться. Здесь было темнее, словно наступили сумерки, лица Таргитая и Олега, и без того светло-зеленые, стали зелеными, как у жаб. Под ногами слой листьев заменил толстый темно-зеленый мох, почти черный, пухлый и влажный.

Таргитай переступил с ноги на ногу, чвиркнуло, из-под сапог брызнуло дурно пахнущей грязью. Мох угрожающе прогибался, охватывая толстые подошвы.

— Рискнем, — ответил Мрак невесело. — Бог не выдаст... просто не догадается, свинья не съест...

Таргитай обиженно посопел, он никого не выдавал и выдавать не собирается, да и некому, а грубый Мрак двинулся в ту сторону, куда указало лесное существо.

Исполинские дубы даже не подумали расступиться, как делали все деревья, Таргитай протиснулся между двумя великанами, а они словно бы даже попытались сдвинуться, сдавить его стволами. Под ногами прогибалось сильнее, воздух из влажного стал мокрым, как пес под дождем, налипал, как мокрые листья. Таргитай стоял с открытым ртом, только что язык не вывалил, Олег дышал тяжело, сипло, даже Мрак ощутил, как слиплись волосы, даже на голове слиплись, а по всему телу начали скатываться мерзкие струйки.

Он первым уловил сильный запах живицы, но не сосновой: мощно и победно пахло дубовым соком, крепким и настоящим, такой не рождается в молодых телах, а только в стволах дубов-великанов. Запах становился мощнее, уж и Олег с Таргитаем закрутили носами, начали посматривать по сторонам.

Деревья расступились, а там, в середине поля, а не поляны, стояла массивная скала, даже не скала, а темная гора, изрезанная продольными трещинами, уступами. Но небо было зеленым, Таргитай поднял голову и ахнул. На высоте, чуть ли не задевая облака, были ветви, каждая подобна толстому дереву.

Это был дуб – всем дубам дуб, явный владыка леса. От него несло силой и мощью. Олег почувствовал, как по спине побежали крупные мурашки: исполинский дуб ощутил его, остальных пока не замечал, а его трогал невидимыми руками, ощупывал его мышцы... да не те, которыми гордится Мрак, а иные, которым он пока не подберет названия.

– Во вымахал, – ворвался в его мысли хрипловатый голос. – Ничо, мы и поболе видели!.. И даже лазили.

Олег ощутил идущий от дуба укол уязвленного самолюбия, это было так неожиданно, что стряхнул оцепенение, огляделся. Они трое застыли перед этим деревом, а остальные деревья стояли по краю поляны смутные, как кустарник в утреннем тумане.

Таргитай проговорил тихохонько:

– Давай, Олег, говори!

– Мир и покой тебе, – поприветствовал Олег. – Ты уже знаешь, кто мы. Знаешь и то, зачем пришли.

Мрак хмыкнул, сомневался, все-таки дуб и есть дуб, а чем дуб больше... Таргитай же за спиной Олега прошептал укоризненно:

– Ты чего грубый, как Мрак?.. Со старшими надо вежественно.

Мрак рыкнул:

– Молчи, дурак. Олег лучше знает. Он тоже вроде дуба...

Таргитай респросил непонимающе:

– Дуба?

– Ну да. Такой же мудрый.

Они переговаривались все тише и тише. Дуб высился исполинский, неподвижный, но теперь уже все трое чувствовали, что великанское

дерево их как-то видит, представляет, слышит и, может быть, даже понимает. Плотный воздух был наполнен густым терпким запахом, Мрак чувствовал, как капельки медленно исторгаются из листьев, сливаются в струйки, а опускаясь с ветвей, превращаются в ручей. Сюда же, на землю, низвергаются даже не ручьями, не потоками, а целой рекой, медленной, неспешной, какой выглядит водопад издали.

Наконец они вовсе умолкли, чувствовали, что сейчас что-то произойдет, напряглись, а когда в ветвях зашелестело, будто пронесся ветер, затрещали ветви, из шелеста листьев, скрипа ветвей сложился огромный голос, что звучал вроде бы сразу со всех сторон:

— Кто вы, дерзкие жуки?

Олег выступил вперед, но Мрак придержал, ответил первым:

— Мы скорее муравьи. От нас и вред, и польза.

Шелест надолго умолк, словно дерево озадаченно обдумывало слова оборотня. Олег тихонько тыкал его в бок, молчи, все испортишь, Таргитай сопел за их спинами, сочувствовал обоим, наконец шелестящий голос отозвался медленно и бесстрастно:

— Да, вы — люди. Но вреда от вас все же больше.

В шуме листвы быстро нарастала угроза, ветви шумели, раскачивались. Мрак быстро оглянулся, но сзади и по всей поляне деревья опустились огромные суковатые ветки к самой земле, не выбраться, даже если поползешь, как ящерица. Перебить не успеешь, почти каждая ветвь с бревно, а самые тонкие — с оглобли.

— Что ты хочешь? — закричал Олег.

Он оглядывался, Мрак видел, что волхв безуспешно пытается вспомнить хоть одно заклинание, но он не умел подобрать их и когда его не дергали, а сейчас только себе ноги спалит или всем троим головы поотрывает...

Деревья начали с треском раскачиваться, ветви страшно со всех сторон потянулись в их сторону. Мрак уже держал в руках секиру, бесполезно, но с оружием в руках всегда увереннее. Мышцы напряглись, готовился рубить и крушить, как вдруг треск умолк, ветви начали неспешно подниматься.

Огромный голос пророкотал:

— Вы не муравьи. Вы Трое, Спасшие Мир.

Олег от неожиданности раскрыл рот и застыл, став похожим на Таргитая. Сам Таргитай не удивился, ибо ничего не увидел необычного, что Дуб называет их так, они ж в самом деле что-то да сделали, а Мрак откровенно ахнул:

— Ну а я думал, ты в самом деле дуб!.. Да ты поумнее всяких... Таргитай, видишь? А ты жаловался, что никто тебя не целует. Дуб и то знает! Может быть, даже поцелует. Вон какие у него сучки острые... Наверное, кто-то еще знает, лес-то большой...

Дуб сказал сильным вязким голосом:

— Никто больше. Но мы — да.

Мрак оглянулся на Олега, тот молчал, лицо дергалось, не то упадет и задержится в падучей, не то расплачется. Дерево, просто дерево знает

об их роли, а люди, из-за которых дрались, получали раны, терпели муки... люди только и глядят, как ограбить, обобрать, обмануть, а то и просто посмеяться над их одежкой, простыми повадками.

Таргитай топтался рядом, словно, встань в двух шагах, его сожрут лесные звери, а когда прижимается плечом, то не тронут. Олег звучно глотал и не мог проглотить что-то в горле. Мрак шагнул вперед:

— Поклон тебе, Хозяин леса, — выговорил он почтительнее, чем собирался. — Ты уже знаешь, зачем мы пришли?

Густой могучий голос наполнил, казалось, весь лес, словно с ними говорил не только дуб, но и земля, небо, все окружающие деревья:

— Знаю.

— Тогда ответь, — предложил Мрак раньше, чем Олег успел открыть рот. — Если знаешь, конечно.

— Знаю, — ответил Дуб. — Конечно ж, я знаю.

— Ну и...

— Тебя привели жалкие изгои, сбежавшие из нашего мира. Уроды, калеки, несчастные, больные... Ты видел их, ты был с ними. И ты видишь сам.

Голос истаял, явно полагал, что сказано все, но Мрак упрямо покрутил головой:

— Батя, я человек простой и даже очень простой. Что я должен был увидеть?

— Что они хоть и могут, в отличие от вас всех, вернуться в настоящий мир, но все же они, в сравнении с настоящими... они — просто жалкая гнилая кора...

Олег видел, что Мрак спрашивает что-то еще, но мысли начали путаться, а потом, словно от усталости, успокоились, улеглись смирные. Во всем теле начала расползаться не то чтобы сладкая усталость, а напротив — сладкая сила, уверенность в том, что сможет все, что отныне беспокоиться не о чем, надо только спокойно жить, все утрясется само, установится, пустит корни...

Он вздрогнул, с усилием переступил с ноги на ногу. Мрак в двух шагах от них почтительно беседует с главным из дубов. Их вождем или, скорее всего, волхвом. Может быть, даже главным волхвом. Не может быть, чтобы о мудром говорил кто-то кроме волхва...

Голос Мрака назойливо вторгался в сознание:

— Понятно, настоящие — это ты... и твои приятели. А кто они, те люди?

— Да, они мои дети... но... они изгои.

Мрак чувствовал, как тяжело дышат за его спиной Олег и Таргитай, ответил почтительно:

— Да, но бывает, что и из таких изгоев... получается что-то путное!

— Нет, — ответил Дуб веско. — Никогда.

Мрак покосился на спутников, сказал с колебанием:

— Может быть, ты и прав. Но скажи, мудрый, зачем тебе власть над миром?

Олег замер, даже дышать перестал, а Таргитай, напротив, вздохнул так мощно, что едва не согнул Праотца деревьев.

– Власть над миром... даст покой. Не только мне, а всему миру.

– Как?

– Чужестранец, ты не понимаешь... Тебя привели сюда изгои, но изгои, которые чувствуют, как много потеряли!.. Несчастные, заблудшие... в конце концов они возвращаются ко мне... ты не знал?.. Возвращаются к земле, из которой вышли. Когда приходит конец их короткой жизни в роли ходящего растения, они... они пускают корни!.. Да, пускают корни и живут еще сотни лет, сколько отмерено дереву.

Олег сказал себе, что одной загадкой меньше: недаром жители лесной деревушки пришли в такой ужас, узнав, что в других землях умерших сжигают!

Мрак сказал громко, словно разговаривал с глухим дедом:

– Так они, оказывается, все-таки пускают корни?

– Пускают, – подтвердил Дуб.

– Так чего ж тебе еще? – удивился Мрак. – Все по-твоему...

Над головами громыхнул голос, исполненный силы и уверенности:

– Но уходят многие... А есть такие, что не возвращаются вовсе. Я не знаю, что с ними... Но я знаю, откуда беда!.. От вас, короткоживущих!.. Вы ходите по лесу, а мы все смотрим... и слабыми душами овладевает соблазн... Им тоже хочется бродить!.. А чего бродить? Я-то знаю, что мир везде одинаков.

– Ты прав, – вздохнул Мрак.

– Везде лес, везде деревья. А когда кончается лес, дальше нет жизни, потому что... потому что там нет деревьев. А тот из нас, кто выходит в те просторы, тот просто гибнет...

Олег вспомнил страшные бескрайние просторы киммерийских степей, зябко передернул плечами. В самом деле страшно. Но киммерийцы живут. И другие степные народы живут. А они, трое невров, когда подошли к краю леса и увидели дальше необъятную Степь, были всерьез уверены, что подошли к Краю Мира...

Могучий голос прогудел, словно его душло тянулось от самых корней, и звук набирал по дороге разные оттенки:

– Вы пришли... зачем?

Мрак заколебался, ответить на простой вопрос всегда труднее, чем на заумный, но тут вперед выступил стряхнувший сладкое оцепенение Олег. Ровным голосом, который, похоже, понравился дереву больше, чем язвительная речь Мрака, он сказал:

– Мы пришли понять. Если ты обладаешь в самом деле мудростью... мудростью, которая превосходит людскую, мы сами уйдем с дороги.

За их спинами чихнул Таргитай, а Мрак прорычал что-то злое. После паузы могучий голос прошумел:

– Вы все узнаете.

– Как? – спросил Олег.

– Вы увидите.

— Хорошо, но что нам делать сейчас?

После такой же долгой паузы, когда Таргитай подумал, что Дуб заснул, а Мрак решил, что засох вовсе, в ветвях прошумело:

— Идите в глубь леса. Прямо. Узрите поистине мудрых.

ГЛАВА 14

В самом деле, прошли не больше сотни-другой шагов, как за веселым и нелепым березняком открылось такое, что все трое остановились. Олег восхищенно вскрикнул, Мрак озабоченно крякнул, а Таргитай шумно глотал слюни от восторга.

Словно отделенные незримой чертой, дальше стояли дубы. Все как на подбор одинаково могучие, роскошные, с толстыми стволами. Солнечные лучи освещали кроны сверху так, что те выглядели изумрудными, зато внизу листья были темно-зелеными. Ни одного корявого дерева, отметил Мрак, ни одного больного.

Солнечный свет выхватывал крупные, как галька, оранжевые капли, блестящие, похожие на сглаженные комья янтаря. Желуди усеивали ветви, их было едва ли меньше, чем листьев. Ветви гнулись, эти янтарные капли размером с лесные груши, такие же здоровые, налитые жизнью.

Олег дышал часто, словно после долгого изнурительного бега. Зеленые глаза блестели, как осколки сухой слюды. Он суетливо дергался, наконец вымолвил хрипло:

— Я знаю.

— Ты все знаешь, — вздохнул Мрак неодобрительно. — Убивать пора.

— Знаю, почему они такие... одинаковые.

— Ну-ну?

— Это единое дерево.

Мрак присвистнул, окинул внимательным взглядом стену могучих дубов, что уходила в глубину леса, конца-края не было видно.

— Олег, как сказал какой-то колдун: во mnogой мудрости — много дурости...

— Он не так сказал, — возразил Олег серьезно. — Просто все эти деревья соединились корнями.

— Корнями все деревья переплетаются, — бросил Мрак. — Ну и что?

— Не переплелись, а соединились. Они обмениваются соками! Если кому-то повезло больше, он может поддержать других. Вместе они сильнее... Но меня другое волнует...

Он не договорил, из ветвей ближайшего дуба послышался сильный голос, в котором чувствовалось дерево, но все же это были слова, а не скрип:

— Люди?

— Они самые, — подтвердил Мрак, — а ты кто?

— Я и есть та мудрость, которой вы лишены...

— Ого, — сказал Мрак с раздражением. — А кому твоя мудрость видна, окромя тебя самого?

Голос продолжил так же ровно, теперь слышно, что деревянный:

— Вы, трое, сами вышли из Леса... Из другого, простого... Двоих из вас изгнали... третий... это ты, дерзкий, ушел с ними... Вы много и тупо дрались, а теперь стоите перед великой мудростью и не зрите даже краешка...

Вид у троих был в самом деле обалделый. Мрак пробормотал:

— Ты в самом деле... Как ты узнал?

— Поживи с мое.

— А сколько тебе?

— Больше, чем ты думаешь. Никто из нас... никто из меня не знает, сколько мне... Потому что я застал те времена, когда на земле не было ни человека, ни зверей, ни птиц... Только бабочки размером с птиц да стрекозы крупнее ворон...

Олег ахнул:

— Вот откуда мудрость! Они не только соком обмениваются! Так же распределяются и знания!.. И пусть отдельные деревья отмирают, но их знание остается в других... Идет великое Накопление!..

Он часто дышал, раскраснелся, прижал руки к груди, а на рошу смотрел так умоляюще, что на глазах выступили слезы. Таргитай пыхтел, задирая голову, рассматривая крону. Золотые желуди блестели, как янтарные орехи без скорлупы. Он ощутил, как челюсти сами смыкаются, с хрустом раскусывая... устыдился, напомним себе, кто больше всего нажирается желудей, заставил себя слушать говорящее дерево и говорящего Олега.

Мрак, напротив, слушать не стал, отступил на пару шагов. Огляделся деловито, словно уже привел сюда полдеревни мужиков с топорами и пилами. Таргитай спросил наивно:

— Мрак, ты чего сердишься? Что деревья умней тебя?.. Подумаешь! Они даже умнее меня, и то я ниче, пусть так думают.

Мрак отмахнулся, не зарычал даже, лоб в глубоких морщинах. Таргитай потоптался возле, заученно пошел собирать хворост. Мрак прикрикнул:

— Эй, ты куда?

— Ты ж сам завопишь, что костер еще не горит.

— Эту ночь снова придется без огня.

— Почему? Мы уходим?

— Нет, дадим Олегу наговориться. Вдруг да узнает что-то полезное. Хотя я не очень-то верю. Дерево и есть дерево... Похоже, зря сюда перли! Но костер разводить не стоит.

— Почему?

— Потому что в лесу.

— Но мы всегда в лесу...

— Если им что-то не понравится, они нам такую мудрость скажут!..

А огонь деревьям разве понравится?

Таргитай надолго задумался. Мрак беспокойно оглядывался, пробурчал:

— Что-то я молодняка не заметил...

— Молодняка?

– А ты?

Дубы стояли ровные и могучие, каждый в три обхвата, каждый на пределе зрелости, когда даже дерево уж не растет, а только крепчает, уплотняется, распускает ветви погуще, а корни поглубже.

– Гм... но это им и не очень-то надо. Если они вечные...

– Вечные не они, – сказал Мрак трезво, – а оно. Или она – роща. А не эти дубы.

Таргитай задумался, видел только, как Мрак вроде бы присел, но когда посмотрел в его сторону, на месте Мрака лежала его одежда, а между деревьями мелькнуло и пропало нечто темное, вытянутое, похожее даже не на волка, а на сотканную из черного тумана ящерицу.

Таргитай видел, как Олег разводил руками, дубы что-то отвечали шелестом, треском и скрипом. Потом Олег возвращался так, будто ноги не держали. Вид у волхва в самом деле был потрясенный. Он то и дело лохматил волосы, и они казались лесным пожаром, а в другое время Таргитаю чудилось, что на голове волхва свернулась клубком молоденькая лиса, даже лисенок...

Вообще, если наблюдать за волхвом, можно многое придумать, даже то, что спрашивает, как и то, что ему отвечают. Правда, на самом деле будет совсем другое, но интересно...

Потом на поляну выметнулся огромный волк, сытый, в окровавленной пасти держал молодого толстого барсука. Таргитай счастливо взялся разделять, а Олег даже не оглянулся, двигал пальцами, растопыривал, что-то объясняя дубам, замирал такой почтительный, что просто противно, кивал.

– Много он от них узнает, – проворчал Мрак.

– Они ж старые, – заступился Таргитай. – Они помнят Начало Начал!

– Ну и что?

– Говорят, знания помогают...

– Смотря в чем, – отмахнулся Мрак. – Счастливым они не делают... Он хоть ел?

– Нет. Как ты ушел, он от них не отходит.

– Голова лопнет, – предостерег Мрак равнодушно. – Хотя Олегу все одно, полезное или бесполезное, он хочет знать все. Правильно, конечно.

Таргитай вытарашил глаза, Мрак тоже говорит загадками. Когда от барсука остались только задние лапы, Мрак сжалился, крикнул:

– Эй!.. А много ли надо мудрости, чтобы остаться без ужина?

Олег нехотя обернулся, бледный и ссутулившийся, помахал рукой. Они видели, как он поклонился, хотя вряд ли дубы, что не видели человека, поймут, потащился к друзьям.

– Отвел душу? – поинтересовался Мрак.

Олег взял окровавленную лапу барсука, но не впился зубами, хотя был голоден, видно по глазам, а заговорил часто, торопливо, захлебываясь словами:

— Мрак! Это же... это мудрость!.. Я просто не могу вышептать какая!.. Сто тысяч волхвов не знают и тысячной доли того, что знает этот дуб!.. Они хранят такие кладези мудрости, что у меня волосы встают дыбом, у меня сердце едва не выскакивает!.. Меня всего трясет, я-то понимаю, что мудрость правит миром, мудрость может перестроить мир, сделать всех счастливыми... или несчастными настолько, что и представить нельзя!.. И вот мы здесь, предстаем пред очами Высших...

Таргитай спросил наивно:

— А где у них очи?

Мрак злорадно хохотнул, а Олег бросил зло и горько:

— Какие вы оба тупые!.. Разве старый Кресан не был самым мудрым в нашем племени? Но он был слеп на оба глаза!.. Они видят нас, можешь не сомневаться. И понимают. И уже оценили. Боюсь только, что нас оценили где-то на уровне мха...

Таргитай смотрел, не понимал, а Мрак хладнокровно буркнул:

— А мне плевать, как меня оценит какой-то дуб.

В его движениях сквозила сила, уверенность, даже слишком. Олег ощутил, что оборотню совсем не все равно, как его оценивают, даже если это незрячие дубы. Только Таргитай повздыхал над умными речами, выудил из-за пазухи дудочку, тихая печальная мелодия полилась над травой, изредка поднимаясь до уровня кустов.

Мрак, которому нечего было делать, догрыз последнюю кость, тоскующим взглядом окинул горку хвороста, зря Таргитай пыхтел, хомячился, отступил и снова исчез. Таргитай перевел дыхание. Мрака нет, Олег занят дубами, можно надудеться всласть, а потом удивить песней, что вроде бы взялась вот так просто, из ниоткуда...

Олег непонимающе уставился на молодого кабанчика, тот лежал, подтекая кровью, у его ног. В сторонке быстро одевался Мрак. Лишь когда набросил через плечо широкую ременную перевязь с секирой в петле, облегченно вздохнул:

— Без штанов ниче, а вот без секиры — как голый.

Олег оглянулся на стену дубов. Те хранили презрительное молчание. Ветви поднялись, только листочки слегка колыхались, торопливо сбрасывали влагу, тем самым спасая деревья от перегрева. А по стволам, он чувствовал, из глубин земли поднимаются ведра и ведра ледяного сока, охлаждая мысль, делая ее трезвой, холодной, отстраненной.

— Мрак, — сказал он с досадой, — ты так подкрался...

— Я? — изумился Мрак. — Я так топал, что вздрагивали и ругались все муравьи в пнях!.. Видать, становишься совсем умным, Олег. Скоро вовсе оглохнешь, спотыкаться начнешь.

Таргитай прибежал, с восторгом оглядел кабанчика:

— Он уже спотыкается. Барсука есть не стал.

Мрак оглянулся на кучу обглоданных костей:

— Что, волкам скормили?

Олег сказал язвительно:

— Зачем волки, у нас есть Таргитай.

Таргитай сказал обиженно:

— Мрак, чего он... Сырое — разве еда? Съел кое-как, чуть не удавился. Вон шерсть из ноздрей лезет!

— Так ты с шерстью...

Обиженный Таргитай, их не переспоришь, все не так понимают, вытащил дудочку и лег на траве в сторонке, заиграл, лениво перебирая отверстия на своей палке с дырками. Песня выползала тягучая, как мед на солнышке из переполненного дупла, стекала по стволу, приманивая бабочек, жуков, муравьев...

Мрак усмехнулся, вытряхнул из мешка с десятков груш.

— Ешь. Я как чувствовал, что тебя сейчас на мясо с кровью не тянет.

Олег машинально взял грушу, ноздри дрогнули, улавливая запахи, и тут же груша оказалась в крепких зубах, захрустело, брызнул сок. Мрак довольно посмеивался, сел. Секира оказалась в его руках, он задумчиво осмотрел лезвие, огляделся в поисках камешка, подправить бы, всегда можно сделать еще острее.

Жалобная мелодия перешла в задумчивую, Таргитай старательно дудел, направив конец дудочки в небо. Мрак смерил его долгим задумчивым взглядом:

— Иногда мне кажется, что это не он дурак, а мы.

— Почему? — спросил Олег.

Мрак скривился:

— Потому что у тебя всегда это «почему», а ответы не всегда те, какие хочется. А наш Тарх еще ни разу не спросил «почему». Ему всегда все просто и ясно. Может быть, и Род не самый последний дурак на свете, что сотворил мир. Может быть, в этом какая-то высшая мудрость...

Олег поморщился:

— Мы знаем, что сила — уму могила, что сила и ум в одном теле не уживаются... Чем человек сильнее, тем обделеннее умом. А ум лучше всего развивается в теле немощном, а еще лучше — в искалеченном. Так что, выходит, боги еще глупее людей, раз они сильнее! А самый большой дурак — Род, так как самый сильный из богов.

Мрак слушал-слушал занудные рассуждения Олега, которому обязательно надо докапываться до сути, неожиданно согласился:

— Судя по тому, что сотворил, похоже.

Олег оглянулся на Таргитая. Тот лежал на спине, синие глаза бездумно уставились в такое же синее небо, пальцы перебирали дырочки на чертовой дуде, оттуда вырывались сильные звуки вперемешку с отвратительным визгом, но Таргитай дудел старательно, даже покраснел от натуги, а щеки раздувал, как ребятишки раздувают лягух, воткнув им в задницу соломинку.

— А вот не...

Он умолк на полуслове, только Таргитай дудел все так же старательно, а вдаль ясно слышался треск, легкий, но частый топот множества копыт. На дальний конец поляны высыпало стадо свиней. Огромные,

сытые, наглые, с кучей вертлявых поросят с полосатыми, как у бурундуков, спинками, они сразу бросились к мудрым дубам.

Мрак тихонько свистнул, двое из старых могучих кабанов повернули в его сторону головы, маленькие, налитые кровью глазки злобно и недоверчиво смерили взглядом чужаков, потом равнодушно отвернулись. Молодые кабаны уже чесались о стволы, стукали массивными головами. Сверху сыпались янтарные яблоки желудей. Поросята затеяли игру, носились с визгом, а толстые свиньи неодобрительно похрюкивали, их пасти не отрывались от земли, подхватывая желуди, стоял жуткий хруст, что все усиливался.

Мрак подошел ближе, рассматривал наглое стадо. Кабаны уже не обращали на него внимания, человека в этих лесах не зрели, один начал копать рылом землю, выбрасывая наверх целые пласты. Хрустнуло, затрещало. Мрак видел, как страшная кабанья пасть ухватила белый корень, не знавший дневного света, из корня брызнуло соком, кабан довольно заурчал и стал выдирать корень из земли весь, мотая головой и упираясь передними копытами.

Еще двум осточертели желуди, что усеяли все так, что травы не видно, все блещет янтарем, начали копать быстро и мощно, земля взлетала и падала им на головы, трещали корни, нежные, пугливые.

Таргитай сказал жалостливо:

— Бедные дубы...

— Зато мудрые, — сказал Мрак угрюмо.

— Может быть, — предложил Таргитай робко, — отгоним этих свиней?.. Они такие невкусные... Правда, если сырые.

Мрак проворчал:

— Наш волхв говорит, что нельзя вмешиваться в природу. Тебе мало, спасатель?..

Таргитай вздрогнул и так быстро опустил голову, что лязгнули зубы. Со стороны дубов неся треск, могучие звери быстро выкапывали такие ямы, что наверху торчали только круглые задницы с хвастливо закрученными хвостиками. Иногда какой-нибудь кабан пятился, с треском выдирая за собой корень, тот лопался, из надрывов бежал прозрачный сок, но свиньи с удовольствием сгрызали мелкие корешки, а сам корень оставляли под жарким солнцем.

Поросята, мелькая полосатыми спинками, суетливо носились между деревьями, выбирали самые спелые и сочные желуди. Пинались, пихались, затевали игры.

Олег потрясенно смотрел на этот разор, губы начали шевелиться, а пальцы сплели сложную фигуру для заклятия. Мрак толкнул, а когда Олег все еще не замечал, сильно ударил по спине. Волхв оглянулся, глаза непонимающие. Мрак укоризненно качал головой.

Медленно, очень медленно глаза волхва погасли. Он сторбился, вид виноватый, ибо полез со своими лесными понятиями в мир Высшего Понимания, Высоких Знаний, а со своими знаниями он не отличается от Таргитая, который может броситься сгонять злого петуха с бедной курочки, мол, здоровенный мерзавец вскочил и нагло топчется!

ГЛАВА 15

Мрак предполагал, что стадо, нажравшись, заночует под этими дубами, но кабаны все же неспешно и уверенно, по-хозяйски, побрели дальше. На опушке остались зловещие темные ямы. В холмах ноздреватой земли торчали куски корней, везде блестели янтарные скорлупки, изломанные и изжеванные.

Даже Таргитай уловил, как изменился воздух, наполненный неслышным стоном, запахами боли, страдания, болезни.

Олег робко приблизился к дубам:

— Прости, это выше нашего понимания...

Сильный могучий голос, в котором не было и следа от перенесенных ран, не было страдания, раздался с высоты, словно говорил не дуб, стоящий из множества дубов, а с ними общалось само небо:

— Мы знаем... мир. Мы понимаем все. Мы помним, что происходило на земле. Мы помним тех богов, чьи имена забыли даже нынешние боги... А то и не знали вовсе. Мы помним, как мир был молод и свеж...

Олег ощутил, что душу снова обуял неземной восторг, а заготовленные слова о свиньях и подрытых корнях улетели, улетучились, ибо достойны разве что Мрака или Таргитая, простых земных людей, не знающих о Высоком, он просто пал бы лицом в грязь, спроси о таком. Сверхсущество просто не обращает на это внимания, как и достойно мудреца...

Мрак угрюмо осматривался. Волхв стоит перед деревьями как редкостный дурак, даже Таргитай так не разевает пасть, а похожий огонь восторга в глазах Тарха вспыхивает только при виде жареного гуся, а волхв вообще сдвинулся, даже волосы встали дыбом, зеленые глаза совсем раззеленелись, уже светятся.

Свиньи подрыли корни у всех дубов, что стоят первыми. Наружу торчат жалкие белые пальцы, стекают капельки сока. Насытились, рыли уже просто так, из свинства. Если эти дубы не засохнут, то просто чудо... Правда, Олег говорит, что другие передают по корням добытый ими сок, но уцелели корни только с той стороны, а если кабаны пороятся и там?

— Ты скажи мне, мудрый... — вмешался Мрак несколько грубовато, — а цель ваша какая?

Олег поморщился, а дуб после долгой паузы переспросил:

— Цель? Что есть цель?

— Ну, зачем живете?

Олег прошипел:

— Мрак, ты не то спрашиваешь!

— Ты спрашивай свое, — отрезал Мрак, — а я — свое.

— Надо о мудрости, о Высших Знаниях!

— Они тоже стоят на той же земле, — ответил Мрак еще злее. — Ты уж наспрашивался, дай узнать мне.

Голос дуба ответил гулко и торжественно, в нем чувствовались голоса и других деревьев, всей рощи, но это в самом деле был голос единого могучего сверхдерева:

– Мы... мы... живем.

– Эт понятно, – сказал Мрак неторопливо, – все живем. Но цель? Ваша цель?

Олег дергал его за полу волчовки. Таргитай не понимал, все ведь ясно, чего Мрак еще допытывается, но дуб все же уловил смысл вопроса:

– Мы живем... чтобы копить нашу мощь и силу... потом наступает Высшая Радость!.. и наше семя выбрызгивается из нас... и падает золотыми каплями счастья на землю...

Впервые бесстрастный голос, который Мрак сразу назвал деревянным, словно бы потеплел. Олег превратился в слух, впитывал премудрость, которая старше премудрости богов, а грубый Мрак брякнул:

– Ага, понятно... А свиньи, значит, помогают.

Олег зашипел в ярости, а дуб пояснил:

– Это и есть цель. Достижение Наивысшего Счастья.

– Цель – выбрызгивать желуди? – переспросил Мрак.

– Да. Нет выше радости, когда эти семена зарождаются, медленно наливаются жизнью, зреют, крепчают, обрастают скорлупой, обретают тот восхитительный цвет, который вы зовете золотым. Выше этого Счастья бывает только тот ослепительный миг, когда желуди наконец покидают лоно...

– Понятно, – прорычал Мрак. – Значит, это и есть ваше Высшее Счастье. Спасибо, ты меня вразумил!

Он отступил, поймал Таргитая за руку, насильно оттащил к месту, где тот оставил от барсука груды костей, а теперь взялся еще и за кабанчика.

Таргитай нерешительно противился:

– Ты чего? Олег там всякие тайны вызнает, мудрость черпает.

– Тебе только такой мудрости недостает!

– А что? Ты ж сам говоришь, что я дурной. Вот и стал бы умным!

– Не надо, – ответил Мрак. – Ты уже умнее, чем сто тысяч этих деревьев.

Он подобрал секиру, бросил в лицо Таргитаю его мешок. Дударь вытаращил глаза, но надел, посмотрел по сторонам:

– Неужто уходим?

– Олега захватим, а то начнет желуди...

– Есть?

– Хуже! Ронять.

Олег вяло противился, но Таргитай ухватил его с одной стороны, Мрак с другой, потащили, поволокли, а когда до Олега наконец дошло, что друзья неумолимы, он высвободился и пошел в сторонке, злой и насуспенный, брови сдвинуты, весь еще там, в странном мире, когда не было ни людей, ни даже богов.

Мрак наконец поинтересовался с угрюмой издевкой:

– Ну и что узнал великого?

Олег двигался как во сне, лишь по выработанной привычке перескакивал валежины или подныривал под нависающими деревьями, не расшибая лба. Ответил замедленно, голос дрожал и колебался:

— Узнал?.. Узнал, каким был мир, как пришел Великий Лед, как надвигался, сокрушая все на своем пути, даже горы и скалы, как наконец остановился и стоял так... долго. А потом начал медленно отступать, оставляя после себя Великое Болото... И как потом мучительно медленно эта бесконечная хлябь высыхала, из ржаво-болотной воды высывались первые островки грязи... как на них появлялась трава, затем кусты, а как венец всему — деревья!..

Таргитай молчал, представляя странный и удивительный мир, а Мрак спросил с той же угрюмой нетерпеливостью:

— Ну и к чему это?

— Мрак, это знание о прошлом мире...

— Ну и что? Ты мне скажи, как сейчас жить правильно? Чтобы всякие там упыри не заставляли наших женщин икру метать или яйца откладывать?

Олег смотрел на простого, даже очень простого оборотня почти что с брезгливой жалостью:

— Мрак, ты просто не способен понять... не способен прочувствовать, что есть кто-то неизмеримо выше, мудрее... и что таким существам будет принадлежать право обладать миром. И даже если нашим женщинам велено будет метать жабью икру, то кто мы, чтобы судить и осуждать деяния неизмеримо высших существ, чья мудрость нам попросту недоступна? И чьи поступки оцениваем по своей дремучей логике?

— Ага, — согласился Мрак, он явно не слушал, нос подергивался, ловил запахи, а уши подрагивали. — Так, нам в ту сторону...

Олег спросил убито:

— Куда теперь?

— Из леса, — огрызнулся Мрак. — Пока что из леса!

— К свету, — добавил Таргитай мечтательно. — К солнышку. Мрак говорит, что я уже умный.

— Я это не сказал, — возразил Мрак. — Я только сказал, что ты умнее, чем сто тысяч этих дубов.

Олег шел задумчив и темен лицом. Мрак наконец спросил тревожно:

— Стряслось что-то?

— Да нет, ничего особенного...

— Не брешь, по морде зрю.

Олег поднял на него затуманенные глаза:

— Все те, которые в той деревушке, не идут из головы. Их жизнь, постоянный страх воды, без которой, однако, тоже не могут жить... Это жуткое испытание, чтобы навсегда... или хотя бы надолго выжечь солнцем связь с землей, лесом, деревьями. А мы ведь тоже все из Леса!

Мрак спросил настороженно:

— Ну и что?

— Из головы не идет услышанное как-то... Там, в нашей деревне. Кто-то, помню, сказал: «Хватит скитаться по свету, пора пускать корни...»

Таргитай вздрогнул, с испугом посматривал на Олега. Впереди вырос и быстро приблизился огромный выворотень, Таргитай едва успел

свернуть, вместе с Олегом обогнули с двух сторон, Мрак попросту перемахнул, а когда снова сошлись, Мрак рыкнул, ничуть не сбившись с дыхания:

— А я дома слышал другое: «озверел», «шерсть дыбом», «волосы поднялись на загривке»... Так что если у нас и есть родство с этими... то со зверями еще больше.

Оба услышали за спинами тяжелый вздох, мечтательный голос Таргитая:

— А меня мама называла птенчиком, укладывала в гнездышко...

— Вот видишь, — укорил Мрак умничающего волхва. — Выходит, мы в родстве со всеми. Так что бей без разбора, понял?

Таргитай взмолился:

— И долго я этого кабаненка нести буду?

Мрак посмотрел на небо, солнце все еще пробивается через листву сверху, но в оранжевых лучах появился красноватый оттенок, что сулило скорый закат.

— Привал, — решил он. — Вот и ручеек, вода чистая... На ночь рано, не радуйся, но хоть решим, куда теперь. Пока что главным было уйти от этих... подальше. Я уже вижу, какова их мудрость.

Олег поморщился от грубости оборотня, зверь и есть зверь, но чтобы не спорить, взялся за поросенка, в то время как Таргитай заученно сгребал щепки, драл бересту и возжигал огонь, занимаясь достойным бога делом.

Поросенка Олег опустил в холодную воду, распанахал от шеи, выпотрошил, вымыл. Мрак одобрительно наблюдал, как волхв чуть-чуть подержал тушку в проточной воде, осторожно соскоблил ножом, чтобы с щетиной не слезла и кожа, опалил сухой травой. Подготовленное мясо быстро и ловко очистил от лишнего жира, костей и пленок, снова обмыл в ручье.

Таргитай взялся помочь, разрезал на куски, чтобы легче жарить. Олег поморщился, взял у Мрака нож с тяжелым, как у секиры, лезвием, начал с силой бить по широким ломтям. Тяжелое лезвие сплющивало толстый край, зато по другой половине Олег лишь слегка пошлепывал, словно подбадривал перед тем, как бросить на раскаленные камни. Таргитай понял, что Олег просто выравнивает отрезанные ломти мяса, чтобы стали одинаковыми по толщине.

Знарок кореньев и ароматных трав, он и не подумал развязать мешочек, где у него хранились травы горькие и сладкие, острые и жгучие, истолченные корни. Сам по себе поросенок был настолько нежен и сочен, что все травы могли только отбить его нежнейший вкус.

Он не давал стечь жиру, кожа зарумянилась, стала коричневой, пахла одуряюще, и у Таргитая потекла слюна, когда представил, как хрустит эта корочка, как из-под нее вырвется облачко пахучего пара, а сочная жижа потечет по пальцам.

— Готово, — сказал он умоляюще. — Давай есть!

— Рано, — сказал Олег непреклонно.

- Смотри, горит уже...
- Это не горит, жир капает.

Но усомнился, проколол мясо там, где потолще. Потекла кровь, он укоризненно оглянулся на Таргитая, постучал пальцем по лбу. Таргитай, в свою очередь, обидевшись, покрутил пальцем у виска. Мол, нашел кому верить.

Олег часто переворачивал, прокалывал, принюхивался. Аромат жареного мяса становился все мощнее, на боках начала образовываться розовая корочка, на глазах темнела, превращалась в коричневую, пузырьки вскипали и лопались, выпуская струйки одуряющего запаха. Наконец корочка стала вспучиваться, отслаиваться от мяса. Олег сказал с удовлетворением:

- Похоже, готово.

Мрак прорычал в одобрительном нетерпении:

— Какой ты волхв? Волхв — это тьфу!.. Их как собак нерезаных. А вот приготовить так поросенка кто сможет?

- Даже ты не сумеешь? — спросил Таргитай недоверчиво.

— Клянусь, — сказал Мрак искренне. — Я, бывает, задумаюсь о чем... нет, не о высоком, даже совсем наоборот, не о таком уж и... глядь, а поросенка уже нет. Один хвост торчит из пасти, ноздри щекочет.

Таргитай, не слушая, ухватил ломоть побольше, взвизгнул, перебрал на другую ладонь, оттуда обратно, коричневая корка треснула, брызнул горячий пахучий сок, Таргитай вскрикнул дурным голосом, отшатнулся, тряся обеими руками, мясо упало в золу.

— Ничего, — утешил Мрак, — солоней будет. Какой-то из тебя бог захудалый... Огня боишься, поесть любишь, муравьи тебя кусают, Сидоров петух и тот набросился. А ты даже не пнул!

- Не пнул, — виновато согласился Таргитай.
- Вот видишь! Смирного бога даже петух бьет.

Олег, который и раньше не набрасывался на еду, на этот раз, к ужасу Таргитая, вовсе не притронулся к зажаренному им же поросенку, словно уже мечтал питаться соками, как мудрые и даже очень мудрые дедья.

— Я все равно не убежден, — проговорил Олег под шумное чавканье Таргитая и хруст костей под зубами Мрака. В обычно мягком голосе волхва слышалась твердость камня. — Дубы мудрые?.. Мудрые!.. Мы просто чего-то не поняли. Может быть, высшая мудрость и состоит в том, чтобы вот так жить, существовать? А мы по своей тупости, дурости и невежеству просто не поняли. А раз не поняли, значит, наплевали и посмеялись. Дураки всегда смеются над мудрецами, потому что не понимают.

Таргитай пробовал слушать, но где-то со второго слова мысли ушли далеко, косые солнечные лучи так странно и красиво падают через зеленую листву, по земле бегают призрачные тени, а серо-коричневые стволы деревьев стоят мудро-невозмутимо, смотрят как на играющих ребяташек...

Когда от поросенка осталось несколько обглоданных костей, он вытер пальцы о траву, вытащил дуду. В мелодии начал проявляться этот постоянно меняющийся мир, это ласковое солнышко, зеленые ветви, птички в стаях, белка на ветвях, вереница муравьев, идущих на новое место поселения...

Мрак сказал неожиданно:

– Вот видишь!

– Что? – не понял Олег.

– Таргитай то же самое говорит!

Олег прислушался, но слышны были только сильные звуки дудки, словно Таргитай выдувал через нее сопли. Пожал плечами:

– Ну, тебе есть на кого ссылаться.

– Ладно, – бросил Мрак с досадой, – убедили тебя дубы или нет... но с ними повидались, с Верховным Дубом переговорили. Мудрый он или слишком мудрый, но власть загребет себе, всем дубам. Ты как хошь, а мы с Таргитаем простые и не шибко умные, так что власть над миром всяким там дубам отдавать не согласны. Даже если они в сто раз умнее.

Олег сказал с тоской:

– В сто?.. Скажи: в сотни сотен тысяч раз, и то не скажешь тысячной доли!.. Это истинная Мудрость! Высшая!

Мрак скалил зубы, а Таргитай спросил наивно и жалобно, он не любил споров:

– Олег, но их же едят... свиньи?

Олег помолчал, долго хмурил лоб, наконец сказал неуверенно:

– Но, может быть, в этом как раз и есть Высшая Правда?..

– Какая? – спросил Таргитай жалобно.

– Ну... – Чувствовалось, что ответить нечего, но Таргитай, в отличие от Мрака, пытается его понять, поддержать, и Олег выдавил: – Скажем, Низшие должны уступать Высшим.

Рядом злобно заржало, словно в лесных дебрях очутился большой могучий жеребец. Таргитай хлопал глазами, переспросил непонимающе:

– Это мы... низшие?

– В сравнении с дубами, – пояснил Олег и добавил торопливо: – Если же рядом, скажем, с муравьями или бабочками, то мы умнее! Они рядом с нами – низшие.

Мрак встал, по его непреклонному виду оба поняли, что передышке конец. Олег спросил взглядом, куда теперь, Мрак также взглядом ответил, что под лежащий камень вода не течет, а на который катится – мох не нарастает. И такой камень обязательно напорется по дороге на упырей или другую дрянь, ее везде вдосталь, как напоролись на ах какие мудрые деревья.

Его как ветром унесло вперед, Таргитай, как обычно, плелся, подобно козе на веревке, в хвосте, но потом Олег услышал, как сзади догоняют торопливые шаги дударя, радостный голос прокричал на ухо:

— Олег, а я не бью муравьев! И даже бабочек не трогаю.

Он сжал челюсти, но решил молчать, не ввязываться в объяснения дураку, сам дураком станешь, а то и обгонишь.

Впереди, между деревьями, мелькала широкая спина в волчьей шкуре. А когда исчезала, оба могли ощутить, куда унесся оборотень, по приямтой траве, сдвинутой ветви куста, вскрикнувшей птахе, даже по запаху, едва заметному, но так отличающемуся от стойких, неизменяемых запахов дремучего леса.

ГЛАВА 16

Они выскочили на открытое место, где солнце, хоть и висело уж над вершинами далеких деревьев, прыгнуло им на головы и плечи с собачьим азартом, накалило, словно спешило остаток теплых осенних дней вогнать в один час...

Таргитай на бегу засматривался то на синее небо, то высматривал норки сусликов, всего раз запнулся о человеческий череп и растянулся, а так бежал рядом с Мраком, не отставал. Олег двигался сосредоточенный, все еще хмурый, на друзей смотреть избегал.

По небу проплывали кучерявые облака, меняли форму, превращались то в диковинные терема, то в страшных грифонов. Таргитай сказал мечтательно:

— А вон по небу вараны летят!

— Осень, вот и летят, — пробурчал Мрак.

Прокаленная на солнце земля гудела под сапогами. Деревья стояли редко, солнце прожгло землю так, что трава пожухла, скукожилась, а поджарые и злые муравьи шныряли с такой скоростью, словно бегали по раскаленной сковороде.

Таргитай на бегу вытер лоб, сказал мечтательно:

— Хороший бы дождик... все бы полезло из земли...

Мрак метнул сердитый взгляд:

— Типун тебе на язык, дурень! Ну вылезут... Опять со всеми драться?

Он не видел изумленного взгляда Олега. Оборотень впервые признался, что ему не хочется драться. А раньше просто искал повод. Однажды, когда шли через пустыню и подрались было не с кем, от тоски предлагал Таргитаю пряник, только бы разок дать в ухо.

«Со всеми нами что-то происходит, — подумал Олег мрачно. — Другие за жизнь не узнают того, что мы испытали и перенесли за время, как вышли из Леса».

А Таргитай, пытаясь отогнать мысли о жаре и комарах, представил себе, как идет по глубокому снегу, как холодный ветер морозит лицо. Как бежит, разбрасывая снег, задевает ветки, а с деревьев падают огромные комья, способные сшибить на лету озябшую ворону...

Он замычал от тоски. Передернул плечами. Мрак спросил подозрительно:

— Что с тобой?

— Зз-з-заю...

— Что? — переспросил Мрак ошарашенно.

— Замерз, говорю, — ответил Таргитай, зубы его лязгнули. — Вспомнил, как через Лес бежали зимой наперегонки...

Мрак сплюнул, бросил Олегу:

— Стань между мной и этим... богом. А то зашибу. Не посмотрю, что он — надежда человечества.

Олег посмотрел на Таргитая, тот тащился несчастный, повесив голову, подумал, что надежда человечества довольно жалкая. Но заменить ее пока нечем.

— Это воображение, Мрак, — объяснил он. — Чтобы заклятие сработало... или песня... надо очень точно и ярко представить...

Мрак зарычал в бешенстве, ускорил шаг. Один дурак, второй — зануда. Непонятно, что хуже: слушать дурацкие речи или же умные. Где-то они сходятся.

Земля медленно, незаметно словно бы пошла вверх. Это был еще не косогор, но гигантская плита. Одним краем в конце концов упрется в небо, так вообразил себе Таргитай и сразу же начал слагать песню о том, как люди начали ходить в эти заоблачные выси, проникать в вирий, в свой и чужие, проводывали давно померших родителей, общались с богами и мир стал лучше, справедливее, никто никого не обижал и не гонял, как гоняет их жестокий Мрак...

— А Мрак, — сказал он вслух, — скоро что-нибудь собьет вкусное... Толстого молодого гуся или хотя бы пару уток...

Мрак услышал, переспросил ядовито:

— Пару? А харя не треснет?

— Ну, Мрак... тебе что, жалко?.. Я и то как-то одной стрелой сразу шесть уток...

Мрак кивнул, не удивился, а Олег спросил недоверчиво:

— Одной стрелой? Не может быть.

— Может, — сказал Таргитай. — Я попал в утиное гнездо.

Олег подумал, сказал еще увереннее:

— Врешь. Утка кладет не больше пяти яиц.

Мрак, не слушая их, шел все медленнее. На него поглядывали с недоумением, потом Олег по своей вечной настороженности первым заметил разлитую тревогу в мире. Не пели птицы, в траве не трещали кузнечики. Деревья тихие, только изредка с какого срывается прогнивший сук.

Олегу наконец почудилось, что земля слегка вздрагивает. Или даже не вздрагивает, но ей как-то беспокойно, не спит.

Исполинский каменный пласт, по которому двигались полдня, наконец-то оборвался задорно вздыбленным гребешком, словно плиту остановили молодецким ударом в зубы. Таргитай раньше всех выбежал к краю, ахнул, но руками не замахал, не опасно, так что Мрак и Олег поднялись к нему неспешно.

Внизу, в близкой долине, ровными квадратами шла конница. Всадники блестя доспехами, конская сбруя разбрасывала солнечные зайчики. Следом выступали пешие, все при щитах, многие даже в железных

шапках, а позади огромного войска, что заполонило долину, огромные толстые кони тащили катапульты и баллисты. Высокие колеса скрипели. Погружались в землю чуть ли не по обода, но кони шли мощно и упорно, не задерживались, как грозно и неотвратимо выступало все войско.

— Вот это сила, — проговорил наконец Мрак медленно. Его зоркие волчьи глаза успели окинуть все войско разом, теперь придирчиво осматривали каждого всадника, каждого пешего ратника, щупали толстые ремни на катапультах. — Да, ребята изготовились к бою всерьез... Похоже, это как раз то, что нам надо.

— А что нам надо? — спросил Таргитай.

— Нам надо Перо для людей, — ответил за Мрака Олег, — только я не уверен, что это подготовленное войско что-то сможет.

Мрак возразил:

— Да ты погляди! Они рождены для битв. Я вижу их лица. Они прямо полыхают ненавистью. Воеводы, что вон впереди, все в шрамах, у одного нос перебит, у другого бровь рассечена, у третьего скулу снесли напрочь... Видишь?

— Не вижу, — огрызнулся Олег. — У меня внутреннее зрение сильнее, понял?

— А что хорошего смотреть во внутренности? — искренне удивился Мрак.

Удалось спуститься по крутому косоугору ниже, теперь и Олег рассмотрел, что впереди войска движется, блестя доспехами, тяжелая конница на рослых конях. Таких он не встречал в весях, где пашут землю и растят хлеб. Эти кони огромные, холеные, покрыты дорогими попонами, а всадники покачиваются в седлах непростые, очень непростые...

Мрак смерил их придирчивым взглядом. Все как на подбор широкие и тяжелые, но по осанке видно, что их руки привыкли держать мечи и боевые топоры, а вовсе не соху или борону.

Впереди показалась небольшая речушка, конница набрала разгон, брызги взметнулись, как прозрачные лебединые крылья, донесся свист, крик, конское ржание. Вслед за конницей в воду бросились пешие. А кони тем временем выбрались на тот берег. Там в три ряда тянулись аккуратные сельские домики, за ними зеленели сады, а еще дальше, до самого леса, шли широкие поля.

— Да, это настоящие воины, — сказал Мрак с угрюмым одобрением. — Эти годятся...

— Для битвы с лешими? — спросил Таргитай наивно.

— Да со всеми, — ответил Мрак. Он вытянул шею, посмотрел вниз. — Тут не спуститься, круто... А вот сбоку есть тропка. Пошли!

Не оглядываясь, он скакнул в сторону, побежал вдоль гребня, а потом разом ухнул вниз по такой крутизне, что даже бесстрашный Таргитай ахнул, засомневался, Олег начал спускаться осторожно, почти ехал на спине, хватался за все камни, деревца, даже за траву, чтобы не очутиться внизу быстрее, чем хотел.

Все же здесь была тропка, хотя вряд ли по ней кто-то бегал хоть вверх, хоть вниз, окромя шального оборотня. Олег и Таргитай спускались быстро, почти съезжали, мимо мелькали острые выступы камней, чахлые деревца. Таргитай одно время катился вовсе с березкой в руке, несчастная вздумала укрепиться в расщелине между камнями, туда ветром и дождями нанесло малость земли, но ее ветки были разве что для бабочек, а Таргитай не походил ни на бабочку, ни на стрекозку, ни даже на зайчика.

Олег одной рукой ухватился за острый выступ, другой успел цапнуть Таргитая за шиворот, едва не разодрался надвое, но мышцы устояли, хотя что-то трещало и рвалось в жилах, даже стало горячо, зато Таргитай как жаба распластался рядом, глаза дикие:

— Я ж только что был наверху!

— Лезь наверх и слезь правильно, — сказал Олег зло, но когда Таргитай послушно дернулся кверху, с досадой остановил: — Ладно, там этот чертов зверь уже рычит! Пойдем, а то покусает.

— Мрак? — удивился Таргитай ему в спину. — Мрак покусает?

Второй раз Олег его поймал, когда до подножия осталось не больше сотни шагов, а в третий просто посторонился, и Таргитай с разгону выкатился на ровную землю с остатками чахлой травы, ударив сзади под колени Мрака.

Оборотень зарычал, едва удержавшись на ногах, но даже не оглянулся. Небольшая река впереди покраснела от крови и заметно вышла из берегов. В ней старались утопить всех, кого не брали в полон, а таких было большинство. С берега красную, как закат, реку подсвечивали горящие дома. Свирепый огонь срывал крыши, уносил в небо клочья соломы, с треском расщелкивал целые бревна в стенах. Ревел скот, лишь немногих поспешно гнали к воде, остальных торопливо закалывали, как закололи пастухов и немногочисленную охрану.

Всадники с гиком набросились на виноградники, проскакали вглубь, а следом набежали пешие, рубили лозу, пытались поджечь, а другие с натугой подтаскивали трупы людей и животных к колодцам, с трудом переваливали через сруб, с облегчением плевали вслед, тут же бросались дальше рубить, крушить и уничтожать.

Брали, как заметил Мрак, лишь самое ценное и легкое, остальное жгли, рубили, бросали в колодцы. Уцелевших сгоняли в кучу, детей торопливо забирали, остальных рубили на месте, разве что выхватили нескольких молодых девок.

Олег, тяжело дыша, остановился за спиной оборотня. Мрак в злобном разочаровании оскалил волчьи клыки:

— Что я за дурак...

— Мы все не шибко умные, — проговорил Олег тупо.

— Да ты что, ты волхв... Тебе можно быть дураком, лишь бы оставался мудрым. Но я ж не волхв, я хожу по земле... И поверил!

— Во что?

— Что эти могут вместе с нами двинуться на леших. Или упырей. Но эти герои вроде бы в полон сгоняют не совсем леших!.. Разве что те личины так хитро надели?

Олег проговорил с тоской:

— Какие личины!.. Какие лешие!.. Они напали на таких же людей!

Таргитай кое-как поднялся, повздыхал, но явно не над своими ссадинами, его синие глаза чисто и доверчиво смотрели на страшную резню и разгром. Кулаки сжимались и разжимались. Мрак вздохнул:

— Да, это как раз люди. Что им какие-то лешие, власть над миром? Главное, чтобы у соседа корова сдохла.

Он качнулся и тяжело зашагал в сторону реки. Олег беспомощно оглянулся на Таргитая, бегом догнал:

— Не ходи. Ты сейчас злой, у тебя вон шерсть на загривке то волчья, то человечья, а то вовсе черт знает чья... Лучше я, я спокойный, могу говорить рассудительно...

Большая часть войска была на другом берегу, но ряд всадников оставались здесь, заметили, коротко переговорили между собой, трое мигом развернули коней и понеслись в сторону невра. Передний выставил перед собой короткую пику, два других подняли над головами топоры и неслись молча, нацеленно, без визга и угрожающих воплей.

Олег закричал:

— Мы не враги!.. Не надо...

Всадник на полном скаку ударил копьём. Похоже, он даже не успел понять, что за сила выбросила его из седла, а Олег, уже с его пикой в руках, развернулся к двоим с топорами. Те умело и быстро наскочили с двух сторон, на солнце блеснули отточенные лезвия. Олег что-то кричал, уговаривал, убеждал, но вынужденно отмахивался. А Мрак дождался Таргитая, сказал со злым удовлетворением:

— Так его... А то больно мудрый.

— Не слушают, — печально сказал Таргитай.

— А он нас слушает? — удивился Мрак.

Когда третий вылетел из седла и грохнулся навзничь с такой силой, что остался в пыли недвижим, Олег горестно опустил пику:

— Ну что за жизнь, когда все вот так сразу в драку?.. Как с людьми разговаривать, убеждать, доказывать?

— Разве в твоих руках не доказательство? — удивился Мрак.

— Вот это?

— Ты прав, секира лучше.

Двое отползали, за одним нога волочилась, неестественно вывернутая, кони с опустевшими седлами отбежали в сторону и стояли, тяжело поводя боками.

В большой группе всадников заметили неладное, поднялся крик. Несколько человек начали разворачивать разгоряченных коней. Те дико ржали, вставали на дыбки и молотили воздух копытами. Мрак насчитал двенадцать воинов, что понеслись в их сторону.

— Может быть, хоть эти, — сказал Олег с надеждой.

— Что? — не понял Мрак.

— Хоть эти начнут разговаривать.

— Сдурел, — удивился Мрак. — Таких, которые умеют, в армию не берут. Да и сами не больно рвутся.

Олег вздохнул и расставил ноги на ширину плеч, перехватил пику поудобнее для долгого и нелепого боя. Добрый Таргитай, жалея Олега, встал от него справа и, когда всадники налетели так же молча и страшно, первым вышиб из седла красивого и сильного, развернулся и снес второго.

Мрак вытер с лица горячее и мокрое, поморщился: дурак меры не знает, зря силы тратит, лупит так, будто скалы ломает, а не колотит голы, что по крепости уступают даже глиняным горшкам...

Когда от двенадцати остался один, невры увидели, как этот уцелевший заставил коня попятиться, что вызвало у Олега радостный вздох, а у Мрака скептическую ухмылку — хоть один понял. Все понимают, когда рога сшибут да по голове шарahnут.

Всадник помчался к основному войску, но оттуда и так уже двинулась целая масса конных, на этот раз впереди скакали два старых воина в богатых одеждах, которых Мрак счел воеводами. Обгоняя их, вперед вырвались, склонившись к конским гривам, всадники на тяжелых конях, в добротных доспехах, а впереди свирепо блестили широкие наконечники копий.

Мрак посерьезнел, отодвинул изгоев и вышел навстречу. Они видели, как напряглись и распустились мышцы на спине и плечах, а руки раздвинулись в стороны и замерли в ожидании, когда неуловимый миг отделяет жизнь от смерти в виде пронзающего тело острого железа, что рвет внутренности, ослепляет болью.

На него налетели сразу трое. Мрак кольхнулся, как тонкое деревце под ударами ветра, исчез, изгой видели только размытые движения, но два седла разом опустели, в одном возник Мрак, уже со страшно вскинутой секирой. Тут на них самих налетели, впервые к грохоту копыт примешались яростные крики, ругань, и Олег вынужденно заметался из стороны в сторону, защищаясь от ударов. От этой защиты пустели седла, он сам оказался в седле и частичкой сознания со стыдом понял, что, как всегда, подражает грубому, недалекому Мраку, ибо тот живет среди таких же грубых и простых людей и знает, что делать, а вот он, Олег...

На одном коне, белом и красивом жеребце с огненными глазами, уже вертелся Таргитай и размахивал огромной булавой. Вокруг него возникал простор, ибо певец часто попадал и по коням, те жалобно кричали и катились в дорожную пыль, как брошенные с размаху камешки.

Воеводы остановились на возвышении, молча наблюдали за схваткой. К ним подъехали лучники, встали в три ряда. У каждого за спиной белел широкий колчан из бересты, полный длинных оперенных стрел, луки тоже длинные, почти в человеческий рост.

Мрак наконец взревел страшно и зло. Предплечье оросилось красным, Олег подал своего коня в его сторону, вдруг да оборотню нужна помощь, но Мрак зло оскалил зубы, раненой рукой схватил одного несчастного и поднял в воздух. Вопль прервался зловещим хрустом костей. Воин обмяк и повис, как мокрая тряпка, а Мрак мощно швырнул его, едва не свалив коня, в сторону холма с воеводами.

— Опять деремся! — вскричал Таргитай горестно. — Когда же это кончится!

— Никогда! — рявкнул Мрак окрыленно.

— Правда?

— А что мы — жабы?

— Жабы тоже бьются! — крикнул Олег.

— Вот видишь, — сказал Мрак. — Даже жабы...

— Но мы ж не жабы, — сказал Олег с тоской. — Мы не жабы!

Судя по лицу Мрака, он хотел сказать, что тем более будут драться, кусаться, рвать зубами, но от холма раздался тягучий хриплый вой боевого рога. Уцелевшие всадники начали подавать коней назад, на земле бились раненые, сновали и сипло ругались сорванными голосами люди, уже не страшные, уже раздавленные и униженные, брошенные в пыль и кровь.

Мрак со злой гордостью оглядел изгоев. Ни тот ни другой не хотели драться, но вокруг них убитых и покалеченных не меньше, чем вокруг его коня, теперь уже его. Сами забрызганы кровью, конские бока в красных потеках, копыта скользят в темно-красных лужах, но уже и кони пугливо слушаются новых седоков, и сами изгой даже не очень запыхались.

Он нагнулся, подхватил широкий щит, швырнул Олегу, второй бросил Таргिताю, оба поймали на лету, даже не шелохнулись, выбрал и себе.

— Готовятся стрелами... Будьте начеку.

Олег и Таргитай укрыли себя со стороны холма щитами. У Олега в руке копьё, которым он умеет бить и острием, и тупым концом, и даже серединой, а Таргитай подбрасывает булаву, не слишком высоко, чтобы не остаться без оружия даже на миг, ловит и лихо вертит в пальцах, любясь творением умелого кузнеца.

Лучники раздвинулись, давая дорогу воеводам. Оба поехали медленно, стремя в стремя. Невры ждали молча, Олег попытался встретить их первым, но Мрак ткнул своего жеребца в бок, тот оттеснил коня волхва.

Не доезжая шагов пяти, воеводы остановились. Первый помолчал, суровый и неподвижный, негры тоже молчали, хотя Олег порывался начать разговор, но Мраку виднее.

— Вы не урюпинцы, — сказал наконец воевода.

ГЛАВА 17

— И не жаворонки, — ответил Мрак. — И не рыбы. Отец, тебе придется долго перечислять, кто мы «не». Вы чего такие злые? Идем себе, птичек слушаем, кузнечиков шугаем, никого не трогаем. И тут на тебе: бегут, кричат, топчут...

Воеводы переглянулись, второй смолчал, а первый сказал тем же тяжелым голосом:

— Вы трое странствующих героев?

— Разве герои гуси, — усомнился Мрак, — чтобы ходить стаями?

Воевода осмотрел Олега и Таргитая, оба чувствовали его цепкий взор, но вроде не совсем слуги, зачем оставаться в челяди, если в этом мире человека больше ценят за молодецкий удар по голове другого человека...

— Вы герои, — сказал воевода уже увереннее, — только для вашей тайной цели вам надо...

Крик, который нарастал издалека, заставил его прервать речь. Второй воевода уже развернул коня. Из-за леса неслась тяжелая конница, во главе мчался на легком коне человек с боевым прапором. Ветер рвал и трепал полотнище, рот всадника был разинут в беззвучном крике. Конница, что мчалась за ним, выплескивалась и выливалась мрачными тяжелыми волнами.

Налетчики поспешно выстраивались для обороны, но было видно, что их либо сметут, как спелые колосья, либо изрубят в коротком бою, после чего помчатся освобождать полон. А легкие всадники уже торопливо угоняли захваченный скот и пленных, а тех, кто отставал, нещадно убивали.

Воевода повернулся всем телом к изгоям, голос был тяжелым:

— Вам лучше уйти с нами.

— Почему? — спросил Мрак.

— А что вы скажете урюпинцам?

Таргитай еще не понимал, Олег поморщился, как от боли в груди. Те, которые освобождают свой полон, видят их троих беседующими с этими воеводами и тоже бросятся на них со всей справедливой яростью, как на напавших.

— Черт бы вас побрал, — сказал Мрак с досадой. — Нам что вы, что они с вашей муравьиной возней... Ладно, нам что-то надоели эти драки.

Воевода кивнул понимающе:

— Да, героям пристало драться только с себе подобными.

Без охоты поехали за ним следом, а сзади был грохот сражения, лязг железа, крики, дикое конское ржанье, тяжелые удары, будто на землю рушились целые скалы.

На дороге лежали в лужах крови женщины и молодые парни. Стариков не было, тех порубили еще в селении, теперь кони боязливо фыркали и осторожно переступали через теплые еще тела, которые в спешке не успели сбросить на обочину.

Передний отряд преследовали до реки, там был яростный бой. Половина напавших погибла, когда отступала через узкий брод. Река вздулась и покраснела от потоков крови, вниз понесло трупы, но еще больше убитых, скованных тяжелыми доспехами, сразу уходило на дно, запруживало узкое русло, и тяжелые красные волны начали накатывать на берег все дальше и дальше. Люди дрались по колена в крови, падали изрубленные в эту кровь и сами истекали ею, смешивая свою кровь с кровью друзей и врагов.

Мрак поворачивался в седле, оглядывался с одобрением:

— Люто бьются!.. Как есть люто. Кто эти урюпинцы?

Воевода бросил зло:

— Неужто не знаешь?

— Не довелось, — скромно признался Мрак.

— Черт, откуда же вы такие? Все знают... или должны знать... урюпинцы — это самый подлый и негодный народ. Их земли начинаются прямо за рекой, и мы иногда пускаем им кровь, да они слишком укрепляются... Правда, наших гибнет немало, но пока там отстроятся, снова засеют, посадят, у нас будет время укрепиться малость.

По обе стороны дороги торчали обгоревшие пни, кое-где из обгорелых груд камней выглядывали трубы, что означало боярские хоромы, все-таки простой люд, даже богатый, топит по-черному. Далеко виднелась группа мужиков, что на пепелище возводили венец новой хаты.

Олег догнал, поинтересовался:

— Они тоже совершают набеги?

Воевода поморщился:

— Река мелкая, за всеми бродами уследить не удастся. Неделю назад урюпинцы перешли ночью, смяли наш дозор, всех в побережных деревнях вырезали, порубили. Может быть, кого-то успели увести. Хотя вряд ли, наши собрались с силами быстро.

— Лютая война, — согласился Мрак. — За что?

Воевода поморщился:

— Я человек военный, мое дело готовить войско и водить в бой. Но, видать, повод был немалый, раз столько крови льется.

— А кто знает?

Воевода чуть привстал в стременах:

— Вон впереди человек в белом, зришь?.. Это походный волхв и колдун. Говорят, мудрее его нет на свете. Он знает все и даже то, чего на свете нет. Спроси, он сам не лечит, его лекари поврачуют раненых, а он будет рад поговорить с героями.

Мрак повернулся к Олегу:

— Видишь, какой у них волхв?

— Какой? — буркнул Олег.

— Рад поговорить с героями!

— Это волхв? — усомнился Олег. — Да еще мудрый?

Волхв был очень стар, но даже в этом дряхлом с виду пне чувствовался в далеком прошлом бывалый боец. Даже сейчас плечи остались широки, хотя теперь кости торчали так, что едва не протыкали кожу вместе с белым полотном. Седые волосы падали красивыми серебряными волнами на плечи, а длинную бороду заправил за пояс, тоже не простой, а украшенный железными бляшками. Мрак даже заметил дырочки от колец для швыряльных ножей.

Олег почувствовал, как острый взгляд пронзил его, как яркий солнечный луч пронзает лист, когда становятся видны все жилки и даже движение сока.

— Вы не совсем люди, — проговорил старик скрипучим голосом, в котором Мрак все же уловил далекие отзвуки воинских призывов, что

перекрывали шум битвы, рев разъяренного тура, даже слышал лязг железа о железо. — Как давно я не зрел таких странных людей из леса...

Мрак сказал пораженно:

— Батя, ты прямо в душу смотришь!

А Олег даже отшатнулся:

— Мы прошли весь мир, но никто не сказал нам... из людей, что мы не такие, что мы из Леса. Ты в самом деле мудрей всех, нами виданных.

Волхву, наверное, почудилось умаление его достоинства, проворчал:

— Я не думаю, что вы видели много.

Мрак ощутил, что плечи сами расправляются гордо: повидать пришлось немало, но внезапно в груди кольнуло острым — придется ли повидать больше? Числобог сказал, что его ниточка вот-вот прервется... А он вместо того, чтобы мчаться хотя бы успеть увидеть перед смертью ту, ради которой подставил под отравленное лезвие свою грудь...

Он шумно вздохнул:

— Ты прав, отец. Видели мы мало, а успеем увидеть еще меньше. Что у вас за царство, с кем воюете?.. Я вижу, у вас есть на нас виды, но и у нас, скажу честно, на вас тоже есть.

Старый волхв продолжал всматриваться в них пристально и недоверчиво. Воевода спросил нетерпеливо:

— Из леса?.. Ну и что? Мы часто встречаем лесные деревушки.

— Это не такие...

— А чем они лучше?

— Они... другие.

— Чем?

— Пралюди, — ответил волхв замедленно. — Были такие люди, не от Адама и Евы, а от Адама и его первой жены Лилит... В них было много из того, чего нет в нас, детях благословенной Родом пары. А потом и во все... Когда Род наслал Великий потоп, ибо снова был недоволен творением своих рук, часть тех первых людей, их звали неврами, переждали эти страшные сорок дней в пещерах, закрыв входы камнями, а другие в личине волков-оборотней пробрались на ковчег...

Воевода попятился, смотрел на троих уstraшенными глазами:

— Так что же... они не люди?

Волхв развел руками:

— Теперь уже не узнать... Когда в эти северные края пришел величайший из старых героев Яфет... да, тот самый, который башню до неба, дабы сразиться с самим Родом, то привел свой род, детей и челядь... В этих дремучих лесах он и встретил неврам... Был бой или нет, память не сохранила... но говорят, что кто-то из рода Яфета все же с этими неврами... Словом, теперь на свете есть люди, что пошли от Яфета, и есть те, что от той помеси. Ну, полулюди-полуневры... Говорят, остались где-то и совсем чистые негры, но это уж враки.

Голос его дрогнул, а воевода поспешно сделал рукой жест, отгоняющий колдовские чары:

— Чур нас!.. Мы-то, надеюсь, ведем свой род только от благородного Яфета?

Волхв сказал успокаивающе:

— Все в Гиперборее ведут род от Яфета. Ну, разве что какие-то племена полукровок и сохранились где-то в лесах, то уже выродились. Их постепенно находят и истребляют. Не со зла, а так... Простой народ всегда страшится тех, кто что-то умеет больше.

Воевода вздохнул с облегчением. Олег поглядывал на Мрака предостерегающе, не брякнул бы, что они не какие-то полукровки, а самые что ни есть невры, но Мрак, в свою очередь, посмотрел на Таргитая, однако дударь не слушал умные речи, а зачарованно рассматривал блестящие доспехи, яркие красные попоны на конях, уздечки с медными бляшками, начищенными так, что глазам больно.

Примчались двое всадников, что-то прокричали воеводе. Тот отмахнулся, тех унесло как ветром, но с собой захватили почти всех конников, оставив с чужаками только троих, не считая воеводы и старого волхва.

Олег поерзал в седле. Новенькая кожа звонко поскрипывала, пахло свежим потом. Тягостное чувство, что говорят и делают не то, усиливалось, наконец он вмешался:

— Простите, что прерываю важный разговор о наших истоках... Но что за страшная битва с теми несчастными урюпинцами? Что случилось?

Старый волхв взглянул на воеводу. Тот раздвинул плечи, грудь сама выгнулась вперед, а голос сразу стал злым и хриплым от ненависти:

— Там, за рекой, худший из всех людей на свете!

— Да?

— Там владения Вернигоры, нашего извечного противника, да будет проклят его род вовеки и всегда, а все его предки перевернутся в гробах!

Олег поспешно согласился:

— Да, у вас, вероятно, веские основания...

— За рекой, — прорычал воевода, — начинаются земли тупого и жадного человека. Волей случая, а не по уму или доблести ставшего правителем. Вернигора силен, кто спорит, но глуп, как дятел, давно бы уже пустил царство по ветру, если бы не его умелые воеводы... Еще у него есть близкий волхв, такой же тупой, что оскорбительно для этого рода занятий, ибо тупой волхв — оскорбление богов, но этот тупой как-то наловчился двум-трем закланиям, ну пусть полдюжине, но не больше!..

Мрак многозначительно посмотрел на Олега. Тот старательно не замечал оскорбительный взгляд оборотня, что, мол, он знает и еще большее оскорбление для богов, слушал и впитывал каждое слово престарелого волхва.

— Но если тот волхв туп, — сказал он осторожно, — значит...

Старый волхв ответил вместо воеводы:

— Если бы! Но бывает и такое, что в нашем деле мудрость значит не все. Этот тупой и невежественный волхв по недосмотру богов овладел очень мощными закланиями! Очень. Я знаю их больше трех сотен,

мне служат боги подводные, горные и множество вихрей и вихриков, но удерживаю напор Кичастого, так его зовут, только благодаря умению вязать тонкие нити заклятий. Пока рвет, я успеваю сплести новые. В конце концов он изнемогает и возвращается в свою башню... или подземную нору, я так и не знаю, где он обитает.

Он кивнул Олегу почти благожелательно, поймав его горячий взгляд, полный глубокого сочувствия. Таргитай смотрел на всех добрыми глазами и то совал руку за пазуху, то спешно выдергивал, напоровшись на предостерегающий взгляд Мрака.

Олег сказал осторожно:

— Но разве вы, как мудрейший, не знаете, что через девять дней спасенным миром будут владеть либо упыри, либо лешие, а то и вовсе горный народ или великаны?

Лицо старого волхва осветилось злой радостью:

— Знаю! Но как вы... Главное, что даже в случае нашего поражения от злобного Вернигоры ему с его волхвами недолго кататься как сыр в масле! Кто бы ни пришел к власти, Вернигору заставят потерять корону, богатства, а затем либо пасти жаб, либо копать руду в подземельях, где не бывает света... В любом случае ему это не понравится!

Он захохотал, Олег смотрел с отвращением.

— А что же все люди?

Старый волхв отмахнулся с раздраженным пренебрежением:

— Какие все? Что нам за дело до каких-то всех, когда вот уже триста лет... триста!.. идет тяжба с этим мерзавцем, этим... этим... нет на свете достаточно верных слов, чтобы выразить всю его гнусность, гнусность всего их рода, всех урюпинцев!

Мрак громыхнул:

— Ладно, но вас тоже заставят пасти жаб!

Волхв поморщился:

— Да, но когда я только подумаю, что жаб пасет и этот напыщенный дурак Кичастый, мне уже ничто не унизительно! Вы бы видели, как он носит свое одеяние волхва!.. В трех водах стирает, душистыми травами окуривает!.. Такого увидеть в болоте с ряской на ушах, в тине — нет выше радости!

Мрак первым насторожился, непонимающе оглядывался по сторонам, кружился на коне, как пес за собственным хвостом. Затем вдали послышались крики, у реки всадники бросились врассыпную.

Воевода взглянул вверх, выругался:

— Черт бы побрал!.. Когда успели? В лес, быстро!

Справа и слева загрохотали копыта. Всадники, пригнувшись к конским шеям, неслись во весь опор. Мрак крикнул, Олег и Таргитай послушно направили коней к лесу. Над головами нарастал странный рев. В спины толкнуло горячим воздухом, словно от горящего дома.

Оглянувшись на скаку, Таргитай увидел, как с неба падает широкая полоса огня, а вокруг разбегаются люди, кричат испуганные кони. Над

головами промелькнула огромная тень. Невероятно огромный Змей несся быстро и мощно, распластав кожистые крылья, а когда обогнал даже передних всадников и оказался перед стеной деревьев, быстро и часто забил крыльями, верхушки сосен пощекотали по странно белесому пузу, похожему на брюхо исполинской жабы.

Воевода закричал бешено:

— Рассыпаться во все стороны!..

Со всех сторон закричали сотники:

— Рассыпаться!

— В лес — поодиночке!

— В отряды не сбиваться!

— Встреча в лесу...

Змей поднялся ввысь, распластал крылья и снова, опустив одно крыло, а второе задрав наискось к небу, пошел по наклонной вниз. Таргитай как замороженный оглядывался на страшную полураскрытую пасть, даже видел, как чудовищная жаба набирает в грудь побольше воздуха, чтобы огненным дыханием настичь убегающих всадников.

Причудливо и красиво вспыхнули на солнце растопыренные крылья. Толстые жилы и кости выделялись темным, а сама кожа оказалась настолько тонкой, что лучи просветили крыло, как кленовый лист, видна каждая жилка, мутное желто-оранжевое пятно солнца поползло к краю крыла, красиво дробясь на блестящих когтях...

— Тарх! — донесся злой вопль Мрака. — Быстрее к лесу, дурак!

Таргитай вздрогнул, заставил коня перейти на галоп, но теперь уже спиной чувствовал, как огромный зверь быстро снижается, вот сзади снова закричали обожженные люди, оглянулся и вздрогнул от вида пылающих факелов на месте всадников, у коней горели гривы, рассыпая по ветру крохотные искры...

Змей выдохнул еще и еще, всякий раз попадая на всадников, а когда Таргитай оглянулся в третий раз, на него неслись по крутой дуге с небес, словно с горки, страшная оскаленная пасть и вытянутые лапы, в каждой из которых поместилось бы по корове...

Крылья Змей растопырил, закрыв ими чуть ли не половину поля, а за ним были огонь, крики, дикое ржанье.

Всадники, как всполоханные куры, рассыпались в разные стороны. Таргитай скакал к лесу, но конь несся по прямой, да и Таргитай не гнал его во весь опор и, постоянно оглядываясь на Змея, вдруг сообразил, что тот тоже заметил его, развернулся и уже держит цепкими глазами его, именно его!

ГЛАВА 18

Снижаясь, Змей пронесся еще над двумя всадниками, но не дунул огнем, явно уже не осталось, надо копить, но что огонь, когда у него такая пасть и такие когти... Впервые Таргитай ощутил, как от лица отхлынула кровь, он понял, что испугался. Не страшился смерти, по дурости, как говорил Мрак, но страшно стало не увидеть больше ни Мрака, ни Олега, ни весь этот мир...

— Тарх! — услышал он отчаянный крик Мрака. — Эти, которых он пожег... наверняка земледельцы!!!

Что-то кольнуло в сердце, он ощутил быстро наполняющий внутренности жар. Земледельцы... Люди, которых пожег огнем чудовищный Змей, пахнут землю, растят хлеб...

В двух сотнях шагов от Таргитая Мрак выругался, до скрипа стиснул кулаки, а Олег торопливо забормотал заклятие. Огромная, как скала, туша Змея на миг мелькнула в том месте, где блистал золотыми волосами дударь, крылья оттолкнулись от воздуха, задевая кончиками землю, с такой силой, что ударами ветра сбило с ног мужчин, а Змей уже тяжело поднимался, огромный и вытянутый, белесое пузо странно выделялось незащищенностью рядом с темно-зелеными шипами, что сползали со спины и боков, а на земле бился, пытаясь подняться, испуганный конь... Уже без всадника.

Мрак видел боковым зрением раскрытый в крике рот воеводы, тот торопил воинов под защиту леса, немногие добегут, видел горящую траву и почерневшую землю, но глаза его прикипели к лапам Змея. Все видели в огромных когтях человека, что поместился почти весь, по воздуху болтались только ноги да голова наружу, но лишь Мрак видел, как лицо Таргитая побагровело от усилий, глаза едва не лопнут, лапы сжимают его так, что вот-вот взорвется, как наполненный кровью пузырь...

Донесся крик воеводы:

— Все, он не вернется!.. Добычу взял, огонь выпустил весь!.. Все в дружину, в дружину!

Промчался сотник:

— Быстрее, пока урюпинцы не ударили!

Вокруг была суматоха, конский топот, крики. Мрак ухватил Олега за плечо, сжал:

— Умолкни.

— Мрак, там Тарх!

— Ты не умеешь, — сказал Мрак, в голосе оборотня было отчаяние. — Ты их обоих ахнешь к чертям собачьим... а то и половину этой страны в придачу.

— Но все равно Тарх...

— Он еще жив.

Олег умолк, ибо от его неумелых заклятий, Мрак прав, скорее всего, половина этой страны либо сгорит, либо обратится в лед, а чтобы выдернуть Таргитая из лап Змея целиком, а не по кускам, нужно умение настоящего чародея, а не самоучки...

Змей в самом деле улетал, потом голова его пошла вниз, он словно пытался сожрать добычу еще на лету, не дожидаясь возвращения, из-за чего потерял высоту, снова отчаянно захлопал крыльями, по земле побежали столбы пыли и взвились сухие листья, люди хватались за шапки.

Видно было, как голова Змея отдернулась, потом он пошел странно боком, крылья колотили беспорядочно, у самой земли выровнялся, по-

несся, как огромный гусь, что садится прямо на гладь озера, но лапу выставил только одну, от толчка о землю она подломилась. Змей с разгону ударился мордой о землю, потрясенные люди видели, как огромную тучу перевернуло, земля вздрогнула от толчка. Чудовищные лапы замолотили воздух, а человек с золотыми волосами прыгнул на короткую шею, вцепился, и огромные лапы начали дергаться все медленнее.

Еще когда Змей пытался приземлиться, Мрак и Олег, нещадно погоняя коней, понеслись в его сторону. Мрак прыгнул прямо с коня на покрытый пластинками бок, взбежал на белое пузо и со сладкой яростью всадил длинное копьё в брюхо. Кожа прорвалась нехотя, зато дальше копьё пошло, как в теплую мокрую глину. Мрак налегал всем телом, чувствуя, что сердце Змея где-то близко. Рядом промелькнула косматая спина волхва, красные волосы мелькнули и пропали, а со стороны шеи, закрытой мощной грудью, донесся хриплый задыхающийся вопль:

— Тарх!.. Ты его задавил!

Мрак оскалил зубы, копьё дрожало и билось в руках, он чувствовал, как железное острие раздирает огромное сердце Змея. С высоты видно было, как вокруг воеводы собрались уцелевшие: на самом деле Змей поразил мало, больше распугал, особенно коней, и теперь войско спешно выстроилось, в руках заблестали копьё и топоры.

Со стороны реки уже торопливо мчались легкие отряды конников, а через брод двигалось огромное войско урюпинцев. Острые глаза Мрака разглядели немолодых и богато одетых всадников в середине войска, их окружали самые крупные и могучие воины. Воеводы короткими взмахами на ходу разворачивали войско для мощного удара.

Он погрузил копьё на всю длину, грязно-белое пузо прогибалось под его сапогами. Оставив копьё в ране, сбежал к шее, там Олег щупал Таргитая, тот вырывался и отпихивался локтями.

— Что у вас тут? — гаркнул Мрак, скрывая тревогу.

— Пара сломанных ребер, — отозвался Олег ликующе, — везет же дурню!.. Как ты догадался ему такое крикнуть?

— Что?

— Он же бог этих... которые пашут!

— Ага, заставил разъяриться, — понял Мрак.

Огромные руки Мрака обняли молодого дударя, тот оглянулся на бесильно откинутую голову чудовища:

— Тварь...

— Здорово ты его, — похвалил Мрак. — Надо тебя злить чаще.

— Тварь, — повторил Таргитая с непривычной для него озлобленностью. — Гадина с крыльями!

Олег похлопал по плечу:

— Ладно, все прошло. Успокойся.

— Да? — ответил Таргитая с обидой. — Он мне дудочку сломал. Я слышал, как хрустнуло!

Он пошарил за пазухой, лицо становилось все печальнее. А когда вытащил, на ладони были раздробленные обломки. Лицо Таргитая скривилось, а глаза заблестели влагой.

К огромной туше опасно подвезжали воины. Воевода заставил коня подойти вплотную к троим, что так и стояли на горле Змея. Глаза воеводы были выпучены, как у рака. Голос дрогнул, когда он заставил себя заговорить:

– Вы не просто герои... Вы... даже не знаю, кто вы... Сразили такого Змея, а горюете о дудочке! Даже если она была волшебная...

Таргитай сказал с горечью:

– Да какая волшебная! Простая, но пока найдешь подходящий прут, пока срежешь, очистишь от коры, проковыряешь дырочки...

Брови воеводы взлетели на лоб, а нижняя челюсть отвисла. Мрак посоветовал:

– Ты того, отец... строй своих, а то урюпинцы сейчас вас в хвост и в гриву.

Воевода отмахнулся:

– Они уже остановились. Тоже мне, вояки.

– А что, войско сурьезное.

– Сурьезное? Мол, мы побежим от этой летающей жабы, а они будут бить в спины. Разве это воины?

Но в голосе старого воеводы Мрак уловил не только презрение, но и зависть. Похоже, в их земле Змеев приручить не сумели, а раз так, то всякий, кто сумел, – дурак и трус, воевать боится, грудь в грудь, – кишка тонка.

С брюха поверженного Змея было видно урюпинцев, что в самом деле стояли уже на этом берегу, но в битву не спешили. Их воеводы все еще выстраивали боевые порядки, располагали отряды лучников за спинами ратников с высокими щитами, конницу впереди.

– Да, это уже оборона, – признал Мрак. – На Змея, видать, рассчитывали здорово.

Олег видел, как сдвигаются брови оборотня, на лбу собрались глубокие складки. Таргитай устало сел на голову Змея, из полуоткрытой пасти чудовища вместе со слюной текла струйка вязкой крови. Дударь бережно высыпал на спину Змею мелкие обломки дудочки.

– На них не рассчитывай, – сказал Олег тихо Мраку.

– Чего?

– У них своя война.

– Эта? – фыркнул Мрак.

– Да.

– Разве это война?

– Мрак, они тоже... в лесу.

Мрак внимательно посмотрел на Олега:

– А мы откуда?

– Мрак, – повторил Олег невесело, – они в лесу своего невежества. Для них свой мир заканчивается на берегу этой реки, а там – уже чужой мир. Да и тот невелик...

Воевода между тем сказал торжественно:

– Вы не просто герои, а великие герои!.. Вы сразили Змея. Наш царь будет весьма милостив к вам, одарит... э-э-э... дарами. Даже богатыми дарами. А вы послужите ему, добывая себе честь, а ему славу.

Олег молчал, Таргитай оглядывался в поисках хорошего орехового куста, дудочку лучше резать из орешника, а Мрак сдержанно поинтересовался:

— А что же он хочет?

Воевода развел руками:

— Государь сам изволит сказать. Сегодня он изволит одно, завтра другое, как угадать? Но кто при ём, тот не в обиде.

— Благодарствуем, — отозвался Мрак, голос оборотня уже был отсутствующим. — Но нам надо идти.

Воины сдержанно зароптали, кто-то изумленно вскрикнул. Воевода от удивления распахнул рот:

— Ты даже не спросил, что за жалованье вам положить изволят!

Мрак отмахнулся:

— Ладно, батя. Убери своих с дороги.

Воевода смотрел, хмурился, а конные и пешие стояли плотно, с места не сдвигались. Мрак засопел, грудь его поднялась, а мышцы начали вздуваться. Это страшно, когда на глазах становился вдвое толще, грудь раздвинулась, плечи раздались, а сам оборотень стал словно выше ростом.

Передний ряд воинов кольхнулся, пытались попятиться, но задние Мрака не видели во всей устрашающей красе, стояли плотно. Воевода нехорошо усмехнулся:

— Хоть вы и герои, но супротив всего войска...

— За что так? — поинтересовался Мрак угрюмо. Он озирался исподлобья, пальцы пробежали по рукояти секиры, но пока только убедились, что на месте. — Мы вам Змея такого завалили. Три дня жрать будете.

Воевода поморщился:

— Мы жаб не едим. Даже если они с крыльями. А вас отпускать нельзя, нельзя... Вдруг встанете на службу к урюпинцам?

— Да на кой они, — отмахнулся Мрак. — Как и вы тоже.

— А вдруг? — возразил воевода. — Нельзя, чтобы у нашего врага появились такие воины. Так что выбирай, герой.

Мрак взялся за рукоять секиры, уже выбрал, воины впереди тоже напряглись и выставили перед собой блестящие острия копий, за отечество готовы сложить головы, лица серьезные, но за спиной Мрака раздался злой голос:

— Погоди. Я сам.

Голос был такой лютый, полный ярости и неистовства, что Мрак даже отшатнулся. Лицо Олега было перекошено, губы стиснулись, а в зеленых глазах дрожало бешенство.

— Ты что? — спросил Мрак.

— Я их сейчас всех... в пыль, — процедил Олег с ненавистью. — Какая мразь!.. Мир гибнет... Ладно, люди и весь-весь мир... а эти...

А Таргитай сказал печально:

— Да, надо по справедливости. Мы у тех ящерицу прибили? Прибили. Надо и у этих прибить что-то большое... Или много мелкого.

Его синие глаза отыскивали воеводу, прибавили к нему бояр, сотников, затем взгляд задумчиво охватил половину войска. Голос звучал без злости, даже грустно, и воевода от его голоса побледнел и отшатнулся в седле так, что едва не упал с коня. Срывающимся голосом прокричал:

– Дать дорогу!.. Дать дорогу героям!.. Быстрее!!!

В его крике страха было больше, чем при виде напавшего на его беззащитное войско огромного Змея. Мрак тронул коня каблуками, на воеводу даже не повел глазом, проехал мрачный и угрюмый, похожий на старую скалу, обросшую мхом.

Земля вздрагивала, синее небо затянуло сизыми с окалиной тучами. Внезапно возле леса взметнулся столб огня и дыма, пробежал извилистой полосой. Открылась трещина, вылетали выброшенные незримой силой раскаленные камни, оставляя в небе дымные следы, а струи огня били ярко и высоко.

– Олег, – сказал Мрак предостерегающе, – да черт с ними!

Олег, бледный и с плотно стиснутыми губами, дышал глубоко, глаза прикрыл, Мрак и Таргитай видели, с какими усилиями пытается успокоиться, а трещина дрожала, то пытаясь расшириться, то начинала сдвигаться, покоряясь магическим силам. Огонь то уходил обратно в расщелину, то выплескивался с новой силой.

– Черт с ними, – повторил Мрак. – У нас своих дел... Всех не перебьешь. Они ж все такие!

Олег выдавил сквозь стиснутые зубы:

– Но почему?

– Да потому. Просто потому.

– Но я ж... я ж не такой?

Мрак отшатнулся:

– Слава богам!

Деревья приближались темные, большие, ветви высоко, но солнечные лучи свободно просвечивали сквозь редкую листву. Желто-оранжевые листья, вперемешку с красными, медленно падали, опускались величаво, покачиваясь, цеплялись в плотном воздухе, оттягивая страшный миг встречи с землей.

Когда налетел внезапный ветер, деревья тревожно зашумели, листья сорвало во множестве. Мрак сказал успокаивающе:

– Да ладно тебе. Плюнь.

Олег вздохнул:

– Это ветер. Просто ветер.

– Не твой? – усомнился Мрак.

– Я ветрами еще не умею, – объяснил Олег нехотя. – А те, что после обеда, не в счет.

– Это к добру, – успокоил Мрак. – Зачем нам буреломы на месте леса? Таргитай снова портки изорвет... А то и вовсе перепаханное поле. Не думал, что ты так... Рыба рыбой, тебя разъярить – так уж не знаю, что и надо. А тут из-за ерунды!

— Ерунды? — сказал Олег с горечью. — Это же люди! Или не люди? Мир гибнет, а они друг друга за волосы таскают!

— Как раз это по-людски, — согласился Мрак хладнокровно. — Верно, Таргитай?

Таргитай догнал, в руках свежесрезанный прут, спросил ошалело:

— А? Что? Где?

— Кто где?

— Еда где, — пояснил Таргитай. — Мы ж уехали не пообедав. А они там Змея жрут! Там же мяса на три деревни хватит. А еще и бродяг накормить можно, а то все равно протухнет. В речке же мясо не притопишь, там всегда война... Река ничейная, они ж уже триста лет рыбы не ели!

Глаза его стали у самого круглые, как у большой рыбы, а рот распахнулся. Как можно драться, если приходится отказываться от большой и вкусной рыбы?

Часть II

ГЛАВА 19

На окраине села, согнав женщин к реке, привязывали к их ногам камни и бросали с высокого обрыва в реку, проверяя, нет ли ведьм. Стоял плач, слышались вопли, душераздирающие крики. Видно, какая-то из баб довела народ до белого каления, что всех замачивают в реке, люди зазря и щепку не передвинут, а тут таких камней натаскали... Любопытный Таргитай остановился посмотреть, как же выплывут с таким грузом, но голодный Мрак рыкнул так свирепо, что дударь первым вбежал в село.

У крайнего дома собралась орущая толпа. Пожилую женщину выволокли за волосы, били, топтали ногами. Кто-то примчался с вилами, злобно замахнулся. Таргитай не видел за спинами, как вилы воткнулись, донесся только вопль, толпа орала, от соседних домов прибежали с факелами.

Сухая соломенная крыша вспыхнула, как высушенный на солнце камыш. В толпе радостно и удивленно закричали, будто сомневались раньше, что крыша загорится.

– Дурни, – сказал Мрак неодобрительно, – ветер-то в сторону села... Все погорят, диеты.

Таргитай оглянулся, глаза были печальными:

– В каждой веси, даже такой крохотной, обязательно по ведьме... Откуда они берутся?

– У Олега спроси, – буркнул Мрак.

Олег отмахнулся:

– Тарх, не ломай голову. Ты видел, как только что убили и сожгли дом самого умного и знающего человека в этом селе. А ведьмаками становятся... Тебе ведьмаком не стать, Тарх. Богом стать можешь, а ведьмаком – нет.

Таргитай вздохнул с облегчением и перестал оглядываться.

– Вот и хорошо. А то еще убьют! Умных везде убивают первыми. А я страсть не люблю, когда меня убивают.

Мрак коротко хохотнул, бросил злорадный взгляд на слишком умного волхва. Олег помрачнел и ускорил шаг.

Постоялый двор стоял на развилке дорог, ворота гостеприимно открыты, но во дворе чувствовалось запустение, не ржали кони, не стуча-

ли молоты в кузнице, даже не вился дымок в пристройке, где угадывалась печь.

Мрак, к удивлению изгоев, прошел мимо, только сожалеюще поцокал языком. Олег засмотрелся на подоконник второй хаты, там стояла мисочка со свежим сыром, но аист кружил совсем над другим домом, где и так во дворе было тесно от детворы.

Худой мужик с затравленными глазами стоял возле калитки. Поймав взгляд идущего впереди Мрака, сказал искательно и невпопад вместо «здравствуйте»:

— А с моего дома ушел аист... Не знаю... Не обижал, гнездо не разорял. А что пьяный приходил, так ему что?..

Мрак равнодушно прошел мимо, а Олег, которому по-волхвовьи до всего дело, наморщил лоб:

— Уход аиста — к пожару. Или молния ударит. Он и птенцов унес?

— До единого!

— К пожару, — определил Олег. — Лучше тебе, пока тепло, ночевать в сарае. Безопаснее. А гости будут, пусть спят в хате. Гости теперь пошли беспокойные, первыми выскочат. А нет, не жалко.

Мрак замедлил шаг, поглядывал на крышу третьей хаты. Там на самом верху сидел мальчишка в длинной рубашонке, одной рукой держался за трубу — настоящую, из больших камней, скрепленных глиной, а другой, сцепив зубы, старательно выламывал эти булыжники и, злобно перекосив и без того жуткую харю, с наслаждением бросал вниз.

Олег сказал напряженно:

— Мне в самом деле чудится или...

— Не чудится, — бросил Мрак.

— Ты тоже заметил его рожу?

— Если уж ты да заметил!

Не останавливаясь, уже не глядя на другие хатки, пошли напрямик, даже не по дороге, а прямо через перелазы, заборы и заборчики. Эта хатка выглядела странновато: стены из новеньких бревен, одно к одному, на крыше труба, хотя остальные хаты, кроме войтовой, вон она, вовсе без труб, везде топят по-черному, сарай стоит с распахнутыми воротами, а во дворе бурьян да пасется рогатая коза с хитрыми глазами.

— Попросимся заночевать, — решил Мрак.

— Чую недоброе, — проговорил Олег.

— Да не трясись, — отмахнулся Мрак. — Мы, что ль, добрые?

За их спинами Таргитая вскрикнул возмущенно:

— Добрые!.. Даже ты... где-то очень глубоко... в чем-то да добрый... может быть... хоть на маковое зерно!..

Его не слушали, Мрак толкнул калитку. Дорожка, на которую чертополох лез с обеих сторон, привела к крыльцу. Перила слегка обгорели, будто их лизал огонь, но вовремя остановился. Дверь выглядела новенькой, с настоящей бронзовой ручкой, совсем уж дивное диво в лесной деревушке.

Сверху по соломе зашуршало. Рука Мрака ухватила Таргитая и заволокла на крыльцо, а в ступеньку бухнул увесистый булыжник размером

с кулак Мрака. Мрак постучал, затем пнул, дверь распахнулась, а вторая, что вела в комнату, была открыта настежь.

В просторной комнате огрядная баба, стоя к ним задом, возилась у печи. В руках у нее явно был ухват, а когда развернулась, черные рога ухвата цепко зажали чугунок. Под крышкой булькало, выбивались запахи пшенной каши с салом.

— Доброго здоровья, — поприветствовался Мрак. Подумал и добавил с сомнением: — Добрым людям.

Баба, не отрывая от гостей взгляда, осторожно переставила горшок на середину стола, лишь тогда улыбнулась:

— И вам того же, странники.

Лицо у нее было доброе, некрасивое, но с теми черточками, что сразу распознаешь человека бесхитростного, простого, готового свое отдать, но никогда не брать чужого. Даже как стояла, рассматривала гостей, было видно простую натуру, не привыкшую хитрить, грести к себе.

— Доброго здоровья, — повторил Мрак. — А где ж хозяин?

Судя по виду избушки, здесь давно обходились без хозяина, но баба, к их удивлению, ответила без смущения:

— Хозяин отлучился. Недалеко здесь...

В ее голосе прозвучала заминка, Мрак сразу спросил понимающе:

— В корчму?

— Да, — вздохнула она. — Он у нас тихий, безответный... Да вы садитесь за стол! Как раз кашка поспела.

Олег покосился на Таргитая, тот вроде бы еще в корчму не просится, хотя, может быть, просто не пришло в голову, что там место всем тихим и безответным, а Мрак уже по-хозяйски перешагнул лавку, сел, положив локти на стол, спросил понимающе:

— Обижают?

— Еще как, — вздохнула она. Быстро сняла с мисника три тарелки, поглядела на гостей оценивающе, без сожаления поставила их обратно и вытащила большие миски. Да и то в ее глазах мелькнуло сожаление, что в доме не найдется трех тазиков. — Уж он и огород помогал соседям вскопать... и забор им чинил, денег дал на свадьбу ихней дочери... надо сказать, такую уродину никто бы не взял, если бы не доброе приданое... Так нет же, все им не так!

Олег и Таргитая вежливо сели, с наслаждением вдыхали запах горячей каши. Баба сняла крышку, ароматный пар вырвался душистым облаком, ударил в ноздри. Олег засопел, а Таргитая шумно сглотнул слюну.

Дверь скрипнула. Олег застыл с ложкой во рту, Мрак хмыкнул, только Таргитая во все глаза рассматривал странное существо. Оно возникло на пороге неожиданно, хотя такому обрубку лежать бы под крыльцом: голова почти квадратная, громадная, тельце худое, с огромным вздутым животом, ножки кривые.

Хозяйка сказала торопливо:

— Это наш сынок!

— А, — сказал Мрак, он продолжал мерно зачерпывать кашу, но гла-

за не отрывались от уродливого дитяти. Тот перехватил взгляд чужого человека, зло оскалился.

У Олега по коже побежали мурашки: зубы у ребенка были острые и совсем не человечески, а как у большой хищной рыбы.

— Это он трубу ломал, — узнал Таргитай. — Он!

— Больно буйный, — заметил Мрак равнодушно.

Баба посмотрела пугливо, затравленно, словно зверек из темного угла, но голос незнакомца был ровный, без осуждения. Да и вид у него такой, что скажи, будто сам в детстве был тихим, можно привязывать камень к ногам и бросать в реку.

Она проговорила нерешительно:

— Да, люди жалуются...

— На такого малого? — удивился Мрак.

— Да им что, — вздохнула она еще горестнее. — Не понимают, дите малое... Оно ж еще не понимает, что хорошо, а что делать нельзя. Да и вообще он...

Она замялась, Мрак бухнул:

— Что?

— Немтырь он, — вздохнула женщина. — Не говорит, хотя уже пятый годок пошел...

Судя по виду Мрака, он явно усомнился, что дите малое, если вон какие бульжники летели с грохотом, сам видел, как малое дите швыряло даже за забор, явно метило в чужих собак.

— Люди злые, — согласился он, — только своих детей хвалят.

— Это точно, — согласилась она с живостью, — чего только от них не слушаешься! И вежественные, и тихие, и старших чтут... А я вижу, какие они вежественные, если вчера вон камнями нищего гнали от своего дома!

Щеки порозовели, она словно распрямылась, равнодушие гостя к ее ребенку совсем не испугало и не огорчило, а совсем наоборот, она перевела дух с облегчением, но Олег, в отличие от оборотня, смотрел с интересом, всматривался в непомерно большую голову, широкий рот, толстый живот. Когда ребенок скорчил ему устрашающую гримасу, зубы показались чересчур длинными и острыми, а клыки размером с волчьи.

— Он тихий, — сказала женщина и ему торопливо. — Это он так... улыбается.

— Тихий, — повторил Мрак с неодобрением. — Что за мужчина из тихого ребенка? Я в детстве, помню, чуть деревню не спалил... А раз тихий, то либо в баклушечники, а то и во что-нибудь еще хуже... в волхвы, к примеру.

— Ну, он не всегда тихий, — призналась она с усилием, — он застенчив... и, бывает, шалит... Но мы всем соседям сразу платим, сколько запросят, если он что у них испортит или ломает.

Мрак кивнул:

— Дети есть дети. Мы на сеновале ляжем. Я заметил, там еще сенца осталось малость. А вон по улице телега, полная сена, катит к вашему двору... Для вас?

— Нет, для козы, — пояснила женщина. — Мы сами, знаете ли, хозяйством почти перестали заниматься. Ребенок не то что слишком шалит, но за ним нужен глаз да глаз, вот и запустили двор... Но как-то еще живем.

Мрак посмотрел на широкую ляду, что прикрывала лаз в погреб, прикинул его размеры, кивнул, жить так все же можно. Запасов там явно на две-три зимы, да и теперь, судя по столу, живут не совсем уж нищенски.

— Эй, малыш, — позвал он повелительно, — а ну-ка иди сюда.

Мальчонка поглядел исподлобья. Запавшие глаза блеснули злобой. Верхняя губа приподнялась, показывая острый клык. Мрак согнал улыбку с лица, его губа справа приподнялась, показав клык в три раза длиннее, а из горла едва слышно донеслось низкое рычание.

Женщина отшатнулась, а мальчишка застыл, глаза уставились в темное лицо странного человека. Мрак поманил пальцем, мальчонка послушно подошел.

— Ты что же это, мерзавец, — сказал Мрак внятно, — трубу разломал?.. Твой отец и мать уже не маленькие, чтобы всякий раз на крышу лазить!.. Сегодня же чтоб починил!.. Сам. И больше не ломай. Тебе что, мало соседских труб? Да и те по ночам можно только, чтоб никто не видел. Так даже интереснее... Но это я так, к слову. Ты мне другое скажи: есть дорога отсюда к Верховному Упырю?

Мальчонка смотрел, вытаращив глаза. Это было страшно, когда из-под массивных надбровных дуг, похожих на медвежьи, глаза блестели уже не из глубоких щелей, а выпучились, как у совы.

Женщина снова сказала жалко, но в голосе был уже упрек:

— Я ж сказала, он не говорит. Немтырем уродился...

Мрак в упор смотрел на мальчонку:

— Так ты и этого даже не знаешь?.. Да, в самом деле дурачок.

Мальчишка смотрел с ненавистью, лицо страшно побагровело. Сине губы с трудом шевельнулись, слова вышли квакающие, почти нечеловеческие:

— Зачем... Великий Упырь... Никто не смеет...

— Да мы все смеем, — отмахнулся Мрак. — Тебе ж тоже нельзя трубу ломать, и никто не смеет такое непотребство чинить, но ты-то полез на крышу?.. Вот и мы лезем. Так как, говоришь?.. Ты квакай, квакай. Потом и вовсе расквакаешься по-человечьи. Привычка нужна. Вон как твоя маманя обрадовалась, сейчас заревет... Чего радуется, дура баба? Завтра пожалеет, да уже не замолчишь, не замолчишь...

А Таргитай, чувствуя себя сытым, вышел во двор, сел на крыльчке. Рядом бы коту греться на солнышке, но во дворе такое запустение, что любой кот сбежит, коты — звери домовитые, это собака за хозяином в огонь и в воду, а коту на хозяина плевать с высокого дерева, ему хозяйство важнее, но какое хозяйство во дворе, где бурьян до пояса? И такой густой, плотный, под его широкими стеблями непонятно что и завелось... Забор повалился, да и зачем он, если во дворе ни поросят, ни даже кур или гусей?

К заборчику, что отделял их двор от соседского, подошел длинноволосый мужик, пугливо огляделся по сторонам, украдкой поманил его пальцем. Заинтересованный Таргитай не поленился встать, спрятал дочку. Мужик наблюдал за его приближением настороженно, вздыхал и переступал с ноги на ногу, словно еще не решил, сказать что-то важное или бежать без оглядки.

— Ты того, — сказал он негромко, почти шепотом, — гость, да?.. Не доброе место выбрали для ночлега.

— А что не так?

— Ребенок у них подменьш, — прошептал мужик совсем тихо.

Таргитай смотрел, ждал продолжения, но мужик уже умолк, полагая, что и так сказал много, даже лишнее, и Таргитай наконец спросил тупо:

— И что?

— Как что? — удивился мужик. — Ты что же, не знаешь, что есть подменьш?

— Не знаю, — признался Таргитай. — Это Олег у нас все знает, ему так надо, он у нас волхв. А я дурак, мне можно не знать. Я и так живу, незнаемый.

— Эх, — сказал мужик с жалостью. Он оглядел Таргитая с головы до ног, задержал взор на его честном румянном лице с пухлыми девичьими губами, глаза чистые, невинные. — Да, ты совсем не для волхвов... Подменьш — это когда ребенка еще в колыбельке подменят... понял? Ну, те подменят, понял?.. Лесные, горные, болотные, водяные... У нас лес рядом, так что чаще всего те, лесные, своих уродов нам подбрасывают, а наших воруют!

Таргитай спросил тупо:

— Зачем?

— Как зачем? — изумился мужик. — У них уроды, а наши дети — сам понимаешь... Ихние так и растут тупыми как валенки, разговаривать не умеют... а какой и пытается, все одно не выходит. А наши у них, понятно, и работают, и племя их гадкое обихаживают. Так что держите уши на макушке. Как бы порчу не навел! А еще лучше, удирали бы вовсе от такого соседства.

— Бедные, — искренне пожалел Таргитай.

— Сами виноваты, — заявил сосед убежденно. — Либо баба спала, отвернувшись рылом от дитяти, либо красную ленточку на ручку не повязала... На жатве, говорят, оставляла колыбель под стогом... Не только мавки или полевки, простой волк мог бы украсть ребенка! Да и колыбельку, говорят, не окуривала травами, порог переступала когда правой, а когда левой, не плевалась, когда по небу хвостатая звезда...

Таргитай сказал жалостливо:

— Теперь уж ничего не поделаешь. Не убивать же...

— Зачем? — удивился мужик. — Надо заставить их забрать этого гаденьша! Это ж просто. Нужно просто-напросто высечь березовым прутом на пороге хаты... но сперва тем же прутом хорошо выпороть жабу... чем толще, тем лучше. Да, и прут чтоб толще, и жаба. Если не найдут по-

рог в собственной хате, то можно еще сечь на меже, на перекрестке, даже на развилке дорог, как вот у нас прямо за околицей!.. Так нет же, не решаются!.. Конечно, пороть может не каждый, а либо пастух, либо волхв, либо мальчонка, рожденный во грехе, но у нас, говорят, почти каждый третий во грехе, а если на самом деле, то безгрешного и отыскать трудно... Зато те, не наши, сразу бы забрали своего, а человечонка вернули бы! Конечно, возвращенный долго болеет, а то и помирает, но все же это свой, нашенский! И похоронить можно рядом со своими!!! А теперь живи с такими по соседству! Я бы убежал, да уже привык к этой реке, березам на околице... А так бы и золото их гадкое не удержало бы.

Таргитай вспомнил, что их запасы из вирия Мрак почти все отдал Лиске с Корой, в мешке золота скоро не останется, поинтересовался:

— А что, они вам золото дают?

Мужик сказал уже неприязненно:

— А как же иначе? Ихний гаденыш то плетень наш повалит, то курицу задушит, то свиней выпустит... на волю, говорят. Вот и возмещают!

Он уже отступал, явно терзаясь своей откровенностью с дураком, по рожке видно, а Таргитай крикнул вдогонку:

— А у них откуда берется? Наш старший говорит, что они на работащих не больно похожи...

Мужик крикнул почти от крыльца:

— А их змееныш приносит!.. Наверде в благодарность, что не давили, а все еще нянчатся.

ГЛАВА 20

Таргитай почесал голову, ничего путного не приходило, он продолжал драть ногтями голову, хоть и нет умных мыслей, но приятно, просто приятно, и, почесывая сперва голову, потом спину, затем бока, медленно побрел обратно. Дверь неспешно отворилась, навстречу вышел Олег. Прищурился, внимательно рассматривал небо. Там в свете заходящего солнца грозно встали исполинские фигуры трех ратников, все в остроконечных шлемах, толстые, слегка размытые, но их видно было так четко, что Таргитай осмелился указать на них Олегу.

Волхв всмотрелся, наморщил лоб:

— Да, ты прав, завтра с утра дождь... Но мальй, скоро кончится.

— А эти, — он указал пальцем, — эти, которые с мечами?

Олег скользнул равнодушным взором по тучам, перевел взгляд на дорогу впереди:

— А что с мечами?.. Как говорит Мрак, когда встретим, тогда и решим.

— Да нет, — возразил Таргитай, — я говорю о вон тех!

Олег проследил за пальцем Таргитая, с недоумением перевел взор на его раскрасневшееся лицо. Зеленые глаза волхва были внимательными, серьезными.

— О ком?

— Вон о тех! Разве не видишь?

Олег снова долго и добросовестно всматривался в облака. Вздохнул, пожал плечами:

— Нет.

— Ну вон же... Вон головы, шлем... Один стал еще крупнее... Голова, правда, съехала в сторону... зато у коня выросли рога... ага, еще и крылья...

Олег покачал головой:

— Тарх, тебе мерещится. Наверное, от твоего собачьего воя, который зовешь песнями. Там ничего нет. Одни облака.

Таргитай попытался объяснить:

— Так я ж и говорю про облака!

— Ты говорил про воинов, — нахмурился Олег.

— Да, но про облачных!.. Трое таких огромных, все в крови...

Облака неспешно двигались, подсвеченные снизу багровым солнцем, замирали в преддверии ночи, когда засыпает и таскающий их за собой ветер. Никаких огромных воинов, никаких хвостатых звезд, радуги, круга вокруг солнца или сияния, что можно бы заметить и как-то объяснить...

— Свихнулся, — сказал он с жалостью. — Ладно, на ночь дам отвару из полыни. Я сумел отвар сгустить так, что теперь это просто кашлица... Не просто горькая, а кишки вывернет!.. Сразу любая дурь уйдет.

Мрак переговорил с подменьшем, малец в самом деле кое-что сказал, а визжащая от счастья баба лезла со счастливыми слезами, слюнявила, хватала ребенка на руки и прижимала к груди, а то кидалась целовать руки Мраку, называя чудотворцем, волхвом-лекарем.

Олег ревниво сопел, наконец лег на лавку под окном, отвернулся. Мрак вскоре услышал тихий сап. Волхв из Олега, конечно, могучий, но пока не растерял умения засыпать как простой лесоруб.

Правда, его лицо и во сне оставалось напряженным, встревоженным. Он что-то шептал, дергался, Мрак на всякий случай подул в лицо, а то шепнет во сне что-нибудь, либо дождь из жаб, либо болото посреди села...

Таргитай вернулся чем-то озабоченный, вертел головой по сторонам, даже спросил Мрака, не видел ли тот уродливого детеныша. Мрак отмахнулся. Таргитай улегся с видом человека, который во второй раз спас или собирался спасти если не все человечество, то хотя бы друзей, о чем-то предупредив, от чего-то предостерегши.

Мрак не спал долго, а когда веки отяжелели, начали смыкаться, его зоркие волчьи глаза увидели вроде бы какую-то неясную тень над лавкой, где раскинулся Таргитай.

Там стоял маленький босой старик с длинной седой бородой, медленно водил руками над лицом дударя. Таргитай спал, посапывал, иногда дергал носом и двигал бровями, но лицо оставалось спокойным, зато лоб старика покрылся крупными каплями пота, а руки уже дрожали.

«Паскуда, — подумал Мрак мстительно, — сейчас я тебя схвачу. Ишь, вздумал поганые сны насылать, тварь ночная. Шуточки тебе, а дударь утром не сможет и свой мешок нести...»

Он услышал стон, остановился. Стонал не Тарх, а баечник. Мрак хорошо расслышал злость и отчаяние в голосе хозяина ночных снов.

«Так его, Тарх, — подумал Мрак злорадно. — Спи себе. Твою дурь никакими страшными снами не прошибить. Тебе везде и со всеми хорошо. Этот лопнет, пока к тебе достучится. Он же не знает, что ты по своей дури никогда ничего не боишься».

Утром, когда встали, печь уже гудела, как горн в кузнице. Раскрасневшаяся хозяйка открывала и захлопывала широкие заслонки, воздух был уже теплый, пропитанный запахами поджаренной гречневой каши, печеной речной рыбы, а когда Мрак плеснул в лицо студеной воды из кадки, за спиной загремело, застучало, в спину шибанул такой мощный аромат, что обернулся как ужаленный.

Хозяйка, покраснев от напряжения, ставила на стол огромный поднос с запеченными в сметане карасями, толстыми, как поросята, каждый в коричневой корочке. Мрак ощутил во рту хруст, даже вкус нежнейшего мяса.

На лавках зашебаршилось, Олег и Таргитай подхватились наперегонки, в глазах еще отголосок тревожных снов, но руки щупают невидимую рыбу.

— А?.. Что?.. Где?..

— Спите, спите, — кровожадно посоветовал Мрак.

Он сел за стол, даже не набросив на плечи волчовку. Могучие плечи поблескивали матово и грозно в полумраке комнатки с единственным окошком. Со двора раздавались тупые удары железа по дереву. Возле забора тощий мужик старательно бил поленом с застрявшим в нем топором о колоду, но топор завяз крепко, а мужик явно не из тех, кто, крякнув, молодецки выдернет топор просто силой рук.

— Мужик твой? — спросил он.

— Он, — вздохнула хозяйка. — Поддабривается. На бровях приполз... уже ночью. Сейчас будет и дрова колоть, и посуду мыть, даже бурьян начнет щипать, как соседская коза...

— До вечера? — поинтересовался Мрак.

— До вечера, — согласилась хозяйка.

— Это ничо, — утешил Мрак, — главное, чтобы человек был... м-м-м... что за чудо, а не рыба!.. хороший.

Таргитай и Олег, толкаясь локтями, устремились за стол. Коричневая горка была вся в трещинках, откуда выбивались острые как ножи струйки горячих запахов. Горка подрагивала, а когда Мрак хватал рыбку за рыбиной, обнажались еще более горячие, просто огненные, а одуряющие запахи били с силой боевого молота.

Когда с подноса так же быстро исчезли последние караси, хозяйка открыла вторую заслонку, и по комнате растекся густой пряный аромат жареного гуся. Таргитай счастливо завизжал, даже Олег сдержанно

улыбнулся, но глаза оставались серьезными. Что-то не заметил во дворе гусей, а чтобы купить у соседей, надо иметь на что.

После гуся на столе появился кувшин с холодным квасом, а когда и тот опустел, хозяйка сказала тихо, с печалью:

— Спасибо вам.

— За что? — удивился Мрак.

— За тепло, за ласку. А больше всего, что сына вылечили! Заговорил мой птенчикек...

Олег поморщился, из Мрака лекарь, как из его... он даже в мыслях не стал подыскивать сравнение, а сам Мрак отмахнулся с небрежностью величайшего из лекарей:

— Да пустяки, ничего трудного. Это тебе спасибо. И твоему мужику.

— Нет, вам поклон, что не погнушались нашим ребенком. Все говорят, что подменьш, чего только не плетут, какие только гадости...

Мрак пробасил уверенно:

— Плюньте. Плюньте и разотрите. Какой же он подменьш, когда он выкапанный в отца? Да и на тебя похож. Вон губы точно, не ошибься.

А Олег, который дотоле на ребенка посматривал с брезгливостью, добавил умудренно:

— А подменьш или не подменьш — разве в этом дело? Он ваш ребенок, вот и все. Мне он не нравится, верно. Но мне они все не нравятся. Я бы их всех передал. Орут, носятся, что-то требуют, все ломают, пристают... Они все такие! Только одни ломают втихую, а этот... сидя на крыше, у всех на виду.

Стукнула дверь, на пороге появился хозяин. Сгорбленный, рубаха как на пугале, под глазом здоровенный кровоподтек. Впрочем, можно сослаться на щепку, ударила по морде, пока дрова колот, гостеприимство являл. Правда, колот явно ночью, уже опухнуть успело.

— Доброго здоровья, — поприветствовался он. — Как почивалось?

— Спасибо, — поблагодарил Мрак. — Мы хорошо отдохнули, сейчас дорога будет легка.

Он поднялся, Олег вскочил с готовностью, только опузыревший Таргитай сопел и жалостливо осматривал стол, не столько потому, что хотел есть, а когда ешь, то вроде при деле, не надо идти, бежать, прыгать, торопиться, слышать злые окрики...

Мрак с извиняющейся улыбкой кивнул на Таргитая:

— Это у нас бог.

Он сказал спокойным, даже равнодушным голосом, и хозяин решил, что ослышался:

— Мох?

— Бог, — поправил Мрак. — Хотя, если подумать...

Хозяин смотрел во все глаза, все еще не верил. Таргитай с задумчивым видом ковырялся в носу, его палец так выпячивал крылья, что кожа белела и едва не прорывалась, палец ввинчивался с усилием, взрыхляя запасы, твердые сверху, клейкие и тягучие под коркой, вытаскивал с торжеством, долго и внимательно рассматривал с таким довольным

видом, словно отыскал залежи целебной горной смолы, бережно вытирал палец и снова принимался чистить многочисленные пещеры.

— Это ваш бог?

Мрак кивнул:

— Точно. Это наш бог. Эй, Тарх, почисть котел, уважь хозяев на дорожку. Вон сколько копоти налипло.

Таргитай поспешно вытер пальцы, торопливо ухватил котел. Голос Мрака не зря грозен. В самом деле, надо хоть в чем-то хозяевам вежество показать, ведь даже не заплатили за хлеб-соль, а также рыбу с гусем, да и ночлег. А на котле копоти набралось с палец толщиной.

Хозяйка тоже вытаращила глаза:

— Это бог?

— А что? — удивился Мрак. — Не боги горшки обжигают. Они, вишь, котлы чистят. У кого бог кровавый, жертв требует, а наш бог смиреннее теленка. Им хоть полы мой.

Мужик помялся, сказал нерешительно:

— А может, это и хорошо, что у вас такой бог...

Олег торопливо собирал свой походный мешок, Мрак осмотрел секиру и сунул в петлю на перевязи, Таргитай все еще чистил котел, оттирал, но прислушивался, ибо когда оба двинутся к выходу, то котел можно бросить и недочищенным.

Мужик, не отходя от порога, мялся, поглядывал на жену. Она пожала плечами, отвернулась, оставляя его решать какую-то задачу самому. Он боязливо посматривал на огромных невров, наконец решился, подошел ближе:

— У вас, я вижу, длинный путь...

— Не близкий, — согласился Мрак.

Хозяин сказал еще тише:

— И еще я вижу, что люди вы... гордые. Никому не кланяетесь, спины держите прямо. Потому я боюсь обидеть вас, но я ж чую, что с пропитанием у вас прохудилось. Я мог бы дать в долг несколько золотых монет...

Мрак с готовностью протянул руку, а Олег спросил непонимающе:

— А как же отдадим? Мы этой дорогой вряд ли вернемся...

Мужик закричал в неловкости, вроде бы все понятно, но гости какие-то странные, но третий из них, самый молодой и золотоволосый, с виду не самый умный, сказал красноволосому с удивлением:

— Олег, но это же совсем просто!.. Мы отдадим кому-то по дороге, пусть даже в чужих землях, отдадим тому, кто нуждается, тот отдаст другому, и так золотая монетка... пусть даже уже не монетка, вернется сюда!

Олег все еще двигал морщинками на лбу, старался понять речь дурака. Как всегда, старался все понять, а Мрак уже принял горсть золотых, ссыпал в калиту, а одну подбросил. Сверкая в воздухе, она остановилась в высшей точке, потом понеслась вниз. Мрак подставил ладонь, но быстрые пальцы Олега перехватили чуть раньше. Зеленые глаза зажглись любопытством, а рыжие брови поползли вверх.

— Это ж из какого царства?

— А кто его знает, — ответил хозяин с неловкостью.

— Да это я так, раньше такой странной чеканки не видел.

Хозяин потупился:

— Нам все равно, из какого кургана... Лишь бы помогало добрым людям.

Мрак хлопнул его по плечу:

— Спасибо. Наш певец прав: добро, запущенное однажды, рано или поздно вернется. Даже если обойдет весь свет.

— Не в этой жизни, так в другой, — добавил Олег вполголоса.

Он поклонился хозяевам, отступил, со двора пахнул свежий влажный воздух. Ночью прошел мелкий дождик, крупные капли еще покачивались на широких листьях лопуха. Солнце тускло просматривалось сквозь тучи, но на юге синело чистое, отмытое небо.

Таргитай и Олег, поклонившись хозяевам, пошли к калитке, в двух полетах стрелы темнел мрачный и дремучий лес. Над деревьями взлетели вспугнутые кем-то вороны, верхушки раскачивались, словно по лесу катился огромный валун.

Мрак задрал голову, прищурился от проглянувшего сквозь тучку солнца. Труба на месте, булыжники торчат из глины хоть и грубо, но потолстевшая труба стоит крепенькая, от ветра не свалится.

Он улыбнулся и, прежде чем догнать изгоев, помахал рукой. Распустили своего упыренка, а ребенок должен крепкую отцовскую длань чувствовать. А какая строгость от мужика, что из корчмы не вылезает, а потом с поджатым хвостом по дому суетится, топор на ноги роняет? Зато если дитенку не вытирать ежечасно нос, а вручить полезное дело, то будет горд и счастлив да еще попросит.

ГЛАВА 21

Село стояло непривычно тихое. Женщин не видать: то ли перетопили вчера, то ли уцелевшие маются животами, наглотавшись воды. На отшибе застыла в одиночестве странная избушка, нижними венцами вросшая в землю. От остальных домов ее отделяла полоса дикой травы, явно не топтали люди, не ел скот, даже не тронула коса.

— Странная изба, — заметил Олег. — Везде бурьян, ногу не поставить, а дымок из трубы идет... настоящей трубы, а не из дыры в крыше.

— Там живет баба Рюха, — ответил Мрак значительно.

— Откуда знаешь?

— Пока вы спали, я с упыренком беседовал.

Олег озадаченно оглядывался, пока избушка не скрылась за поворотом:

— Баба Рюха?.. Гм... О бабе Ляхе слышал, с бабой Ягой общался, бабу Рогу видел, белую бабу и лешую бабу знаю...

— А с дикой бабой сам мечтает повидаться, — бросил Мрак насмешливо. — Зато бабу Сечко боится... Эх, Олег! Смири свои волхвовячьи порывы. Вот когда все переделаем, тогда и...

Олег шумно вздохнул. Счастье так близко, так возможно, а не: то мир надо спасать, то человечество...

Село осталось позади, впереди темнел лес, а сбоку дороги земля шла холмиками, одинаковыми, на многих росла либо рябина, либо калина, а где березки и терновники. Олег сразу заметил, кто погиб своей смертью, кто наглой, кто умер от болезни, кто похоронен рядом с любимым, где закопаны байстрюки...

Мрак присмотрелся:

— Таргитай, чего над тобой все мухи вьются?

Таргитай неожиданно понял, обиделся:

— Ты сам это самое...

— Да нет, — сказал Мрак, защищаясь, — это я так, забочусь. Вонь, правда, знакомая, но это, может быть, не от тебя, ты прав... а от твоих портков.

— Грубый ты, Мрак. Ты зря всю ночь с упыренком... Вон какой бледный, невыспанный. Почему и злой?

— Горе только рака красит. А я не рак.

Таргитай посмотрел задумчиво:

— А знаешь, если смотреть вот отсюда... Нет, лучше отсюда. У тебя кожа, как у рака!

— Что, — сказал Мрак с горделивым удовольствием, — такая прочная?

— Нет, серая, — ответил Таргитай простодушно. — А когда ты мылся?.. Ага, помню, мы ж совсем недавно под дождь попали! Мне снилось что-то смешное, когда вы с упыренком общались. Я спал на лавке у окна, а вы там, на завалинке... Я чуть животик не надорвал! Только ты говорил непонятно, а он еще непонятнее, а ты отвечал и вовсе непонятно... Олег, не знаешь, о чем они так?

Олег всматривался в деревья, на стволах всюду либо лечебная чага, либо целебные наросты, либо горькие, но лечащие листья, и от Таргитая отмахнулся, как от назойливой мухи:

— Какая-нибудь пакость. Что-нибудь вроде повязки, что сползает как-то странно...

Он прибавил шаг, не желая разговаривать, Таргитай с недоумением повернулся к Мраку:

— Чего это он? Какая-то повязка...

Мрак вздохнул:

— Да так... Сам не рад. Он упорный, как баран в новых яслях. Будет колотиться... Хорошо, если только лоб разобьет, а если вдруг поймет? Или хуже того: решит, что понял? Сам начнет... тогда хоть топись, хоть вешайся: это ж будет занудятина хуже, чем он сам.

Еще за десяток саженей от деревьев ощутили прохладу из глубин леса, а когда вступили в тень, плечи сами приподнялись, грудь жаднохватила свежего воздуха, настоящего на смолистых шишках, горьких травах, душистой смоле.

Олег приостановился, глаза пытливо уперлись в оборотня:

— И что тебе сказал упыренок?

Мрак ухмыльнулся:

— Сказал... как раз для тебя. Придется помахать крылышками.

Он не сбавил шага, даже надал, изгоем пришлось почти бежать следом. Таргитай сказал радостно:

— Я люблю, когда Олег летает! Он такой противный, такой страшный, такой уродливый, что просто... красивый. Не, даже прекрасный.

Мрак хмыкнул:

— Как это?

— Это... — Таргитай начал было объяснять суть прекрасного, но Олег зло прервал:

— Мрак, не отвлекайся на дурня. А то и в тебе уже что-то эдакое... Что сказал подменьш?

— В лесу буянит чертов дятел. Да не простой, а с зеленой головой. Если знаешь, что это такое, скажи.

Олег впал в такую задумчивость, что дважды наткнулся на деревья. Наконец догнал обоих, сказал нерешительно:

— Я слыхивал от Боромира, что в старину был такой дятел, что если клонет какое дерево, то оно сразу засыхает... Голова зеленая, такого заметить в лесу труднее. Я думал, что их уже не осталось.

— На нашу голову все остается.

Таргитай снова вмешался:

— А при чем тут дятел, если нам нужны упыри?

— Если деревья сохнут, — сказал Олег с неохотой, — то и болота высыхают. Значит, я должен сверху высматривать этого дятла?

Деревья расступились, пахло бодрящей свежестью. Небольшая лесная речушка пробиралась через дремучий лес, проскальзывала под упавшими стволами, что устроились просто по-царски: комель с торчащими корнями на одном берегу, вершинка на другом, одни ветви смотрят в небо, другие взбивают пену в быстрых струях.

За пару сот сажений речка сумела разлиться на просторе, но еще дальше ее снова стиснуло в узких берегах, а деревья опускали ветви в воду с обеих сторон, почти перегородив от берега до берега.

— Малый привал, — распорядился Мрак. — Я пока пройдусь вдоль берега. Что-то тревожно мне...

— Тогда, может, я? — предложил Таргитай. — Мне ничего не тревожно.

— Тебе спинку потрудить не хочется, — уличил Мрак. — Олег, ты последи, а то он бог, ты — волхв, а свиней кому пасти, оборотню?.. Так я вам напасу!

— Прослежу, — пообещал Олег зловеще. — Он еще и огонь разведет! Потому что боги к огню ближе, чем волхвы. И мясо разогреет, потому что еда — дело священное.

Уходя, Мрак слышал, как волхв перечислял бедному богу его обязанности. Выходило, что бог должен делать все на свете, но, скорее всего, Олег просто страшился, что Таргитай быстро управится с хворостом и достанет из-за пазухи родимую. Говорит, новую песню сложил, жаждет побахвалиться, а для него, человека рассудка, любые песни, что под-

ло обращаются напрямую к глупому, но сильному сердцу, минуя мудрую голову, — верх предательства и коварства.

Берег был пологим, река с этой стороны превратилась почти в болото, заросла кувшинками, на полет стрелы от берега воду покрывала зеленая ряска. Крохотные листочки усеяли поверхность так густо, что ее почти не видать, только если какая рыба вскинется за комаром, поверхность чуть колыхнется, и видно, что под зеленью все та же гладь.

Широкие мясистые листья кувшинок лежали величаво, недвижимо, как приклеенные, почти на каждом по крупной лягушке. Огромные, с раздутыми боками, все дремали под косыми лучами, одна вяло стрекотнула, устыдилась и поплотнее прижалась белым брюхом к зеленому ворсистому листу, от которого так хорошо пахнет влагой.

Мрак уже решил вернуться, как вдруг за явором шагах в десяти почудилось движение. Замедлил шаг, пошел неслышно, готовый как к схватке, так и... к лютой схватке.

По ту сторону явора, прислонившись к стволу, сидела молодая девушка, почти подросток. Длинные светлые волосы, перехваченные лентой, падали на обнаженную спину, а на голове пламенел веноч из ярко-красных цветов. Ее длинные стройные ноги по щиколотку прятались в цветке кувшинки, огромном, как собачья миска, даже как корытце для свиненка. На нее и край болота падала густая тень, листья двигались, и по воде и берегу словно бы двигались солнечные кружева.

На звук шагов она оглянулась, вздрогнула. Ее огромные зеленые, как у Олега, глаза расширились. На миг Мраку почудилось, что бросится в теплую воду, распугивая жаб, но в следующее мгновение она бледно улыбнулась:

— Как ты меня напугал...

Мир зашатался перед глазами Мрака. В груди стало жарко и больно, а сердце то колотилось, как козел о ясли, то замирало, как муха на морозе. Он чувствовал свои холодеющие губы, с трудом произнес:

— Почему ты...

Голос его прервался. Она ответила уже увереннее, страх ушел из ее глаз:

— Твое лицо мне смутно знакомо... Кто ты?

— Ты знаешь, кто я, — прошептал Мрак.

— Не знаю... — ответила она жалобно. — Как в тумане помню, что меня схватили какие-то люди... Я бежала, заблудилась, попала в это болото... Дай мне руку, помоги выбраться.

Он подошел вплотную, она взглянула снизу вверх, испуганно и доверчиво, протянула длинную нежную руку. Под тонкой белой кожей билась голубая жилка. От нежности и жалости у него остро кольнуло в груди.

Понимая, что делает огромную глупость, он протянул ей руку. Она замедленно вложила свою узкую ладонь в его широкую пятерню, тут же ее пальцы сомкнулись, он успел удивиться нечеловеческой силе, и тут же его потащили в воду.

Другой рукой он ухватился за явор. В ее зеленых глазах мелькнуло удивление, она напряглась, пальцы держали крепко, несколько мгновений боролись молча, явор начал слегка вздрагивать.

Внезапно Мрак ощутил, что ее пальцы слабеют, пытаются выскользнуть. Он сжал сильнее сам, напрягся. Жилы трещали, явор трещал и гибался, но Мрак чувствовал, как пересиливает, перетягивает, вот она уже поднялась, вот он ее тянет, почти вытягивает, ее ноги уже вытянулись в струнку... вот наконец показались ее щиколотки.

Он стиснул челюсти, потянул так, что в глазах стало темно, а в ушах зазвенело. Кувшинка заколыхалась, наверх пошли ее ступни: широкие, желто-зеленые, с перепонками между пальцами.

Она задышалась, лицо стало бледным до синевы, Мрак тащил, чувствуя, что едва не разрывает ее надвое, и наконец увидел длинные зеленые пальцы, что крепко держали ее за щиколотки, но уже расцеплялись, их ждало нещадное губительное солнце, жгло, как раскаленное железо жжет плоть...

Он дернул из последних сил. Зеленые пальцы разжались, с шумом и плеском ушли под воду, а он выдернул ее к себе на берег. На самом деле она оказалась не тяжелее ребенка и от рывка с такой силой ударилась о его твердую грудь, что дыхание вылетело со стоном, а волосы закрыли ей лицо и холодными прядями заструились по его обнаженной груди. Мрак наконец отпустил явор, схватил ее за волосы, оттянул голову, заглядывая в лицо.

Испуганные глаза были ярко-зеленого цвета, брови сошлись на переносице, изогнутые, как луки, а в его кулаке был настоящий шелк волос, ни намек на водоросли.

— Это он велел мне, — сказала она торопливо. — Хозяин этого болота... А ему велел какой-то колдун из племени людей.

— Да, конечно, — ответил он. Взгляд его, на миг задерживаясь на ее вздернутой груди, все время опускался на ступни с перепонками. Не будь их, ее не отличить от молодой красивой селянки. — Я все понимаю. Иди...

Он разжал руки. Она вздрогнула, красивые брови взлетели, а зеленые глаза распахнулись во всю ширь так, что у него заболело сердце.

— Куда?

— Обратно, — вымолвил он устало. — Под корягу. Или где ты живешь?

— Ты... отпускаешь?

— Иди, — повторил он.

Она отступила, не спуская с него недоверчивых глаз, а когда ее ноги коснулись воды, в глазах вспыхнула радость, она упала навзничь, все еще не отрывая от него взгляда. Вода с шумом пошла брызгами, в прозрачной глубине мелькнул ее гибкий силуэт, на миг исчез, затем на середине болота поднялся водяной столбик, вода опала, и водяница, все такая же ослепительно красивая, крикнула срывающимся голосом:

— Я не знаю... не знаю, почему ты отпустил... у тебя злое, жестокое лицо... но я навеки... Только назови мое имя... я услышу, приду...

Он махнул рукой и пошел прочь от болота, ноги волочил, будто к ним подвесили скалы, за спиной прозвучал затихающий крик:

— Меня зовут Белая Лилия, я из рода Щеров...

Деревья сомкнулись за его спиной, впереди пошла земля суше, запахи стали чище, он угрюмо раздумывал над странностью этого существа, что назвало ему свое имя, тем самым передав ему власть над нею. Всякий, кто знает тайное имя, волен вызывать и приказывать. Потому старики стараются опасных зверей не называть вовсе, вон бера зовут либо медведем, либо косолапым, а то и вовсе топтыгиным, каждый волхв учит детей, чтобы не поминали вслух черта, а то придет...

— Добраться бы до тебя, сволочь, — прорычал он во внезапном гневе. — Ишь, даже водяницу заставил...

Олег и Таргитай жарили на палочках мясо, но Мрак уловил и сочный запах жареной рыбы. Олег, ухмыляясь, показал на крупных карасей, толстых и уже покрытых коричневой коркой, из-под которой выглядывало нежное белое мясо. Улыбка сбежала с его лица, когда увидел глаза Мрака.

— Стряслось что?

— Пустяки, — отмахнулся Мрак.

— Тарх сказал бы, что на тебе лица нет... но волхв должен быть точен в словах. Лицо на тебе висит, только это уже не лицо... совсем не лицо. Кого загрыз?

Мрак тяжело опустил голову возле огня:

— Надо бы. Как думаешь, кто нас не оставляет: тот проклятый воевода со своим колдуном или же урюпинцы за своего Змея мстятся?

— А тебе есть разница?

Мрак удивился глупому вопросу, да еще от волхва:

— Конечно.

— Какая?

— Не знаю, — буркнул Мрак. — Но разница есть. Один колдун дурной, но сильный, а другой не силен, зато искусен. Есть разница?

— А ты поверил, — сказал Олег с ласковым отеческим упреком. — Какой ты простой, Мрак! Простой и доверчивый... Ладно, время дорого. Я пройду над лесом. А ты, Тарх, налови еще рыбки...

В глазах Мрака что-то мелькнуло, он уже сделал движение, словно хотел остановить Таргитая, мол, ножки замочит, но пересилил себя, сказал угрюмо:

— Я поищу снизу. Все будем искать! Даже Таргитай поищет... в золе у костра. Начали! Время в самом деле дороже не бывает.

Таргитай не успел спросить, как это, искать в золе, он не такой уж и золушник, хотя покопаться в золе, конечно же, здорово, за что его звали то пепелюшником, то золушником... но Мрак уже в личине огромного волка скакнул за деревья и пропал, Олег почти одновременно с Мраком взмыл в небо. Пришлось торопливо собирать хворост, ждать лучше всего у костра. Даже если Мрак ничего не задерет, хотя скорее небо падет на землю, то можно разогреть мясо, захваченное из семьи подменьша. Хозяйка переложила ломти пахучими травами, завернула в чистую тряпицу, для нее Мрак так и останется великим лекарем...

ГЛАВА 22

Олег судорожно бил крыльями о землю, так ему казалось, но та прогибалась подобно воде, и наконец понял, что колотит о воздух, а тот стал плотным, потому что лупит со страху так, что лес со всем миром будто рухнул в пропасть. Виднокрай необъятно раздвигается, просто страшно, спиной чувствует сырь облаков, сдуру да со страху сейчас расшибет голову о небесную твердь...

Он растопырил крылья, тут же качнуло и повело в сторону, там слегка подхватило, снизу жмет теплый воздух, словно от пожара. Можно держаться вот так, просто растопырившись, надо только не соскальзывать с вершины этого теплого столба, тогда не только удержишься на месте, но даже можно полегоньку подниматься вверх, пока сам воздух не остынет...

Крылья ныли, сдуру расшиб о воздух. Мышцы, что от плеч, скулят от боли и усталости. Если честно, то перетрудил со страху, страшась упасть на землю с высоты. Летал бы чаще, уже привык бы.

Далеко на севере показались светящиеся точки. Он присмотрелся, невероятное птичье зрение странным образом приблизило далеких птиц, их цветные крылья, поджатые к брюху красные, как у цапель, лапы. Шеи длинные, оранжевые и блестящие, словно покрытые золотыми перьями, а на красивых, как у лебедей, головах ярко горят пурпуром гребни покрупнее петушиных, от них идет ровный мощный свет, играет на перьях...

Неужто анки, подумал он неверяще. Род создал их на заре мироздания, потом они стали вредить людям, и Род истребил, но часть уцелела, перебралась на дикий тогда север, прижилась, только теперь прячутся как от Рода, так от его людей...

Облака двигались на север, но когда поднялся еще выше, там был слой странно тонких, как блины, облаками даже не назвать, неспешно идут совсем в обратную сторону. Воздух зимний, все тело начало застывать, мышцы свело судорогой. Мир перевернулся, облака и далекая земля поменялись местами, потом еще раз и еще, а когда ветер засвистел в ушах, он с ужасом ощутил, что падает, а крылья нелепо болтаются.

То ли от усилий, то ли от страха, но согрелся так, что бросило в жар, крылья начали цепляться за воздух сами. Но на этот раз удержал дикий страх, не поднялся под облака, а пошел над лесом, над самыми верхушками деревьев. Если дятел близко, он его заметит, как замечает даже мелких жуков, красноглазых муравьев, паучков, что затаились в ожидании добычи...

Таргитай подпрыгнул, когда рядом огромное и мохнатое ударило о землю, мелькнули красные горящие глаза, оскаленный клюв с острыми зубами. В следующее мгновение голый человек с красными, как огонь, волосами пихнул его так, что Таргитай упал, задрал ноги:

- Опять мою волчовку под задницу сунул!
- Олег, как ты напугал...

— На свою садись! — рывкнул Олег зло. Его трясло, кожа пошла пупырышками. — Теперь воняет!

— Я тебе грел! — пискнул Таргитай. — Понюхай, какая теплая!

Он засуетился, выгреб из затухающего костра голыми руками куски мяса, еще теплые. Олег торопливо оделся, сел, лязгая зубами, к костру. Он все вздрагивал, ежился, придвигался к пляшущим языкам пламени так, что шерсть на волчовке начала скручиваться.

— Холодно там? — посочувствовал Таргитай.

— Оч-ч-чень, — пролязгал зубами Олег.

— Непонятно... Я думал, чем ближе к солнцу, тем горячее... Ладно, я не волхв, мне все равно. Есть хочешь?

Олег молча ухватил обеими руками уже остывшее мясо, зубы вонзались с такой жадностью, словно он стал Таргитаем, а сам Таргитай, сочувствующе сопя, раздул угли, принялся разогревать последние пласты мяса, а Мрак себе в лесу добудет.

— Ты замерз, — сказал он рассудительно, — потому что голодный! Я всегда замерзаю. И еще мне печально, когда я не совсем сытый... Потому и песни у меня печальные, что вы меня не кормите. Ешь, ешь!.. Когда брюхо набито, хоть босиком по снегу, а голодному и среди лета зябко...

Олег жадно ел, а когда прожевал первый кусок и ухватил второй, промямлил с набитым ртом:

— Я видел эту птаху.

— Дятла?

— Да. В самом деле, голова не красная, а зеленая. Почти зеленая, этот подменьш цвета различает не больно... Вообще бы не заметил, но когда летел в ту сторону, только один дуб стоял сухой, а когда летел обратно, уже два!.. Ну, снизился, а он, зараза, сел и жуков собирает!.. Они все повыползали наружу, чтобы, значит, на другое дерево перебираться. Тут он их и...

Таргитай кивнул, спросил с беспокойством:

— Это не слишком далеко?

— Всего с полверсты к северу. Перекусим, а там отыщем быстро.

Таргитай хлопотал, грел мясо и услужливо подкладывал мудрому волхву, а тот ел быстро и с удовольствием, веселел на глазах. Затравленное выражение ушло с лица, он повеселел так сильно, что Таргитай даже удивился:

— У тебя будто гора с плеч гагахнула!

— Две горы, — признался Олег. — Дубы это что, засохнут или не засохнут — это как-то не моя забота, а вот на кой дятлу клевать деревья, чтобы засохли? Теперь ясно. Чтобы червяков и жуков собирать без хлопот. У него даже клюв не такой острый, как у других. А под клювом какой-то зоб, как будто там... Не знаю, скоро увидим.

Мрак вернулся не скоро, но Таргитай вздохнул с облегчением. На морде кровь, глаза сытые, про мясо не спросит.

Волк пробежался по поляне вокруг костра, коротко рыкнул, отпрыгнул, остановился, изогнув корпус, явно приглашая идти за ним.

— Понятно, — сказал Олег, — ты тоже нашел. Верно?

Волк кивнул. Олег поднялся, сунул одежду Мрака в мешок, бросил Таргитаю:

— Понесешь. Дятла все равно убивать не будешь.

— Не смогу, — признался Таргитай. — Человека — другое дело, их не жалко, они сами... а дятла за что?

— За то, — огрызнулся Олег, — что голова зеленая!

Затоптав остатки костра, они побежали за волком, что даже не подумал разволчиться, зверь зверем, а между деревьями понесся, будто забыл, что у него четыре лапы, а у них четыре на двоих.

Олег, хоть волхву надлежит быть не таким, все высматривал впереди, даже подпрыгивал на ходу, наконец вскрикнул возбужденно:

— Во-о-он там! Там я видел этого дятла!..

Он только что не сказал, что он первым заметил, да и то потому, что еще неизвестно, кто первым, но суетился, в глазах нездоровый азарт, даже руки тряслись, когда вытаскивал из мешка одежду Мрака.

Волк превратился в человека, оделся, рывком выхватил из рук Таргитая лук:

— Даже тетиву не натянул?.. Что лень с человеком делает!

Быстро набросил петлю на один конец, согнул, набросил на другой, с удовлетворением потрогал натянутую струну ногтем. Та предостерегающе загудела, Таргитай торопливо подал стрелы.

— Может, ты? — предложил Мрак.

Таргитай отшатнулся. Олег ревниво наблюдал, как Мрак без спешки сделал еще пару шагов; отчетливо доносился стук крепким клювом по сухому дереву, потом стало видно и дятла — птица как птица, разве что под клювом небольшой зоб, будто болеет чем-то, но в остальном дятел как дятел: лупится головой о дерево с такой силой, что у другого бы мозги съехали, а ему хоть бы что. Такого в волхвы не возьмут, в певцы разве что.

Мрак наложил стрелу, прицелился, задержал дыхание. Олег сказал недовольно:

— Да не таись так... Это просто дятел. А он подпускает человека близко.

— Знаю, — рыкнул Мрак, — но кто знает, что это за дятел?

Натянутая тетива исчезла, негромко хлопнуло по заскорузлым пальцам оборотня. Мрак чуть поморщился, рукавичку бы, но глаза не отрывались от дятла. Полет стрелы проследить не мог, только что была на тетиве, и почти сразу дятел взмахнул крыльями, забился, пришипленный, как жук иглой, к дереву, затем крылья опустились, затих.

— Перестарался, — сказал Олег злорадно. — Это же не лось на дереве! Теперь лезь, снимай.

— Проще бы тебе... — предложил Мрак, добавил ехидно: — Птицей.

— Я в лесу не летаю. Мне простор надобен.

Таргитай, не слушая их спора, мигом сбросил сапоги, полез, хватаясь где за выступы коры, а где уже и за ветки. Стрелу пробовал раскачивать, Мрак вогнал ее чуть ли не на половину длины, но пришлось бро-

силь, обломив у самого ствола. Окровавленная тушка бессильно упала на землю.

Оттуда Таргитай соскочил, ловко поджав ноги и перекувыркнувшись на мягком мху. Уловка лодыря, лучше рискнуть сломать ноги, чем тащиться по стволу вниз, собирать на портки живицу, куски коры, жуков... Судя по его сердитому виду, сам убил бы пакостную птицу, что засушила такой красавец дуб, высокий и не по-дубьи стройный.

Олег с глубоким удовлетворением рассматривал убитого дятла:

— Ага, это у него под клювом такой мешок, как у жабы... Только у жабы это чтобы петь громче, Таргитаю бы такой — мы бы совсем с ума спятили, а у дятла в нем какая-то гадость... Осторожно!

Мрак отдернул пальцы:

— Что, ядовито?

— Кто знает?

— Это ты меня так дубом обозвал? — спросил Мрак с надеждой, но волхв, похоже, не сообразил, что мог сострить даже нечаянно. Рассматривал, щупал перья, растопыривал мертвые крылья, дул на брюхо, распушивая мягкий пух.

— Кто знает, — повторил он серьезно. — Вдруг и на людей так же... Интересно бы попробовать. Только не на ком. Разве что зайца изловишь живым...

Таргитай вскрикнул негодуя:

— А если и заяц засохнет?.. Сам ломай о такого зубы. У волхвов, как у бобров, всю жизнь растут... может быть, а у нас с Мраком только раз дадены. Мрак, не лови ему зайца. А если поймашь, лучше я его жарю. А он, если хочет, пусть этот дуб погрызет, бобер противный.

Мрак сказал с интересом:

— Не пойму, почему дуб засыхает так сразу? Даже если срубить, то и тогда листья еще неделю держатся, только вянут, а осыпаются еще через недельку.

Олег осторожно пощупал пальцем кожистый мешок под клювом:

— А если там яд, что вызывает судороги? Р-р-р-раз, и скручивают дерево... ну там, внутри. Пережимает все каналы, по которым прет сок. Человек же может с перепугу поседеть за один миг? Вот и дерево... если срубить, то это просто убить. Умрет, как говорится, с теми волосами, какие были. А если убить перепугом... — Он вздохнул, размахнулся и забросил чудесного дятла далеко через кусты. — Нелюбознательные вы люди. Ладно, что теперь? Ну убили мы бедную птицу.

— Бедную? — ахнул Таргитай. — Она ж половину леса заклевала!

Олег поморщился:

— Ему червяков и жуков с одного дуба на неделю! А в лесу деревьев тьмы и тьмы. К тому же дятел разве виноват? Это человек виноват, если не так живет, а дятел — как ему велено... Мрак, а как узнают, что мы сделали упырям услугу?

Мрак ответил с сомнением:

— Должны узнать. Мы ж и лесу всему... Как-то докатится. Не сегодня, так завтра.

— Или через сто лет, — согласился Олег. — Упыри — народ древний, для них нет времени. А нам осталось восемь дней.

Мрак уже двигался через лес, сперва медленно, потом ускорил шаг. Вскоре изгой уже привычно бежали вслед, Олег горько подумал, что с тех пор, как вышли из Леса, все бегут и бегут, остановиться и осмотреться некогда...

Додумать не успел, Мрак замедлил бег, прислушался, вскинул руку. Таргитай тут же перешел на шаг, сразу погрузился в свои особые думы, явно божеские, пока Олег не дернул сзади за пояс.

Деревья впереди начали расступаться. За стеной кустов слышался плеск, женские голоса, визг. Ползком пробрались через заросли, залегли. Мрак осторожно раздвинул папоротники.

Впереди синело похожее на осколок неба небольшое лесное озеро, круглое и чистое. Деревья обступили со всех сторон, только слева был песок, оранжевый, как солнце, и на этом песке рядом с платьями белели крупные белоснежные крылья с длинными перьями. А в самом озере плескались три женщины, молодые и ослепительно красивые, брызгали водой, дурачились, топили друг друга, вода вокруг них ходила ходуном.

Таргитай вытаращил глаза:

— Вилы!.. Настоящие берегини...

— Тихо, — прошипел Мрак. — Хоть и шумят, как медвежата, которых мать купает первый раз, но слух у них не то что у некоторых безухих... Оставайтесь здесь.

Он исчез, словно растворился. Таргитай замер, глаза не отрывались от трех красавиц, а Олег посматривал на них тревожно и гадал, куда это исчез оборотень, ибо с вилами шутки плохи. Эти, рожденные от росы, так говорят, людей не трогают, пока те их не тронут. Но если человек заденет ее хоть пальцем, хоть словом, вила может сжечь его одним взглядом.

Чуть слышно шелестнул папоротник. Листья колыхнулись, возникла огромная волчья морда. В пасти белое платье и слегка помятые крылья. Бросив, почти выплюнув добычу, волк попятился, исчез, там глухо бухнуло оземь, трава снова шевельнулась, на этот раз показалось довольное лицо Мрака.

— Крылья упер, — сообщил он. — Пусть теперь поищет!

— Мрак, — прошептал Олег. — С ними опасно.

— Без крыльев они беспомощны, — напомнил Мрак.

— Но ты принес только два крыла... И оба левых. Если даже двух повредил, то третья...

Мрак исследовал крылья, прошептал со злостью:

— Дурень ты, хоть и волхв! Какие левые? В птицу перекидывался, а в крыльях не разбираешься!.. Правда, у тебя не крылья, а черт-те что. Глазами смотри, глазами! Одно правое, другое левое. Так что не двух, а одну обезвредил.

— Тем более...

— Ш-ш-ш-ш...

На озере одна из берегинь, озябнув или накупавшись, с шумом и брызгами начала выбираться на берег. Ее попробовали задержать, но она ловко прыгала из стороны в сторону, одну перехватила за руку и бросила в воду, перескочила и выбежала на золотой песок.

Невры видели, как она быстро отжала длинные волосы, красиво и грациозно изгибаясь из стороны в сторону, по-детски попрыгала на одной ноге, вытряхивая воду из ушей, потом без спешки набросила на себя платье, короткое и полупрозрачное, подхватила крылья.

Подруги, оставшись без третьей, побрызгались немного, но быстро заскучали и начали выбираться на берег. Одна сразу ухватила платье, а вторая, растерянно озираясь, подошла к кустам, осмотрела, вернулась к воде и, присев на корточки, долго и внимательно всматривалась в глубину.

Подружки, уже одевшись, нетерпеливо покрикивали. Она снова пошла заглядывать по кустам, делая круги все шире и шире.

Олег закусил губу. Эта вила беспомощна, но две другие... Против них могут оказаться бесполезными сила и умение Мрака, а его умение волхвы вовсе не пригодится, ибо он не знает, за что хвататься.

Таргитой прошептал:

— Если подойдет близко, я не утерплю, скажу: «Гав!»

— Я те гавкну, — пригрозил Мрак. — Так гавкну, что и мявкать не сможешь. Лежи тихо!

— Да я так, пошутковать...

— Тихо, удавлю!

ГЛАВА 23

Обе берегини, посоветовавшись, крикнули что-то подруге, разбежались и, мощно ударяя крыльями по воздуху, взвились над озером, сделали круг, невры судорожно вжимались в мох, стараясь, чтобы сверху не заметили, но вилы быстро унеслись в сторону заходящего солнца.

— И так задержались, — определил Мрак деловито. — А этой, значит, чтоб догоняла, когда крылья отыщет... Видать, батя у них строгий!

— А если эта не отыщет, — прошептал Олег, — он сам за ней сюда явится?

— Типун тебе на язык.

— Волхвы стараются предусмотреть все.

— Волхвы сами себя запугивают до икотки.

Он начал потихоньку приподниматься. Олег все еще опасливо поглядывал на небо, не вернулись бы опасные подруги этой, которой не повезло.

— Эй, — сказал Мрак негромко. — Не это ли ищешь?

Он поднял над головой платье, крылья в другой руке, медленно пошел из кустов. Вила замерла, взгляд в испуге заметался по сторонам, но в руке незнакомца было именно ее платье, и она обреченно стояла, смотрела, как приближается, огромный и сильный, пахнущий потом, хотя рядом озеро с чистой водой, лохматый, с всклокоченной головой

и широкой грудью, заросшей густыми волосами так плотно, что кожи не видно.

Мрак показал ей крылья, но когда она нерешительно протянула руку, покачал головой и сунул добычу в мешок. Вила побледнела, в глазах мелькнули страх и отчаяние. Она не горбилась, стояла так же ровно, ничуть не стесняясь наготы, широкая в бедрах и удивительно тонкая в поясе, высокогрудая, с чистой, без единого изъяна кожей. Мокрые волосы тяжело падали чуть ниже поясницы, и она не сделала ни малейшей попытки закрыться ими.

— Зачем? — спросила она тихо. — Ради озорства?

В ее голосе звучала надежда, но Мрак покачал головой, и глаза ее погасли.

— До озорства ли? — спросил он.

Она оглядела его с головы до ног, в ее глазах появилось странное выражение, словно уже примирилась и даже примерялась к новой роли. Спросила осевшим голосом:

— Да, вы, судя по виду, мужчины серьезные... Значит, в жены меня?

Он оглянулся. Олег и Таргитай уже выбрались из кустов, двигались к ним, не отрывая блестящих глаз от ее изумительного тела.

Мрак сказал сожалеюще:

— Да, ты была бы женой всякому на похвальбу.

В ее глазах снова вспыхнула надежда:

— Не в жены?

— Нет, — ответил он честно, — но кое-что от тебя нам нужно.

Она снова смерила его долгим взглядом, менее внимательно рассмотрела Олега и Таргитая. Глаза ее стали угасать, а голос стал печальным:

— Да, я понимаю. Трое молодых здоровых мужчин. Как все еще не набросились... Но если вы в дороге, то вам не надо будет стирать, варить, убирать дом, рожать детей?

Мрак бросил ей одежду.

— Не надо. Прости, крылья пока не отдам.

Она быстро набросила платье, почти не скрывавшее ее наготы, сказала без особой надежды:

— Я могу дать слово, что не улечу.

Мрак отмахнулся:

— Да знаем ваше слово.

— Я поклянусь всеми богами!

— Не стоит.

— Даже нашим отцом — Стрибогом! Ни одна вила не нарушит такую клятву.

Мрак усмехнулся:

— Вила нет, а женщина — да. К тому же ваши клятвы обязательны только друг для друга, но не перед людьми.

Она опустила голову:

— Ладно, сдаюсь. Но зачем тогда ты дал мне одеться?

Олег и Таргитай переглянулись, разговор какой-то непонятный, а Мрак сказал мирно:

— Для начала, лапушка, ты выведешь нас из этого проклятого леса, где все так светло и радостно, в лес темный, болотный, гадкий, укажешь нам то болото, в котором живет Великий Упырь. Не вскидывай бровки, мы не совсем сумасшедшие. Хотя, конечно, не совсем в здравом, это верно.

— А, — сказала она, ее лицо прояснилось, хотя отвращение в глазах осталось, — вам здесь не по себе и вы здесь ничего не можете?

Олег ответил честно:

— Не можем.

— Пойдемте, — сказала она.

Мрак двинулся следом, готовый в любой миг ухватить, если прыгнет в кусты, хотя и знал, что глупо. Ни одна берегиня не оставит свои крылья. Будет годами терпеть мужское внимание, рожать, нянчить детей, готовить и стирать, но как только он привыкнет, как только перестанет запираить ее крылья...

Воздух стал плотнее, оседал на лицах тонкой пленкой. Теперь они не бежали, берегиня шла даже медленнее Таргитая, тот наконец стал забегать вперед и раздвигать перед ней кусты, одни ветки пригибал, чтобы она переступала, другие поднимал на вытянутых руках, дабы она не склоняла головы. Берегиня слабо улыбнулась парню, видела его восторженные глаза, и хотя он был самым чистым из этих трех животных, но все-таки оставался животным...

Под ногами чавкало, сапоги погружались по щиколотку в темно-коричневый мох. Деревья становились все приземистее, болезненнее, ветви торчали часто без листьев, голые и страшноватые.

Над головами носились крупные, непомерно толстые стрекозы. Белесые брюшки отвисали, а когда Таргитай цапнул одну на лету, брюхо лопнуло, словно наполненное гноем. Он долго на ходу наклонялся, рвал траву, вытирал пальцы.

Олег осторожничал, отставал, вслушивался, но более чуткий Мрак шел за берегиней как тур, хотя мох под ногами уже прогибался, как молодой лед на опасной реке.

— Здесь уже вода, — бросил Олег им в спину.

— Где? — крикнул Мрак на ходу.

— Под ногами, где ж еще!

— А-а-а... Я уж подумал, что ты о хлябях небесных, — ответил Мрак хладнокровно. — Мы уже давно прем над бездной.

Олег приотстал еще, крикнул осевшим голосом:

— Над бездной?

— Ну, не совсем, — ответил Мрак. — Где-то дно есть, но сколько до него верст... Нет, не чую.

Олег крикнул предостерегающе:

— Мрак! Упыри. Если мы уже идем по болоту...

— Ну и что?.. Упыри все одно дальше.

Наконец берегиня остановилась, ее красивые стройные ноги до бедер были забрызганы жидкой грязью. Мрак нахмурился, а она сказала ровным голосом:

— Это и есть Великое Болото.

Мрак огляделся:

— Не вижу болота.

Она сказала пренебрежительно:

— Видишь, не прикидывайся. Мы давно идем по болоту. Просто дальше мне дорога закрыта. А вы... вы как хотите. Для всех великий Род создал правила, только для ничтожных людишек не стал стараться. Вы свободны пойти дальше и утонуть в этой грязи.

Мрак подумал, сказал почти весело:

— Спасибо на добром слове. Тарх, отдай девке крылья.

С недоверием смотрела, как молодой парень развязал мешок, бережно вытащил ее крылья, начал расправлять перья. Еще не веря, она протянула руку, он не отпрыгнул, дразнясь, не спрятал крылья за спину, даже не укусил за протянутую руку.

Другие двое смертных тупо топтались по вязкой жиже, всматривались в туман на той стороне широкой поляны. По всей поляне, покрытой ровным зеленым мхом, вздымались высокие мшистые кочки. Похоже, даже эти люди знали, что пройти можно только по ним, а стоит чуть сосупить — тонкий мох прорвется, а там холодная черная вода...

За их спинами послышался довольный вскрик. Берегиня, уже с крыльями за спиной, преобразившаяся, медленно отступала, теперь в ее глазах были страх и желание оказаться от них как можно дальше. Мрак успокаивающе помахал рукой:

— Крылья в порядке?.. Ну, лети, лети, насекомая.

— Она больше похожа на лебедя, — поправил Таргитай. — Правда, у лебедя ноги кривые и кричит противно...

Она подвигала крыльями: можно взлететь с места, можно отбежать, взлететь с разбегу. Эти странные люди с ожиданием и надеждой смотрели на темное гадостное болото, на нее внимания оскорбительно уже не обращали.

— И это все, — спросила она, — чего вы хотели?

Олег и Таргитай одновременно кивнули, а Мрак отмахнулся:

— А что ты еще можешь?

— Ну...

— Ничего ты не можешь, пернатая, — сказал Мрак сожалеюще, — а нам пока не до плясок на лугу.

Она отступила на шаг, повернулась, все невольно засмотрелась на длинные стройные ноги. Пробежала несколько саженей, подпрыгнула. Крылья подхватили ее гибкое легкое тело, понесли. На солнце ярко блеснули серебряные перья, затем сверкающая фигурка на лебяжьих крыльях скрылась за лесом. Таргитай завистливо посмотрел вслед:

— Если бы я мог... Олег, а ты почему не вот так? Некрасивый, да?.. А я бы все равно летал. На землю бы только поест да... Хоть то можно на лету. Особенно когда вы там, внизу...

А Олег проводил улетающую берегиню долгим задумчивым взором, в котором были недоумение и неприкрытая досада:

— Ну и что?